

**НОВЫЕ
ОЧКИ**

ЧАК «Ч»

Эльзе – женщине в моей жизни, без чьей любви, заинтересованности, поддержки и помощи этого бы никогда не произошло.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ВВЕДЕНИЕ	12
ПРОБЛЕМА	16
ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК	43
СИЛА ПРАВДЫ	77
ТРЕЗВОСТЬ – ДУХОВНЫЙ ОТДЫХ.....	109
БЛУДНЫЙ СЫН	138
ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ	150
ЭПИЛОГ	182

CHUCK "C"

CHARLES A. CHAMBERLAIN
1902 - 1984

ПРЕДИСЛОВИЕ

В эпоху распространения изданий по самосовершенствованию и поп-психологии вполне резонно прозвучит вопрос, имеет ли книга «Новые очки» хоть какое-то значение. И, если да, то в чём её особенность?

Я думаю, ценность этим страницам придают два основных фактора, представляющие собой суть прикладных принципов одной из самых динамичных философий этого века... изложенных человеком, прошедшим путь от буквально «бормочущего заплетающимся языком идиота» до одного из самых харизматичных людей в мире.

Речь идёт, разумеется, о философии Анонимных Алкоголиков, за последние полвека в корне изменившей жизнь большому числу алкоголиков, чем, вероятно, вся вместе взятая терапия за всю историю лечения алкоголизма. Содружество АА, созданное в середине 1930-х алкоголиком-стокброкером и алкоголиком-доктором, чьи пути сошлись в Акроне, штат Огайо, пустило корни по всему миру и насчитывает свыше миллиона активных участников - трезвых алкоголиков.

Тем, что ставит АА на голову выше остальных попыток остановить алкоголизм, является бесспорный успех в стремлении кардинально изменить отношение алкоголиков к собственному миру – то есть предоставить *иное восприятие* окружающей действительности. Самое тяжело преодолимое свойство алкоголизма – для алкоголика и для тех, кто имеет с ним дело – это конфликт с трезвой реальностью, где

противоречия в конце концов становятся невыносимыми, а поиски облегчения всегда заканчиваются возвратом человека к алкоголю или наркотикам. (Учёные, изучавшие алкоголиков, утверждают, что их пациенты могут достигнуть момента в трезвости, где они вынуждены пить для того, чтобы не сойти с ума!)

И тогда химикат «облегчения» начинает создавать очевидную проблему. Давление извне относительно употребления усиливается, а боль и беспокойство пациента начинают возрастать. Ни трезвость, ни химическая альтернатива не способны разрешить этот конфликт. Такое практически безнадежное состояние ума и тела известно как *алкоголизм*... воистину загадочное заболевание, когда отказ от алкоголя имеет незначительный, если вообще какой-то эффект и зачастую лишь увеличивает эмоциональную агонию.

Так называемое «чудо» АА в возможности – если неуклонно следовать его принципам – постепенно изменить восприятие реальности внутри обезумевшего. Цель, часто достигаемая - в конечном итоге ощущать жизнь на комфортном уровне, доселе неведомом людям с таким заболеванием ума и тела.

А поскольку синдромы трезвого алкоголика фактически идентичны синдромам обострённого неврастеника, эти же принципы АА применимы и ко множеству прочих жизненных ситуаций. (Но, как неоднократно подчёркивается в книге, эти принципы должны быть *использованы*, а не просто оценены, проанализированы или пассивно приняты.)

Человек, который объяснил свою интерпретацию и понимание программы выздоровления АА на последующих страницах, столь же неординарен, как и описанная им программа. Чак Ч. (вместо фамилий Анонимные Алкоголики используют лишь инициалы - духовный принцип, позволяющий членам сообщества всегда помнить о недопустимости самовозвышения за счёт учения) стал неутомимым активистом АА вскоре после того, как достиг трезвости в 1940-х.

В 1946 году он был мужем (чья жена подала на развод), отцом (чьи оба сына смотрели на него со страхом и презрением), бизнесменом (чьи подчинённые заявили ему, что его «вышвырнут в окно», если он снова появится за своим столом). Короче говоря, Чак Си был конченным неудачником во всех аспектах своей жизни.

Сегодня этот удивительный человек является почти что живой легендой – насколько этого возможно достичь в анонимной программе. С годами он стал, пожалуй, наиболее известным, самым любимым и действительно успешным примером воплощения в жизнь принципов АА. И, как он сам доходчиво объясняет, его успех полностью основан на том, чему он научился в АА, и что постоянно использует в своей жизни. Прочный брак, шагнувший за порог золотой годовщины, любовь и уважение двух его сыновей, уход на пенсию в качестве владельца компании, по сути выгнавшей его в 1946-ом... это лишь поверхностные показатели гораздо более глубоких изменений, произошедших в нём.

«Обнаруживай, узнавай и избавляйся!» Это стало основой

его развивающейся философии. Но в отличие от большинства философий, напичканных заумными фразами и псевдопсихологическими бреднями, в этой книге описан прагматический путь жизни, любви и обретения смысла существования.

Мне посчастливилось знать Чака в течение многих лет, и я нахожу его жизненный *пример* гораздо более привлекательным, нежели все бессчётные страницы «как надо..» книг, в которые я долгие годы погружал свои беспокойство и упадок. (Найдутся многие, кто *скажут* вам как... и только единицы могут *показать* это!)

На протяжении лет я был ошеломлён неисчерпаемой энергией и самоотверженностью Чака. И что ещё более поразительно в этом грубом и меркантильном мире и о чём следует помнить - это абсолютное отсутствие какой-либо финансовой компенсации за свои труды. Как он говорил: «...мы делаем это *бескорыстно* и с *удовольствием*». Большинству из нас довелось слышать речи известных духовных лидеров, призывающих к такому подходу, но на практике это встречается редко.

Книга «Новые очки» при первом прочтении может показаться странной и не относящейся к какой-либо определённой проблеме; большинство из нас, нуждаясь в помощи, пытались укрыться за тонким слоем цинизма, который мы использовали как рваный плащ для самозащиты.

Однако я имел возможность более четверти века наблюдать, как эти принципы постепенно стали работать в моей жизни, и я знаю, что многое ещё впереди. Я

настоятельно прошу вас не попасться в ловушку, которую описал Герберт Спенсер, и которая так часто сводит к нулю наши лучшие усилия:

«Есть принцип, который является препятствием для любой информации, доказательством против всех аргументов, и который безошибочно удерживает человека в вечном невежестве – этот принцип называется презрение до исследования».

Короче говоря, друзья, пощадите себя. Возьмите то, что вам нужно сейчас и отложите на будущее всё остальное. Удивительно, как такой простой подход может изменить взгляд на жизнь. И разве не для этого мы приобретаем новые очки...

Клэнси И.

Лос-Анджелес

1983

ВВЕДЕНИЕ

День, который изменил мою жизнь, начался, как и все остальные за последние месяцы. Я был пьян. Через своё пьянство я умудрился потерять почти всё, включая семью, свой бизнес и самоуважение. Всё, кроме собственного «я». На удивление, даже лёжа в постели на отходняке, дрожа и покрываясь холодным потом, с пустыми бутылками и мусором, разбросанными по всему дому, я по-прежнему умудрялся верить в свою способность делать всё, что захочу – включая бросить пить. Я уже много лет периодически посещал собрания АА, и даже умудрился оставаться «сухим» почти год. Но, хотя я прекрасно знал, что многие люди бросили пить и выздоравливали с помощью товарищества, я не находил ничего общего ни с этими людьми, ни с программой, и соответственно продолжал пить.

Я пытался решить, действительно ли я хочу увидеться с человеком, которому позвонил вчера. Он был известен в содружествах Анонимных Алкоголиков всего мира, и моё эго

подсказывало мне, что если кто-то и может помочь такой важной персоне, как я, так это он. Я позвонил ему и попросил приехать ко мне (он предложил мне приехать к нему, но в моём состоянии я и до машины-то не мог дойти, а уж сесть за руль и подавно). Я и представить себе не мог, как много я прошу, и только через неделю я узнал, что по состоянию здоровья он редко ездит куда-либо сам.

Позже утром, после того, как он заблудился и позвонил, чтобы уточнить, куда ему нужно ехать, он прибыл. Он сел в кресло-качалку моей бабушки и проговорил со мной до позднего вечера...

После нескольких часов я стал отходить от алкоголя и меня начало трясти так, что я не мог слушать его. Я спросил виновато, не будет ли он против, если я выпью, чтобы утихла дрожь, и он сказал мне делать то, что я считаю необходимым.

Потом мы продолжили разговор.

Но то, что изменило мою жизнь, произошло, когда он уходил. Выходя за ним, я увидел его согнувшимся от боли над кухонным прилавком среди моего мусора и пустых бутылок. Я спросил, чем я могу помочь, и он сказал, чтобы я не волновался, что это пройдёт через несколько минут. Скоро ему стало немного легче, и он уехал. Но в эти минуты на кухне я вдруг понял программу Анонимных Алкоголиков. Этот человек, бывший когда-то таким же пропойцей, как я, пренебрёг своим комфортом и самочувствием ради того, чтобы поделиться со мной опытом, силой и надеждой, и его единственной целью было желание помочь алкоголику

в беде. Этот человек, который никогда не слышал обо мне, любил меня настолько, что никакие неудобства или боль не могли удержать его от попытки помочь мне.

И по сегодняшний день, спустя уже больше года, то чудо, которое принёс мне этот человек, чудо Анонимных Алкоголиков, позволило мне оставаться трезвым с того вечера, когда я последний раз выпил у него на глазах. Но самое главное, духовная философия программы Анонимных Алкоголиков, олицетворённая этим человеком, полностью изменила моё отношение и мой жизненный путь. Полное принятие этой философии дало мне возможность иметь всё то, что я всегда искал в бутылке. Я доволен. Я доволен собой и миром, в котором я живу.

Человек, который приехал ко мне, Чак Ч., первый из тех, кого я встречал, у которого действительно есть то, что я хотел бы иметь. Я хочу то, что есть у него. Я однажды спросил его, какая из сотен сделанных за годы записей его речей лучше всего демонстрирует его мышление. Он без задержки ответил, что семинар на мужском съезде алкоголиков в Пала Месе в 1975 году включает в себя, пожалуй, все его мысли о программе Анонимных Алкоголиков и о Программе Жизни.

С помощью Чака и его жены Эльзы мы составили книгу из магнитофонных записей, чтобы множество людей, на чьи жизни Чак уже повлиял, и те, на чьи жизни он повлияет в будущем, могли взять её в руки и найти в ней поддержку.

Вот мысли Чака, как они были поведаны шестидесяти четырём мужчинам в Пала Меса. Мысли, которые помогут

вам увидеть мир через новые очки.

Ли Т

Август 16, 1983

ПРОБЛЕМА

Меня зовут Чак Ч., я алкоголик. Я не знаю, когда я чувствовал такую признательность, как сейчас. Банда собравшихся здесь послушать мой лай в течение шести собраний – это нечто. Спасибо, что пришли. И тех, кто приехал, чтобы просто сбежать от своих жён, я также хочу поблагодарить. Как здорово видеть всех вас – вы прекрасны. Я люблю вас.

Эта неделя выдалась довольно бурной. В понедельник в Пасадине похороны одного дружка, которому был 51 год. Он толкал речь в АА и прямо на середине рухнул и больше не встал. Сердце. Это было в понедельник, а во вторник добавился ещё один. Этот был одним из первых в Комтонской Группе. Пришёл в неё, когда она только зародилась. Старик Текс М. был трезвым двадцать один год. Ему пришлось туго потому, что он был ещё и заядлым игроком. Он обожал играть. И он выигрывал, и он проигрывал иногда. Последний раз в Лас-Вегасе он выиграл семнадцать тысяч в кости. Он отдал деньги жене и сказал: «Пошли их домой», но она не послала. Она положила их в сейф в отеле, и он проиграл почти всё до отъезда! Он относился к этому, как к шуточке. Считал свою жену виноватой целиком и полностью, потому что он сказал ей отослать их домой. И вот он снова поехал играть, с ним случился сердечный приступ, и он покинул нас. Пришлось хоронить его во вторник.

В среду я получил торт на двадцатидевятилетие, что для

такого мямли идиота пропойцы трудно представить. Двадцать девять лет без выпивки и таблеток. Очень даже неплохо. И вот, чтобы закончить неделю, я могу поделиться с вами, а вы со мной. Ещё раз огромное вам спасибо, что пришли.

Я думаю, что правильно будет начать с проблемы. Этот слёт предполагает тематику «во всех наших делах». В Двенадцатом шаге сказано: «Достигнув духовного пробуждения как результат этих шагов...» (имеются в виду первые одиннадцать) «... мы старались донести наши идеи до других алкоголиков и применять эти принципы во всех наших делах». *Во всех наших делах.*

И, думая о проблеме, я вспоминаю первого протрезвевшего в Хьюстоне кореша из Техаса. У него, кажется, тогда уже было где-то тридцать пять лет трезвости. Он в пол-Техаса в ширину и Техас с половиной в высоту.

Вот его история. Он говорил, что если ты пытаешься решить проблему, то не плохо бы знать, в чём именно она заключается. Например, он рассказывал: «Я всегда боялся собак. Какая-нибудь красотка гуляет с догом на поводке, и она не боится его (пудель выскочит и я наутёк!)». Он больше двух метров ростом – представляю его себе, бегущим от пуделя! Он говорил, что ему часто было стыдно из-за этого, и он понял, что ему необходимо разобраться в причинах этого страха. Долго он копался в своей прошлой жизни и откатился в памяти аж до семилетнего возраста. Он вспомнил, что когда ему было семь, маленькая собачка укусила его, и поэтому он стал бояться собак. Но это объяснение не принесло ему облегчения. И тогда он вспомнил, что собака

укусила его потому, что он гнался за какой-то девчонкой. Так вот, он говорит: «Всю жизнь я гонялся за женщинами, попадая в передряги, и убегал от собак; так что собаки изначально не являлись моей проблемой!».

Вот потому-то он и говорит, что надо знать, в чём заключается проблема.

Я тоже так думаю. Я скажу вам, что является проблемой, и я скажу вам, каким я вижу её решение. Среди вас найдутся те, кто не согласится со мной, и это нормально. Но если я буду говорить, то я должен сказать, как это вижу я. Когда мы пришли сюда, нашей непосредственной проблемой была выпивка. Алкоголь. Он пригнал нас сюда. И меня он пригнал сюда после двадцати пяти лет беспробудного пьянства потому, что у меня больше не было сил продолжать этот бой с бутылкой. Итак, я пришёл сюда в расцвете своих сорока трёх лет, потерпев полный крах во всех аспектах жизни: как муж, отец, бизнесмен, человек и даже как пьяница. У меня всё кончилось, включая людей, места, вещи, деньги, виски и дом, и всё остальное. И не осталось ни одного места, куда я бы мог пойти, кроме как сюда. Однако в мой последний запой мне крупно повезло. Бутылка прибила меня! Она забила меня до смерти, забила меня в ничто, и только тогда я смог присмотреться к Анонимным Алкоголикам. До этого никто бы не смог уговорить меня прийти сюда. Покуда я мог выбирать, я бы не выбрал прийти в АА, и я не приходил до тех пор, пока не потерял всё, включая возможность выбора.

И я утверждаю, что лучшее, что произошло в моей жизни, а мне семьдесят два, случилось в январе 1946-го, когда

бутылка добила меня. Если бы мне было необходимо добровольно сдаться для того, чтобы быть здесь, я бы подох, не добравшись сюда. Я не мог сдаться. За сорок три года своей жизни я ни разу не признал поражения. Ни перед Богом, человеком, женщиной или даже Дьяволом. Слово «сдаться» не входило в мой словарь. Его искоренили из меня предыдущими поколениями. Слава Богу, что бутылка позаботилась изменить это. Стену снесло, и я пришёл на программу полностью отречённым от самого себя. И всё, что написано в пятой главе книги Анонимных Алкоголиков, я хотел сделать сразу, как только услышал. В первый же вечер, всё, что читали из Пятой Главы, я был готов делать. И я уверен, что это произошло только из-за моего полного отречения от себя, в котором я попал сюда.

Правда я не был уверен, что мне удастся сделать Третий Шаг, но не потому что я не хотел. Я не имел ничего против Третьего Шага. Я бы отдал свою волю и жизнь любому дураку, лишь бы мне избавиться от себя. Но там, где говорится, что мы препоручили свою волю и свою жизнь Богу, как мы его понимали, я не представлял это возможным для себя, так как не считал, что будет честно пытаться сплавить такую дрянь, как я, кому-либо, не говоря уже о Боге. Я бы себя не взял даже с шикарным приданым, и, ненавидя себя, я не мог предположить, что Богу я милей, чем самому себе. Короче, я отложил это дело. Просто отложил. Зато я взял последнюю треть Двенадцатого шага и стал «применять эти принципы во всех моих делах».

Шесть месяцев я ежедневно ходил на собрания АА и вдруг

обнаружил, что всё это время я трезвый. Это было чудо, потому что я ходил на все эти собрания в страхе, что я не смогу следовать программе, что у меня просто не хватит физических и моральных сил делать то, что требуется. Но спустя шесть месяцев ежедневных собраний я вдруг осознал, что трезв и что оставался трезвым всё это время. И тогда я стал задумываться над Третьим Шагом, решив, что «может быть, Бог согласится на такой подарочек, как я». Но никакого решения я так и не мог принять. Спустя какое-то время мне в голову пришла такая мысль: «Ты отец». Тогда я стал выдумывать самые страшные преступления, которые могли бы совершить мои дети. В своём воображении я рисовал картины ужасных деяний, совершаемых ими, а потом спрашивал себя: «Стало бы это поводом отречься от них? Заставило бы это меня отвергнуть их навечно?» И я отвечал себе: «Нет, я бы не смог так поступить». Что бы они ни совершили, я никогда не смог бы проклясть их. Так я пришёл к мысли, что Небесный Отец, будучи хорошим, может простить меня плохого. Это устроило меня. Но для меня это должно было прийти через какие-то действия.

Как только я понял, что я трезвый уже шесть месяцев, я стал отдавать другим алкоголикам то, что было дано мне. Заблудыги дали мне трезвость. Помогая другим алкоголикам, я вдруг обнаружил, что интересные вещи стали происходить у меня дома. За год до этого жена собиралась разводиться со мной, дети не хотели приходить, когда я был дома, начальник собирался вышвырнуть меня в окно, если я ещё раз попадусь ему на глаза, у меня не осталось здоровья, рассудка, дома,

работы или чего-то ещё, и складывалось впечатление, что бой проигран. И вдруг дома стало всё гладко. А это радовало. Это произошло где-то спустя год после моего прихода в АА. А спустя ещё месяцев шесть или восемь я вдруг заметил, что всё ещё стараюсь разгрести всё на своём рабочем столе (мы побеседуем о применении принципов АА в бизнесе чуть позже). Итак, я разгребаю свой рабочий стол, и бизнес идёт хорошо. Сливки. И это радовало! Где-то спустя ещё год я осознал, что я чувствую себя лучше, чем я когда-либо чувствовал в своей жизни. Моё состояние, возможность быть собой оказались лучше любой мечты. И это радовало.

А когда прошло пять или шесть лет, я сделал открытие, которое считаю Великим. Когда это происходит с нами, поиск окончен, и начинается жизнь – она не кончается, она только начинается. Честно! И этим открытием было то, что я больше не одинок. Я, который сорок три года шёл по жизни одиноким, совершенно одиноким, больше не одинок. У меня был мой Бог. И он там, где я. Я часто один, но я не одинок. И это так с момента открытия, и это было так и до него. Потому что я не был одинок с первого собрания Анонимных Алкоголиков. Я верю в то, что эта наша программа, программа Анонимных Алкоголиков, учит находить, узнавать и избавляться. Вот что такое программа АА для меня. Находить, Узнавать и Избавляться.

Первые девять шагов программы являются шагами поиска, очисткой от обломков прошлого. Наше «я» выжимается из нас; мы избавляемся от нашего эго - временно, потому что, как мне кажется, мы никогда не сможем избавиться от него

полностью. Я убеждён в невозможности, пройдя первые девять шагов, не обнаружить, что что-то произошло, и это здорово! Потому что, когда мы честно сделали первые девять шагов, наше эго временно исчезает.

Я абсолютно, полностью, с головы до ног уверен, что в этой жизни существует только одна проблема. Одна проблема, включающая в себя все проблемы, и одно решение этой проблемы, включающее все решения. Похоже на упрощение, не правда ли? Одна проблема, одно решение. Но я уверен, что единственной преградой между мной и вами и мной и моим Богом является человеческое эго. Это единственная преграда. Я, кстати, считаю, что лучшим определением эго, которое мне довелось слышать, является «чувство осознанного отделения от». От чего? От всего. От Бога. (Мне нравится использовать три слова, которые я считаю синонимами: Жизнь, Добро́ и Бог.) Осознанное отстранение от Бога, друг от друга и, в конце концов, от самих себя. Это то, что говорит мне: «Вот моё большое я, маленькое я, умное я, глупое я, богатое я и несчастное я против всего мира. Я должен быть умнее, продуктивнее и изворотливее других, чтобы хоть как-то влачить жалкое существование в этой враждебной вселенной». Так меня приучали с детства. Крылатые фразы жизни типа «кто первым встал, того и тапки», «не поспел – пропал», «быть первым из первых» стали условиями, на которых всё строилось. Вот он я против всего мира. Я должен быть умнее, продуктивнее и изворотливее других. Сознательно отделяя себя ото всех и от Бога. Я думаю, что это самая большая преграда - кстати,

единственная преграда между мной и вами и между мной и Богом. Человеческое эго. Это семя всех наших одержимостей. Вот откуда они приходят.

Ещё я абсолютно уверен, что никоим образом невозможно удовлетворить наше эго. Я люблю сидеть в своём большом кресле (многие из вас видели его, некоторые даже садились на минутку, но я не позволяю никому сидеть в нём долго!) и смотреть поверх маленького городка Лагуна Бич на линию берега и пролив (прямо перед моим креслом Авалон) к Острову Каталины. Это где-то в тридцати четырёх-тридцати пяти милях от моего дома. Я люблюсь водой пролива, а ведь тридцать пять миль – это только на поверхности. Он к тому же глубокий. И я рассуждаю сам с собой: «Предположим, что весь этот пролив не вода, а виски». Много выпивки! Удовлетворило бы это количество виски мою потребность? И я вынужден признаться, что нет. Всего этого чёртового пролива не достаточно, чтобы утихомирить мою одержимость, потому что когда я начинал пить, то вскоре я пил, лёжа пластом в кровати днём и ночью, и как только открывал глаза - пил, и нет способа удовлетворить эту тягу. Это невозможно.

Предположим, что вместо выпивки я бы испытывал такое же чувство по отношению к деньгам. Что тогда? Та же картина. В течение многих лет у меня был клиент, который жил в Фениксе, штат Аризона. Он был сирийцем, его звали Эдди, и он из пачки зелени сделал тридцать пять лимонов, но при этом был самым нищим человеком, которого я знал. Видите ли, к сожалению, в одном из его бизнесов - а он

занимался нефтью - у него был партнёр, состояние которого составляло сто пятьдесят миллионов. У него был «люкс» в престижном клубе - одно из самых шикарных мест, что вы когда-либо в жизни видели: панели из шикарного дерева, коллекции редкого оружия, слоновьи бивни, чучела экзотических животных и всё, что только можно придумать. И когда я сидел там с ними, то Эдди аж из кожи вон лез. Несчастный, у него ведь было только тридцать пять миллионов, а у старика Стила сто пятьдесят. Бедняжка! Эди порой говорил мне: «Чарли (в бизнесе меня называли Чарли), могу я стать таким, как ты?», и я отвечал: «Нет, не можешь». Он спрашивал: «Почему?», и я говорил ему: «Эдди, зачем тебе Бог, если у тебя есть тридцать пять лимонов?! Кончай дурачиться! Ты можешь купить всё, что ты хочешь, включая женщин, что ты и делаешь. Кому нужен Бог, если есть такие бабки? Иди заработай сто пятьдесят миллионов, ты сможешь, если не помрёшь (потому что всё, до чего бы он ни дотронулся, превращалось в золото). А когда ты их заработаешь, то поймёшь, что они не сделали для тебя внутренней работы. И ты придёшь ко мне и скажешь: «Чарли, могу я стать таким, как ты?». Скажу вам, что таким как я можно стать только понимая эти вещи. Но он говорил: «Объясни мне это». И мы с ним катались по штату Аризона, беседуя так же, как мы сейчас тут с вами. Но бедный Эдди не заработал сто пятьдесят лимонов; у него так много всего было в башке, что она взорвалась. Инсульт. Он был на десять лет моложе меня, и его уже лет пять или шесть как нет в живых. Невозможно удовлетворить алчность.

Предположим, что у меня жажда власти. Как насчёт этого? Никаких шансов. Гляньте на Уотергейт: хорошенькая борьба за власть. Жажда власти неутолима. Если ты президент Америки, то в этом нет ничего хорошего, потому что любой диктатор имеет больше власти, чем наш президент. А у Чингиз-Хана было больше власти, чем у всех у них вместе взятых. Это бесконечно.

А как насчёт женщин? Я собрался было сказать «насчёт секса», но это могут не правильно интерпретировать (меня тут в последнее время приглашают побалакать с теми, у кого «отклонения», но, слава Богу, всё никак не получается. Пока что либо я чем-то занят, либо я нахожу себе занятие). Так что «насчёт женщин»? Допустим я помешан на женщинах. И допустим, что я самый известный в мире ловелас и что я уже переловил всех женщин, которых хотел, за исключением одной. Вам не кажется, что в моём возрасте это была бы целая армия? Удовлетворило бы это меня? Вроде да. Только вот нет мне покоя из-за той одной. Короче, если не можешь завоевать их, то союзничай с ними. Мы должны избавиться от своих одержимостей. А для этого мы должны избавиться от нашего эго, потому что они происходят именно от него. Я хочу, Я не хочу, Я люблю, Я не люблю, Я-Я-Я-Я-Я. Вот откуда это.

Именно поэтому в книге «Анонимные Алкоголики» используются такие формулировки. В двух параграфах первой страницы Пятой Главы четыреста пятьдесят два указателя. Вот где огромное количество информации! «Мы редко встречали человека, который бы строго следовал по нашему пути и

потерпел неудачу». Я встречал людей, которые утверждают, что слышали, как Билл Уилсон говорил, что если бы он начал всё сначала, то он изменил бы в книге одно слово. Убрал бы «редко» и заменил его на «никогда». Так вот, Билл никому такого не говорил, потому что знал, по какой причине он использовал там слово «редко». Если бы он написал «никогда», то я вижу по меньшей мере четырёх человек, сидящих за передним столом, и глядящих на меня, которые бы сказали: «Никогда не встречали. Ну что ж, придётся показать им!» Вот почему там написано «редко». И это Билл сам мне рассказал (а я его хорошо знаю).

«Мы редко встречали человека, который бы строго следовал по нашему пути и потерпел неудачу». Однажды мне довелось услышать это в варианте, который звучит лучше, чем это написано. Какой-то парень прочёл: «Мы редко встречали человека, который бы с удовольствием следовал по нашему пути и потерпел неудачу». Я считаю, что это блестяще. «Не излечиваются те люди, которые не могут или не хотят целиком подчинить свою жизнь этой простой программе; обычно это мужчины и женщины, которые органически не могут быть честными сами с собой». Честными сами с собой. Честность и следование пути. Вот уже два указателя. Быть честным и следовать пути, строго следовать пути. «Они по натуре своей не способны усвоить и поддерживать образ жизни, требующий безупречной честности». И здесь указатель. Усвоить и поддерживать. Видите ли, мы те люди, которых никогда не устраивал статус кво. Ничему нормальному мы не уделяли внимания больше

чем на секунду. Если это не было лучше обычного, нам это не нравилось. И так было ещё *до* того, как мы впервые выпили. А значит мы должны это хорошо усвоить и поддерживать, иначе счастливая трезвость превратится в пьянство. Нам надо двигаться. Продолжать движение. Как только мы наполнимся самодовольством и остановимся, мы попали. Значит усвоить и поддерживать образ жизни, требующий неумолимой честности, становится нашей основной работой.

«Такие несчастные есть. Они не виноваты; они просто родились такими». Мне не нравится эта фраза, потому что за двадцать девять лет мне встретились около пятисот людей, утверждающих, что они органически не способны быть честными сами с собой – действительно не способны. Однако я считаю, что если ты ещё дышишь, и все шарниры у тебя работают, то ты не можешь продолжать прятаться за таким оправданием, но иногда мы всё же пользуемся им.

«Вероятность их выздоровления ниже средней. Есть люди, страдающие от серьёзных эмоциональных и психических расстройств, но многие из них всё-таки выздоравливают, если у них есть такое качество, как честность». Я должен рассказать вам одну историю. Я знаю, что многие из вас её слышали. Когда-то в Лос-Анджелесе не было никого, кто бывал на собраниях АА, и один еврей приехал сюда с книгой. Он и не знал, что она у него есть. Пришёл в себя в Палм Спрингс и стал искать бутылку виски в чемодане, а нашёл эту книгу («Анонимные Алкоголики» – первое издание в красной обложке). Он понятия не имел, как она попала к нему в

чемодан. Но виски там не оказалось, и он стал читать эту книгу, и продолжал читать её, и она понравилась ему; его впечатлило то, что он читал.

Он добрался до Лос-Анджелеса с этой книгой, нашёл людей, и они решили провести собрание, но они не знали, как его надо начинать. И таким образом в Лос-Анджелесе берёт начало традиция, распространившаяся по всему миру: чтение первой части Пятой Главы. Этот евреец сказал: «Я не знаю, как начинать собрание, но в этой книге есть глава «Программа в действии», и там именно это и объясняется, так что давайте прочтём». И они прочли первую часть Пятой Главы. И сегодня вы будете удивлены, узнав где её читают - в Австралии, в Новой Зеландии, в Канаде, в Техасе. Её продолжают читать, и это прекрасно. Каждый раз это чтение напоминает мне о том, что моё выживание зависит именно от этой части Пятой Главы.

Спустя какое-то время полдюжины этих ребят отыскали где-то в бомжатнике одного синяка. Его звали Уайти, и похоже, что Уайте дружил с винищем слишком сильно и слишком долго. В ходе собраний он бормотал что-то, просто сидел и всё время бормотал, а это мешало. Тогда они решили отвести его к врачу, чтобы тот сказал им, как быть. Они отвели Уайти к доктору, и тот быстро разъяснил им: «Ребята, оставьте этого парня. Вы ему не поможете. Лучше потратьте своё время на тех, кому вы можете помочь. Его мозг настолько повреждён, что все ваши попытки – это пустая трата времени». Ну, разумеется, на следующем собрании они обсуждали, что делать с Уайти. Практически

все хотели избавиться от него, чтобы не слышать его мычания на собраниях. Но был там один парень, который вычитал кое-что в Большой Книге, и он сказал: «Минутку, братва. Здесь сказано, что единственным требованием для участия является желание бросить пить, а Уайти хочет быть трезвым. Мы не можем его выгнать». И остальные согласились, что именно так сказано в книге, и не выгнали его. И нынче в медицине и в АА документально зарегистрирован факт, что через год Уайти приняли служить в морскую пехоту. Последнее, что я слышал - он заведует какой-то среднезападной газетой. Вот вам и чудо.

«Есть люди, страдающие от серьёзных эмоциональных и психических расстройств, но многие из них все-таки выздоравливают, если у них есть такое качество как честность. Истории из нашей жизни рассказывают в общих чертах, какими мы были, что с нами произошло, и какими мы стали. Если Вы решили, что хотите обрести то же, что и мы, и у вас появилось желание сделать все ради достижения цели» – *всё ради достижения этой цели* – «значит вы готовы предпринять определенные шаги». Для чего это написано? Вам придётся вернуться к началу второго параграфа Третьей Главы и прочесть там: «Мы уже усвоили, что первым шагом к выздоровлению является полное осознание того, что мы – алкоголики». Зачем? Почему это там? К началу Третьей Главы? Ведь программа выздоровления в Пятой Главе! Это в Третьей Главе потому, что если мы алкоголики, то мы в ловушке, из которой нам не выбраться. Нам нужна помощь, но мы не можем получить её до тех пор, пока не поймём,

что она нам нужна. Замкнутый круг. Мы странная порода. Мы не слышим, пока мы не способны слышать, и не видим, пока мы не способны видеть. И не имеет никакого значения, кто и что нам говорит.

Например, несколько лет назад в штате Вирджиния я провёл долгое время со звездой кино и телевидения; они с женой были алкашами, а я очень тепло к ним относился и надеялся, что мы добьёмся хороших результатов. Днями мы просиживали в Ричмонде, штат Вирджиния, и трепались. И на всё, что я говорил, жена этого человека отвечала: «А я так и живу. Мне это всё давно известно». И в таких разговорах мы проводили каждое утро. Они не знали, что я знал, что они только недавно вышли из Меннингера. Оба! (Меннингер - для тех из вас, кто не знает – это дурка.) Но они не слышали раньше, и они не слышали, когда говорил я. И вы услышите здесь многое из того, что, как вам покажется, вы уже знаете - может быть. А может вы услышите многое из того, с чем вы не согласны. Меня и это устраивает. Если вы не согласны и знаете, почему вы не согласны, может быть вы должны тут стоять вместо меня, а я должен сидеть на вашем месте. Но пока что всё будет, как есть.

Разумеется, ещё одним условием является то, что трезвость должна быть главной целью. «Если Вы решили, что хотите обрести то же, что и мы, и у вас появилось желание сделать все ради достижения цели...» - это превыше всего. Я один из тех, кто уверен, что до тех пор, пока трезвость не является главной целью, у нас её не будет. И если она перестанет быть главной, мы её потеряем. Вот о чём здесь речь. Это позитив.

«...и у вас появилось желание сделать всё ради достижения цели, — значит, вы готовы предпринять определённые шаги. Некоторым из них мы противились. Мы думали, что можно найти более лёгкий, удобный путь. Но мы такого не нашли. Со всей серьёзностью мы просим вас быть с самого начала бесстрашными в выполнении этих шагов и следовать им неуклонно». Здесь речь не о головной боли. Мы говорим о смертельной болезни, об алкоголизме. Вот для чего всё это написано здесь. Нам нужна помощь, и мы должны понять, что она нам нужна прежде, чем мы можем получить её, и это должно быть превыше всего.

«Некоторые из нас старались придерживаться своих старых представлений и не добились никакого результата, пока полностью не отказались от них». В книге не сказано, что полумеры дали нам 50%. Там сказано, что полумеры ничего нам не дали. Ничего. «Мы подошли к поворотному моменту. Всё отринув, мы просили Его о попечении и защите». Мы отринули всё. А до этого сказано: «Без помощи нам с ним не совладать. Но есть Некто всемогущий — это Бог. Да обретёте вы Его ныне!» Это потрясающе. Великолепно.

Вот наша проблема. Мы в ловушке, из которой нам самим не выбраться. Мы уже обращались к людям за помощью. Когда я впервые услышал эти шаги, Первый и Второй оказались решающими. Я знал, что проиграл бой жизни. Я не знал ничего об алкоголизме, но я знал, что бой жизни проигран. И я знал, что моя жизнь стала неуправляема мною. Я по-прежнему знаю это, и это никогда не менялось. Моя жизнь всё так же неуправляема мной. Но это больше не

является проблемой. Двойное признание: поражения в Первом Шаге и сумасшествия во Втором. Вот два огромных шага для алкаша, первые два. Бой проигран – номер один; ты сумасшедший – номер два. Итак, тебе нужна помощь, срочно нужна; и если ты такой же, как я, то ты уже ходил к проповедникам, священникам, докторам и тем, кто знает психиатрию наизусть, прежде чем ты оказался здесь, на Третьем Шаге. Но тебе нужна помощь, которую ни один человек не в силах дать. И тогда мы решаем препоручить нашу волю и жизнь Богу. Вот об этом следует побеседовать. Это лучшее из того, что есть на Земле. Ничто не сравнимо с чувством, которое мы испытываем, сделав это. Не когда *мы читаем* об этом, а когда *мы делаем* это. Отдаём себя целиком этой программе. Принимаем решение препоручить нашу волю и нашу жизнь Богу.

Я не думаю, что кто-то в этой комнате, проанализировав себя, решил податьсь в Анонимные Алкоголики. Не верю, что даже один найдётся. Если бы у меня была хоть какая-то возможность остаться там, где я был, я бы там остался. Мы не из тех, кто сдаются на каждом углу. Мы так не делаем. Но мы проиграли этот бой, мы сумасшедшие, и нам нужна помощь.

Я уже говорил, что лучшее из того, что могло произойти со мной за всю мою жизнь, - а мне семьдесят три - случилось в январе 46-го года, когда бутылка прибила меня окончательно, и было мне тогда сорок три. Я прочёл статью Джека Александра из журнала Ивнинг Пост в марте 41-го. Жена нашла её, прочла и положила на подлокотник моего кресла, оставив открытой на нужной странице. Я пришёл

домой и прочёл эту статью. Я был пьян в стельку, когда читал, и, полагаю, решил, что это очень полезная информация для тех, кому она нужна. Уверен, что именно так я и подумал. И вот пять лет спустя я «пришёл в себя», ничего не помня после четырёхнедельного запоя (моя последняя пьянка началась в пятницу перед Рождеством 1945-го, а «пришёл в себя» я где-то в середине января 46-го). Я не помню ни сколько было на часах, ни какой это был день. Но за эти четыре недели то, что удерживало меня, сгорело дотла. И я принял тот факт, что всё, чем я дорожил в этой жизни, исчезло и должно было исчезнуть, и что я не заслужил возврата этих ценностей. Это включало мою жену, моих детей, мой дом, мою работу, моё здоровье, моё здравомыслие и мои деньги. Всё это безвозвратно исчезло. Я знал, что умру, потому что я уже был близок к смерти несколько раз. Однажды я упал лицом вниз на кухне, посинел, и родным пришлось вызывать скорую с кислородом, чтобы спасти меня. Врач, который мне тогда помог, сказал, что по всем признакам я был на том свете, и что они еле вытащили меня, и что никто не сможет снова оживить меня в такой ситуации. И ещё он сказал: «На Вашем месте я бы больше не пил!» Он сказал это не кому-то, а мне. Но я снова напился. И я знал, что умру, и принял это. Но я не хотел помирать с таким послужным списком.

Теперь послушайте, потому как эта ситуация отличается от многих других. Я, честно говоря, и трезветь-то не хотел, потому что знал, что умру. Я для себя уже ничего не хотел, но я не хотел умирать с таким табелем о рангах. Я не хотел,

чтобы жена и дети запомнили меня как пьяного бормочущего заплетающимся языком идиота. И вдруг посреди всего этого я вспомнил ту статью из Ивнинг Пост, и только две вещи, о которых в ней говорилось, что пьяницы помогают пьяницам не пить и что они называются Анонимные Алкоголики. И я сказал себе: «Если я доживу до того, чтобы выбраться из этой койки, я найду Анонимных Алкоголиков». И мгновенно занавес упал – бум! – рухнул. У меня больше не было здравомыслия. Я был смертельно больным, пьяным и сумасшедшим; и мне предстояло долго умирать этой смертью.

С момента этого приговора и до сих пор я не пью. Это одна из причин, по которой я безоговорочно верю, что существует только одна преграда между мной и вами и между мной и Богом – это человеческое эго. Единственная преграда. Потому что сегодня я сижу в том же кресле, в котором я просидел десять лет, как в Аду. В этом же кресле я уже двадцать девять лет сижу, как в Раю. С креслом ничего не произошло. Ничего не произошло с моей женой. Ничего не произошло с моими детьми. Но что-то произошло со мной, доказывая, что Рай всегда был в этом кресле. С креслом ничего не случилось, я по-прежнему сижу в нём, и я в Раю. Вот почему в словах Большой Книги так много позитива. Полностью освободиться от себя - там сказано, отринув всё. И препоручить нашу волю и нашу жизнь Богу.

Вот какая у нас проблема. Что-то должно произойти, чтобы мы избавились от одержимости, и именно для этого составлена программа АА. Американская Медицинская

Ассоциация (у нас здесь сегодня находятся одни из самых ярких её членов) утверждает, что алкоголизм – это заболевание; у него есть симптомы, они лечатся, но не излечиваются, и если алкоголик хочет жить нормально, он не может сделать ни одного глотка спиртного. Но они не могут нам сказать, как не сделать этот глоток. А книга АА объясняет нам, как избавиться от одержимости, которая заставляет нас пить. Для этого и существует программа АА. Чтобы избавить нас от безумия, вынуждающего нас пить.

Вот почему я сегодня трезвый? Хороший вопрос! Я, бормочущий заплетающимся языком пропойца-идиот. Почему я сегодня трезвый? Сегодня пятница. В четверг вечером мы стартуем, не так ли? Разогрев начинается в четверг, в пятницу зажигаем на всю катушку, а в субботу расплата, ведь так? Трезвеем в воскресенье, слезаем помаленьку, чтоб до работы в понедельник добраться. Точнее, в некоторые воскресенья мы слезаем помаленьку, чтобы добраться до работы в некоторые понедельники. Так почему я сегодня трезвый? Потому что я нашёл то, что искал в бутылке - вот единственная причина. Единственная. Я нашёл то, что искал в бутылке. Что же это? Большая Боль исчезла. Вы знаете Большую Боль. Дети называют её дыркой в животе, сквозь которую дует ветер, когда они стоят на углу улицы. Когда я услышал, как дети рассказывали об этом, я подумал, что они ходили на одно из наших собраний и услышали это там. Я был уверен, что они умыкнули это у кого-то из этих комнат. Но это не так. Я узнал, что именно детям принадлежит описание чувства, похожего на ветер,

который дует сквозь большую дырку в животе, когда ты стоишь на уличном углу. Большая Боль – она исчезла. Я больше не в борьбе с собой, с вами, жизнью, Богом или Дьяволом. Я в мире с собой и с вами, и с моим Богом. Это единственная причина, по которой я сегодня трезвый.

Когда я говорю, что я алкоголик, это означает, что я не могу жить и пить, но и сам по себе я не в силах отказаться от выпивки. И это такая же правда сегодня, как и тридцать лет назад. В Первом Шаге сказано, что мы признали своё бессилие перед алкоголем и что наша жизнь стала неуправляемой для нас. Я перерыл всю Большую Книгу и оригиналы рукописей, с которых она была напечатана, и последнее издание, но так и не нашёл чтобы там говорилось, что после десяти, двадцати или двадцати девяти лет трезвости моя жизнь станет управляемой для меня. Нигде такого не сказано – я искал – там этого нет!

И сверх того мой личный опыт после двадцати девяти лет трезвости подтверждает, что моя жизнь уже никогда не сможет быть управляема мной. Но слава Богу, что это больше не представляет собой проблему, потому что у меня есть Одиннадцатый Шаг; я уже двадцать девять лет живу с помощью этого Шага. «Стремились путем молитвы и размышления углубить соприкосновение с Богом, *как мы понимали Его*, молясь лишь о знании Его воли, которую нам надлежит исполнить, и о даровании силы для этого». Я живу в полной уверенности, что он направит меня туда, куда надо, и именно так и происходит. Вы можете спросить: «А откуда ты знаешь, что это так?» У меня элементарный ответ: мне ещё

никогда не было так хорошо. Это единственная хорошая жизнь, которую я когда-либо знал, единственная лёгкая жизнь, которая у меня была за всю мою жизнь. И у меня есть двадцать девять лет трезвого взгляда на то, что я имел в течение двадцати пяти лет, будучи пьяным или пьющим, и девятнадцать лет до этого. Вот и получилось, что это единственная хорошая и лёгкая жизнь, которую я имел. Настоятельно рекомендую её. Таков способ избавиться от одержимости.

Вот шаги, которые мы *предприняли*. Мы трезвые. Не говорите: «Вот шаги, которые мы прочитали, или услышали, или выучили наизусть». Не говорите так. Не говорите: «Вот шаги, которые мы интерпретировали». Этого нет у нас в книге, так что не говорите этого. Не говорите: «Вот шаги, которые мы заманили Бога сделать за нас». Были тут разные люди, считающие себя экспертами интерпретации шагов. Один парень из долины некоторое время продавал свои интерпретации и учил, как делать по ним шаги, а потом он сорвался! Его меры отправились псу под хвост. В книге так не сказано. Там говорится: «*Вот шаги, которые мы предприняли...*», а предпринять их мы должны потому, что мы в ловушке, из которой нам самим не выбраться. Нам нужна помощь, получить которую мы не можем, пока не осознали, что она нам нужна.

Первые три шага – это шаги решения. Четвёртый и Пятый – шаги действия. Мы «глубоко и бесстрашно оценили себя и свою жизнь с нравственной точки зрения». Мы пишем – книга однозначно говорит о том, что всё это следует

написать. У нас получается правильно, если мы пишем. Это занимает чуть дольше, но нам это на пользу, поэтому мы пишем. Так как это моральная инвентаризация, нет нужды описывать каждую ситуацию, в которой мы пошли налево там, где должны были пойти направо. Это не значит, что мы обязаны перечислить всё, что мы украли, или каждую сказанную нами ложь, или каждый раз, что мы напивались. Суть не в этом. Но мы должны написать достаточно, чтобы увидеть, что являлось побуждающим нас фактором. Нашей движущей силой. Конечно, если мы хотим упростить, то всё сводится к одержимости, которая является нашим эго. Все они будут сведены к попыткам удовлетворить его, а это невозможно сделать. Итак, мы пишем, а потом мы делимся этим. Мы признаём это перед Богом, собой и другим человеком. Этот другой человек выводит нас на нужную позицию. Я могу признать перед Богом и собой, оставляя это в тайне! Никто кроме меня и Бога не знает. Но если я разложил всю эту грязь перед другим человеком, и после этого у меня осталась хоть капля эго, то я ничего не сделал! Этот шаг убивает эго.

Итак, мы пишем, потом мы делимся этим, а потом мы должны избавиться от этого, и мы избавляемся. Я везде встречаю людей, которые ломают головы над тем, как избавиться от одержимостей – от недостатков. Готов поспорить, что миллион часов было потрачено на споры о том, почему в Шестом Шаге сказано: «Полностью подготовили себя к тому, чтобы Бог избавил нас от наших недостатков», а в Седьмом Шаге сказано: «Смиренно просили

Его исправить наши изъяны». И миллион часов потрачено на вопрос: «Какая разница между «недостатками» и «изъянами?» Должна же быть какая-то разница! Я спросил Билла, и он сказал: «Я не знаю, но по-моему я просто не хотел закончить два рядом стоящих предложения одинаковым словом. Они означают одно и то же». Вам не кажется, что теперь дебаты по этому поводу можно прекратить?

Но главное, что мы приготовились избавиться от них, и мы от них избавляемся. Если бы мы могли справиться с нашими недостатками, мы бы избавились от них до того, как пришли сюда. Я не скакал от радости и не визжал от восторга: «Ой, как здорово, что я пойду к Анонимным Алкоголикам!» Уверен, что и моя мать не растила меня для того, чтобы я стал членом АА. Ей девяносто шесть, и она до сих пор не верит в это! Когда я говорю: «Я трезвый двадцать девять лет», она отвечает: «Ну и что в этом особенного, я трезвая девяносто шесть лет!» Короче, мы приготавливаемся избавиться и избавляемся от наших изъянов.

Теперь у нас остались ещё два самых лучших шага. Самые эффективные шаги из всей программы, дающие незамедлительные результаты, - это Восьмой и Девятый. Мы «Составили список всех тех людей, кому мы причинили зло, и преисполнились желанием загладить свою вину перед ними. Лично возмещали причинённый этим людям ущерб где только возможно, кроме тех случаев, когда это могло повредить им или кому-либо другому». Если вы ещё не сделали этого, сделайте. Сделайте как можно быстрее. Гора весом во весь мир упадёт с ваших плеч, если вы честно

сделаете Восьмой и Девятый.

Я расскажу вам одну коротенькую историю. Многие из вас знают её, но я до сих пор обалдеваю от неё. Лет десять назад, в пятницу вечером мне позвонил один парень из Уиттиера и сказал: «Чак, я сижу здесь с заряженным револьвером и собираюсь застрелиться. Но Джим сказал, чтобы я поговорил с тобой прежде, чем я это сделаю, и он дал мне твой телефон; вот я и звоню, чтобы поговорить. Что скажешь?» И я ответил: «У меня сейчас нет времени! Я выступаю на собраниях сегодня вечером, завтра вечером и в воскресенье вечером, но в понедельник вечером я свободен. Если хочешь встретиться, приходи ко мне в понедельник. Ну а если не хочешь, то стреляйся». Именно так я ему и сказал. В 7:30 вечера в понедельник раздался звонок в дверь, и парниша вошёл ко мне. Здесь надо кое-что пояснить. Джим уже много лет является мужем Сибил. А она четырнадцать лет проработала у нас в Центральном Офисе; а Джим заядлый игрок, который создал общество Анонимных Игроков и написал их книгу. Позже он оказался ещё и алкоголиком, и, позвонив мне однажды, сказал: «Приезжай заberi меня». Я спросил: «Где ты?» Он был в своём офисе в Пико, и я приехал и забрал его. Он протрезвел. Сейчас он болен и плохо видит, но он трезвый. Я говорил с ним на днях по телефону, и он был в хорошем настроении.

Короче, Джим сказал этому пареню, что сам он не только алкоголик, но и заядлый игрок. И он так же сказал, чтобы тот поговорил со мной, прежде чем наложит на себя руки. И вот он здесь. Ну мы стали беседовать, и в 2:30 ночи мы оказались

как раз там, где мы сейчас – на Восьмом и Девятом Шаге, – и я втолковываю этому дурику: «Вот что тебе придётся сделать. Ты проиграл много денег, которых у тебя нет (а он проиграл их профессиональным игрокам). Это не очень хорошо для здоровья и не способствует долголетию». Продолжаю объяснять ему: «Короче так, слушай сюда. Тебе придётся пойти к этим людям и сказать: «Я не тот, за кого себя выдавал. Я алкоголик, и я нашёл способ, который, может быть, даст мне возможность жить только сегодня трезвым до конца моей жизни. Но одним из условий является то, что я обязан возместить причинённый ущерб, и именно поэтому я пришёл к вам. За мною долг. Я должен вам деньги, и я заплачу вам, как только смогу, но сейчас у меня их нет». А он мне говорит: «Чак, я не могу, они меня убьют!» Тогда я ему сказал: «Ну и что? Зато ты грех самоубийства не возмёшь на душу!» И он засмеялся, и до сих пор смеётся. И с тех пор, как он ушёл от меня, он ходит по улицам свободным человеком и продолжает смеяться, и он по-прежнему трезвый. Он расплатился с ними, никто его не убил. Удивительно. Так что, если вы ещё не сделали Восьмой и Девятый Шаг, сделайте. Гора с плеч, когда сделаете.

В заключение хочу сказать, что Алкоголизм прорезал наше общество сверху донизу. Мы люди разных профессий, разных уровней богатства и бедности, разных вероисповеданий. Среди нас есть учёные и банкиры. Ни один из нас не пришёл бы сюда, если бы мог избежать этого. У нас проблема, которую ни вы, ни я не в силах разрешить. Нам нужна помощь. И эти первые девять шагов расчищают путь, потому

что это шаги, которые помогают нам сдаться. Шаги капитуляции. А капитуляция открывает нам двери к помощи; потому что сам Бог не может помочь нам до тех пор, пока мы не позволим ему это сделать. Осознание того, что помощь необходима, препоручение нашей воли и нашей жизни Богу и расчистка обломков нашего прошлого являются началом победы. Это чудесно. Не бойтесь этого.

Я уверен, что все мы должны делать это, не относясь к этому слишком серьезно. Когда мы слишком серьезны, то ничего не происходит. Если мы ищем что-то слишком усердно, то мы никогда не находим то, что ищем. Я искал это тридцать лет, прежде чем оказался здесь, и я не смог найти. Я не искал этого, придя сюда, но это нашло меня, или мы нашли друг друга. Я не искал ничего, кроме способа жить сегодня без выпивки, чтобы я мог хоть как-то подчистить свой послужной список. А вообще-то я хочу, чтобы нам с вами было весело здесь. Так что не будьте слишком серьезными. Полагаю вы знакомы с Правилем 62. Некоторые заказывают его себе на машину как номер. Правило 62. Хорошее правило. Есть такая маленькая зелёная книжечка, и на обложке написано «Правило 62». А когда ты её открываешь, то все страницы в ней пустые, кроме той, что посередине. И на ней написано: «Не принимай себя всерьёз!» Именно это мы и хотим сделать: повеселиться, не быть слишком серьезными, но отдавать себе отчёт в том, что у нас проблема, с которой нам самим не справиться. И прежде, чем мы тут закончим, - понять, что то, что я не могу, *мы* можем с Божьей помощью.

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

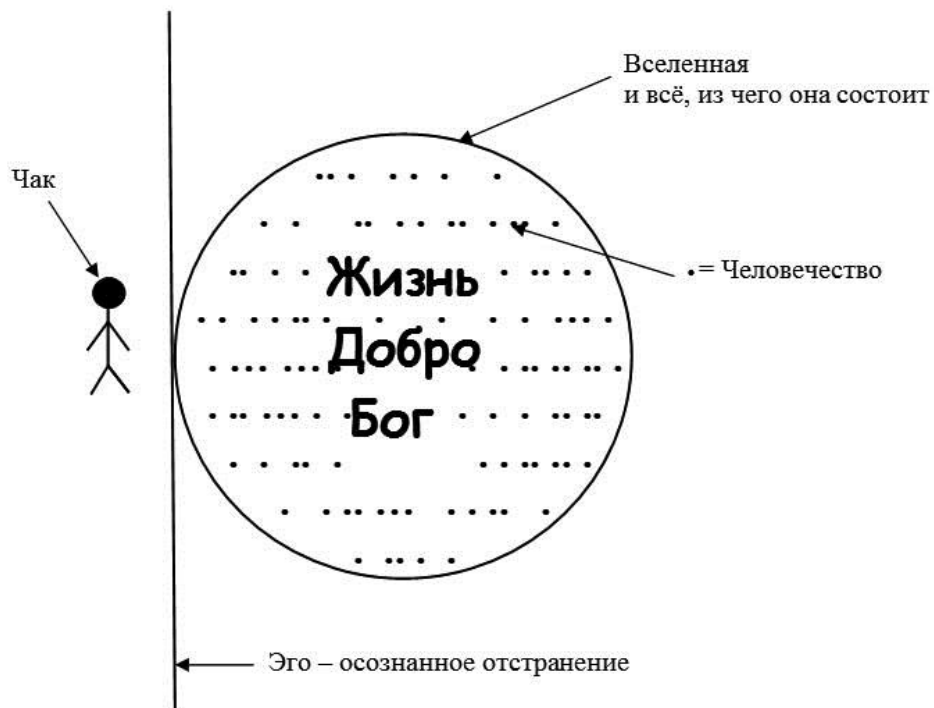
Я думаю, что если мы слушали, то нам ясно, что на самом деле у нас жизненная проблема, которая требует жизненного решения. Я считаю, что как для не алкоголика, так и для алкоголика нет жизненного ответа, в котором отсутствует личное удовлетворение, то есть осознанная связь с Богом, создавшим нас, во всех аспектах нашей жизни. Во всех её аспектах. Без этого, как мне кажется, ответа ни для кого из людей существовать не может. Потому что, двадцать девять лет, прожитых с такими людьми, как вы, убедили меня вне всяких сомнений, что все мы дети Божьи. Если один из нас дитя Божье - все мы такие, а если хоть один из нас не такой, то все мы не такие. Совершенно независимо от того, верим мы в это или нет, нравится нам это или нет. Даже если мы отрицаем это, нам всё равно не изменить реальность нашего существования. Мы дети Божьи. Все мы.

Жить в одиночестве не нормально и не естественно. Основная масса таких, как мы, проводили бóльшую часть своей жизни в одиночестве. Я был одинок сорок три года, постоянно стремясь быть причастным, но находясь в стороне. Это не нормально. Сторониться Отчего дома не нормально. А приходить к Богу, сотворившему нас, так же естественно, как дышать. Так должно быть. Избегать этого не нормально. Значит нашей проблемой является сознательный уход, а решением - сознательная связь.

Меня иногда обвиняют в том, что я хожу по воде. Некоторые считают, что я перегибаю насчёт духовности. Я не

согласен с ними. Я просто знаю, что ничего кроме духовности нет. Это всё, что есть – и больше ничего. Поэтому я склонен двигаться в этом направлении. Но я никогда не слышал никого из выступающих на собраниях, включая меня самого, кто бы так настойчиво утверждал это, как это утверждает книга «Анонимные Алкоголики». Вот пример из второй главы, которая называется «Выход есть». Там говорится: «Разные люди расскажут о своём жизненном опыте» (речь об историях в конце книги). «Каждый из них, рассказывая историю своими словами и со своей точки зрения, описывает путь, приведший его к общению с Богом». Вот что там сказано. Во второй главе. «Путь, приведший его к общению с Богом». Это и есть ответ. Сознательный уход – это проблема, сознательная связь – это её решение.

У меня тут есть диаграмка, которая показывает, о чём я вам толкую. Круг, который я изобразил - в моём понимании это Вселенная и всё, из чего она состоит. Абсолютно всё – больше ничего нет. Это всё.

Те три слова в кругу «Жизнь», «Добро» и «Бог» по моим понятиям являются синонимами. Они все означают одно и то же. И это всё, что есть - больше ничего нет. Вертикальная линия представляет собой осознанное отстранение, или как мы уже говорили – это человеческое эго. Это единственная преграда между мной и вами и между мной и моим Богом. И я там за ней в полном одиночестве. Я провёл за этой чертой сорок три года. И это реальный опыт, но это не реальность. Мы уже говорили, что человеческое эго невозможно удовлетворить, но когда мы сдаёмся, оно оказывается за бортом, правда временно. К сожалению (хотя я считаю, что к счастью), оно возвращается. Нам надо сдаться навсегда, но насколько мне известно, необходимость сдаваться никогда не прекращается для нас. Когда исчезает эго, ты просыпаешься в середине этого круга и ощущаешь себя причастным к Жизни, Добру и Богу, а не в стороне от них. Нет жизни в стороне от Бога. Ведь Бог – это и есть жизнь, а мы живы, и значит мы его составная часть.

В Нём мы живём и двигаемся, в Нём наше Существо. Это и есть правда жизни. Плотник сказал: «Кто из вас, постаравшись, может прибавить себе роста хоть на один локоть?» Я полагаю это значит, что ты не можешь изменить своей реальности. Ты можешь только изменить свой опыт этой реальности. За сорок три года я получил реальный опыт, но к реальности это не имеет никакого отношения. А она пришла ко мне в кровати, в январе 1946-го, но я тогда не знал об этом. Не знал. Я узнал об этом спустя какое-то время. Сразу после разговора со мной моя жена поняла, что что-то

произошло. Я не знал; зато она знала. Потому что я позвал её и сказал: «Милая (а ведь она собиралась разводиться со мной), для меня больше не имеет абсолютно никакого значения, буду ли я жить под этой крышей. Это не важно. Пока мы живы, я больше никогда ничего у тебя не попрошу, кроме одного. Если я могу хоть что-то дать тебе в этой жизни, позволь мне сделать это». На этом мы закрыли тему и больше никогда не возвращались к ней. Она знала, что что-то произошло, а я не знал. Я позвал детей и сказал: «Мальчики, в этом доме больше нет отца. Вы можете не любить меня и не слушаться. Пока вы живы, я не попрошу у вас ничего, кроме одного. Если у меня есть хоть что-то, будь то деньги, совет или кровь, которые помогут вам в жизни, позвольте мне дать это вам». И мы закрыли эту тему и больше никогда к ней не возвращались. Они были слишком молоды, чтобы знать, что что-то произошло со мной.

Я приехал в офис ещё до того, как я пришёл на собрание АА, потому что мой босс сделал для меня доброе дело в пятницу перед Рождеством 1945-го года. Он позвал меня и сказал мне (вместо того, чтобы пристрелить меня): «У тебя было много неприятностей в этом году». Он ничего не сказал про бухалово, но он знал, что я знаю, что он подразумевает под «неприятностями». Но, будучи не алкоголиком, он сказал: «Я догадываюсь, что с тобой. Ты слишком перегружен, и я решил слегка облегчить твою ношу». И вместо того, чтобы пристрелить меня, на что он имел полное право, он дал мне три тысячи долларов как рождественский подарок в пятницу перед Рождеством 1945-го». Если вы когда-нибудь квасили,

то вам должно быть известно, что хуже, чем невезение для любого пропойцы, это когда ему везёт. Короче, я напился по дороге домой и не появлялся на работе до конца января, а босс, видать, по мне соскучился. Мне сообщили, что он сказал, что если я появлюсь в офисе, то он вышвырнет меня в окно. А окно, о котором идёт речь, даже не открывается! Там панель из стекла.

Итак, я притащился туда ещё до того, как попал на первое собрание Анонимных Алкоголиков, потому что я не знал, где вас искать, но зато я знал, где мой офис. И я пришёл туда, зная, что он выбросит меня в окно, но я ничего не мог поделать, потому что он заплатил мне за то, что я не сделал. Если бы он действительно решил вышвырнуть меня из окна, я бы не смог защитить себя даже с оружием, потому что я был слишком слаб; я был в плохом состоянии. Я ведь только отошёл от четырёхнедельной отключки. На моё счастье я был на телефоне, когда он пришёл, и так как у него было время, он отодвинул мои чертёжные доски и всё, что было на пути к окну. Как только я повесил трубку (кстати, это был его телефон; а будучи человеком бережливым, он не хотел выкинуть его в окно вместе со мной), он был готов сделать то, что обещал. Он собрался сказать что-то, но я прервал его: «Виктор, оставь меня в покое. Я больше не работаю у тебя. Я здесь, чтобы разобрать всё на своём столе. И, кроме этого, я должен отработать то, за что ты мне уже заплатил в прошлом году. Как только я рассчитаюсь с тобой, я тут же сам уберусь отсюда, и тогда мы не будем должны друг другу ничего. Но, ради Бога, оставь меня в покое. Я обязан рассчитаться с

тобой». И он ошарашено спросил меня: «Что с тобой, Чарли?» Я ответил: «Не знаю». Но он знал, и не вышвырнул меня в окно.

Все эти люди и многие мои клиенты знали, что со мной произошло что-то задолго до того, как я понял это. Порой я сидел с кем-то в ланч, беседуя о бизнесе, и вдруг этот человек говорил: «Чарли, что с тобой случилось? Я знаю тебя уже двадцать пять лет, но я не узнаю тебя». А я отвечал: «Не знаю», и я не знал. А случилось вот что: моё эго исчезло, и постепенно я очнулся в том самом кругу, будучи причастным, а не отстранённым.

В отстранении нет жизни, она существует только в причастности. Так что внутри круга на картинке находится всё человечество. Я в нём одна из точек, и каждый из вас в нём представляет собой точку. В Библии сказано, что Бог это Жизнь, а ведь мы с вами живы. Вот и получается, что Бог - это то, чем являюсь я и то, чем являетесь вы. Вот что означают слова «как мы Его понимали» в нашей книге. «Как мы Его понимали» не относится к нашему пониманию бесконечности. Это относится только к необходимости личного опыта. Мой Бог. Твой Бог. Необходимость личного опыта. До прихода сюда я тридцать лет искал вашего Бога и не мог найти Его. А когда я пришёл сюда, уже не ища его – мы нашли друг друга. Мы должны найти Его там, где Он есть, а Он здесь, во мне и в вас. Так что каждый из нас должен найти своего.

Тут есть один человек, который ругается со мной из-за того, что я цитирую. Он говорит: «Терпеть не могу людей,

которые цитируют Библию». А я отшучиваюсь: «Это потому, что ты не знаешь никаких цитат из неё». А потом я вынужден объяснять свою позицию. Единственная причина, по которой я пользуюсь этими цитатами, заключается в том, что они выражают то, что я хотел бы сказать лучше, чем я могу это сделать, вот и всё. Ведь всё, что я рассказываю, является моим личным опытом. Всё, чем я делюсь с вами, стоя здесь, произошло со мной. Но при этом многие библейские цитаты мне нравятся. Например, апостол Павел сказал: «Так же как и у вас есть тело и состоит оно из многих частей, и все эти части разные, и назначение их различно, но при этом все они вместе составляют единое целое, таковы и мы во Христе». Вот что это такое. Всё человечество вместе взятое составляет Христа. Христос второй в Троице: Бог Отец, Бог Сын. А все мы вместе составляем Христа, каждый из нас. Все мы дети Божьи, и вместе мы составляем единого Сына – это и есть круг.

Осознанное понимание этого является разницей между Адом и Раем. Я верю в то, что перевоплощение из состояния сознательного ухода в сознательный союз становится возрождением, то есть рождением Христа во мне и в вас. Я считаю, что это должно произойти с каждым. Мы самые счастливые из всех Божьих детей потому, что у нас кончились и время, и люди, и места и вещи, и деньги, и горючее. Нам больше некуда идти, и мы приходим в АА за трезвостью. И мы делаем то, что нам говорят такие люди, как вы - уже сделавшие это трезвые пропойцы. И они трезвые. И они говорят: «Если вы хотите то, что есть у нас, то сделайте это». И

мы хотим и делаем это ради того, чтобы быть трезвыми. И много чего происходит с нами. Мы становимся трезвыми. А все связанные с пьянством расстройства исчезают.

У меня фетиш на это дело. Потому что нынче развелось так много экспертов по этим расстройствам, что стало трудно найти умеющего разговаривать с пьянью! Мне придётся поделиться с вами потому, что я не могу держать это в себе. Вообще-то мне бы следовало не говорить никому об этом, потому что я не должен был этого делать. Я пришёл к одному человеку в госпиталь, где у них была реабилитационная фигня для алкоголиков, типа ремонт-починка, но этот парень в ней не участвовал. Хотя он и был алкашом, но там оказался по другим проблемам со здоровьем. Я побыл у него, а уходил как раз через то место, где они проводили этот концерт для алкоголиков; и люди там узнали меня и стали говорить: «У нас тут сейчас идёт сеанс терапии, так почему бы вам не заглянуть туда? Может зайдёте?» И я ответил: «Если только не помешаю». Меня привели туда. А там терапевт, одна из нас, втолковывает дюжине синяков, как совладать с такими эмоциями как ревность, злость и негодование. Как справляться с ними. Я сидел и слушал сколько мог, а потом я поступил очень плохо. Я просто встал и сказал: «Одну минутку! С чего вы взяли, что можно справиться с такими эмоциями, как ревность, злость или негодование? Если бы мы могли справиться с ними, мы бы справились двадцать лет назад. Вы не можете с ними справиться. Вам придётся избавиться от них. Они дети эго. Они являются нашей одержимостью. И единственный способ

избавиться от них - это избавиться от эго, полностью сдавшись». И вдруг я вспомнил, что я вообще не должен быть там, и я ушёл (прежде чем меня выгнали!). Обратного пока что не позвали! Но я уверен, что, как всем нам говорили, перевоплощение из состояния сознательного ухода в сознательный союз должно произойти с каждым из нас: вам придётся родиться заново. И нам очень повезло, что нам *необходим* ответ для того, чтобы выжить. Это здорово.

Мы уже говорили о том, что мы пишем свою инвентаризацию и делимся результатами, а потом избавляемся от неё. Отдаём её. Мы «Полностью подготовили себя к тому, чтобы Бог избавил нас от наших недостатков. Смиренно просили Его исправить наши изъяны». Я уверен, что это единственный путь избавиться от них. Единственный. А как я знаю, что я от них избавился? Это просто: если у меня их больше нет! Ошарашивает, не правда ли? Если они у меня есть – я от них не избавился. Так что мне придётся продолжать работать над ними до тех пор, пока они не исчезли, потому что если я от них избавился, то их больше нет. Они исчезают на время, но потом снова появляются потому, что возвращается эго, от которого мы можем избавиться только постоянной капитуляцией.

Программа Анонимных Алкоголиков даёт нам новую движущую силу и новую структуру действий во всех наших жизненных делах. Так мне это объяснил лет двадцать тому назад Святой Отец Эд Доулинг. Дело было на банкете очередной годовщины АА, в Сант-Луисе, где он жил. Те из вас, кто читал книгу «АА взрослеет» знают, что он был

священником иезуитом, но не был алкоголиком. Он был как бы в АА, а точнее с нами с самого начала. Мы были близки с ним, и я любил его, а он меня. Он сказал мне однажды: «Чак, твоим крестом был алкоголизм, а моим слабость веры. Я выучил всё, что было нужно и был посвящён в духовный сан, но при этом ни во что не верил». Фигóвая позиция, если вдуматься. Восемнадцать лет он изучал все эти дела, в духовный сан его посвятили, а он ни во что не верит. И он сказал мне: «Я стал верить, когда увидел, что происходит со всеми вами в сообществе Анонимных Алкоголиков».

Сильно сказано. «Я стал верить, когда увидел, что происходит со всеми вами в сообществе Анонимных Алкоголиков». После банкета мы пошли выпить кофе. Моя жена предложила: «Чак, давай пригласим Отеца Эда пойти с нами на кофе». И я ответил: «Конечно давай, милая, пригласи его!» Я не хотел услышать отказ. Я ведь из обидчивых алкоголиков! Ну жена позвала его и он пошёл с нами. А когда мы сели за столик, он стал безостановочно забрасывать меня вопросами. Я каждые пятнадцать минут говорил ему: «Рассказали бы Вы что-нибудь, Святой Отец. Я и так весь вечер говорил. Теперь Ваша очередь. Я люблю Вас слушать». Но он продолжал задавать вопросы и последний из них был: «Чак, расскажи мне про семью. Что произошло в семье?» И я ответил: «Нет, Святой Отец, я не буду Вам рассказывать. Миссис Ч. здесь; пусть она расскажет». И жена рассказала ему, что произошло в семье. А он сидел, слегка приоткрыв свой маленький рот, и задумчиво глядя в окно. Это была его очаровательная привычка: его рот становился, как бутончик

розы и он задумчиво смотрел куда-то в пространство. Наконец он повернулся ко мне и сказал: «Знаешь, Чак?» Я спросил: «Что, Святой Отец?» И он сказал: «Иногда я верю, что Рай – это всего лишь новые очки». Я думаю, что это одно из самых мудрых высказываний, которое мне когда-либо довелось услышать. Это именно то, чем программа АА явилась для меня. Я спросил у моей жены: «Дорогая, а в чём разница?» Эта программа является новой движущей силой и новой структурой действий.

Всё, чему меня ребёнком научили дома, в школе и в церкви пришлось обернуть вспять, когда я стал старше. Абсолютно всё. Не осталось ничего из того, чему меня учили, кроме таблицы умножения. Это всё. Остальное пришлось изменить. Мы уже говорили о чувстве необходимости быть умней, результативней и изворотливей остальных, чтобы кое-как влачить жалкое существование в этой враждебной вселенной. И мы вернёмся к этому, когда будем говорить про «АА в бизнесе», так что пока пропустим это. Одна сторона моей семьи была из южных методистов, а другая из ярых баптистов, которые хуже ведьм. Нас учили, что всё, что происходит с нами, должно произойти между колыбелью и могилой, и что в жизни есть только одна важная вещь. Сама жизнь ничего не стоит; «Завеса слёз» - так они называли её. Единственное, для чего она была нужна – это подготовка к смерти. Смерть была самой важной, и все вознаграждения ты получал, попав в Рай; ну а если у тебя не получалось, то в Ад. В адов огонь. Нас учили, что мы должны заслужить, заработать милость Божью и быть достойными её. И это

пришлось изменить. Видите ли, если бы мы должны были заслужить, заработать Божью милость, или стать достойными её, то первый алкоголик никогда бы не протрезвел.

Билл Уилсон был агностиком, и когда его разговор с Эбби дошёл до упоминания о Боге, Билл выключил слуховой аппарат и углубился в джин (он попивал тот джин, от которого Эбби отказался). Эбби обрёл трезвость в оксфордском движении, и у них тоже был свой Бог. Вот откуда пришло «как мы понимали Его», из оксфордского движения и от Джима Бурвелла.

Так что, когда Эбби заговорил про Бога, Билл продолжал пить джин, и прежде, чем кто-нибудь глазом успел моргнуть, оказался в городском госпитале, где он услышал доктора Силкуорта. Доктор Силкуорт - единственный из начального состава этой шайки, с которым я не был знаком лично, и я очень жалею об этом, потому что он жил долгое время после того, как я уже пришёл в АА. Я никогда не встречал «Силки», но уверен, что он был мужик что надо. Бил слышал, как Силкуорт сказал Лоис, жене Била, что единственное, что она может сделать, это просто облегчить ему жизнь потому, что ему осталось не более шести месяцев, после чего ей придётся либо похоронить его, либо посадить его в дурдом. Диагноз – необратимое сумасшествие. Билл тогда чувствовал себя не лучшим образом, будучи на тяжёлых отходнях со страшного запоя, и был явно не готов к таким новостям. И он сказал себе: «О-о... Я уже перепробовал всё, что только можно, кроме этой затеи с Богом, про которую говорил Эбби». А когда он предстал перед возможностью

сумасшествия или алкоголической смерти, ему мало что оставалось кроме как попробовать то, о чём говорил Эбби. Полностью отринув всё, а главное самого себя, он сказал: «Боже, если ты есть, покажи мне себя». И БУМ! Случилось! Он испытал это на себе - чувство, известное многим из нас. И с момента этого озарения он больше никогда не пил.

Когда Силкуорт снова пришёл проведать его, Билл рассказал ему о том, что с ним произошло, и спросил: «Доктор, как Вы думаете, это действительно случилось, или у меня опять галлюцинации?» А Силкуорт ответил: «Билл, я не знаю, что это, но держись за это. Потому что впервые с момента нашего знакомства я слышу от тебя что-то разумное!» А ведь у Билла не было времени заработать, заслужить или быть достойным. У него не было времени ни на что, кроме полного отречения от всего, чем он являлся. Там отсутствовал инстинкт «выгоды».

Если бы требовалось понимать Бесконечность для того чтобы быть здесь, меня бы тут не было. Я использовал всё, что у меня было, и проиграл. И тогда я сказал: «Если я выберусь из этой постели, я найду АА». И с той секунды по сегодняшний день я не пью и не глотаю пилюли. Простая *готовность* прийти сюда оказалась ключевой в моём случае. Ничего не было заработано или заслужено, и я уж точно не был достоин. Я дожил до шестидесяти пяти, прежде чем понял, что слово «милость» означает подарок. Бесплатный подарок. И никто из нас не может заработать бесплатный подарок.

Есть ещё одна чрезвычайно важная для меня вещь. Когда я

наконец-то понял, что я трезвый, то я стал пытаться делать Одиннадцатый Шаг, а там сказано: «Стремились путём молитвы и размышления...» и я думал, что мне придётся «молиться и размышлять». Но у меня Голова Гранд Централ; она только позже изменилась. А Голова Гранд Централ, это когда десять тысяч мыслей мечутся в твоей голове одновременно, но ни одну из них ты не можешь удержать ни на секунду. А я знал, что мне надо «молиться и размышлять», потому что там сказано: «Стремились путём молитвы и размышления...». Вот сижу я дома в том самом кресле, пью чай и стараюсь медитировать. И у меня полный бардак! Но потом пара библейских историй пришли мне на ум, и я не променяю их на миллион баксов за штуку. Первая была такой: кажется Плотник шёл куда-то по дороге однажды утром и кто-то, желая чего-то окликнул ему: «Хороший человек, Хороший человек» , а Плотник подошёл к нему и, посмотрев на него, сказал: «Почему ты называешь меня хорошим? Есть только один хороший, и это Отче Наш». Напомню вам, что это сказал Плотник.

А позже какой-то дурик подошёл к нему и сказал: «Эй, братишка, ты творишь фантастические чудеса. Как это тебе удаётся?» И Христос ответил: «Иди торгуй своими бумажками. Я ничего не делаю. Сам я ни на что не способен. Это Отец внутри меня. Он творит чудеса». И я не взял бы по миллиону за каждую из этих историй потому, что, вспомнив их, я тут же сказал себе: «Если для него этого достаточно, то и для меня этого тоже будет достаточно». У меня отпала надобность пытаться быть хорошим, или пытаться стать совершенным. Вы

понимаете? Если это достаточно хорошо для Него, то это достаточно хорошо для меня.

С тех пор и по сей день я живу полностью полагаясь на Его руководство и указания. Я слегка изменил Одиннадцатый Шаг для себя. Теперь, вылезая утром из кровати, я говорю: «Отец, я готов к исполнению обязанностей. Я тут буду всё передвигать, и буду пытаться делать всё лучшим образом, ну насколько я способен, а у тебя я только прошу немножко руководства, указаний и сил, чтобы исполнить всё это. Большое Тебе спасибо». И я занимаюсь своими делами, полностью полагаясь на Его руководство и указания. Это так в бизнесе, в АА, на отдыхе, дома и на работе. И я получаю то, что прошу. Люди спрашивают меня: «Откуда ты знаешь?» а у меня есть очень простое мерило: мне ещё никогда не было так хорошо. Это единственная лёгкая жизнь, которую я когда-либо знал, единственная хорошая жизнь, которая была у меня за всю мою жизнь. Это единственное мерило, которое мне требуется. А ещё мне говорят: «Я молюсь о знании его воли, которую мне надлежит исполнить, и о даровании силы для этого. Мне кажется, что он даёт мне направление, но откуда я знаю моя это воля или Его?» Это хороший вопрос, и у меня для себя есть на него простой ответ: если это важно лично для меня, то это моя воля. Если это важно для меня, то это удовлетворение собственного «я». И если я молюсь о чём-то, то только не для себя. Я молюсь только о том, чтобы я был нужен вам.

Возможно вы подумали: «Вот мы здесь собрались. А почему ты не открываешь и не закрываешь каждое собрание

здесь молитвой?» Да потому что я считаю, что каждое наше собрание и есть молитва. А если рассматривать это на более глубоком уровне, то каждая серьёзная мысль - это молитва, даже волнение по какому-то поводу - это молитва о том, что мы не хотим, чтобы случилось. Предварительные опасения обычно создают то, чего боишься. Именно создают. Старик Иов сказал: «Боже, то чего я боялся, случилось». Предварительные опасения создают то, чего мы боимся.

Прежде чем мы двинемся дальше, я должен вам сказать, что я не верю в капризного Бога. Я не верю в Бога судящего, карающего и награждающего, но я знаю, что многие из вас верят в него, а я не верю. И я бы хотел объяснить вам почему. Во-первых, если существует нечто, кроме Бога, то Бог не бесконечен. Если бы было «нечто отличное от», то Бог не был бы бесконечен; Он был бы ограничен. В Библии сказано: «В Начале Бог...». Бог плюс ничто даёт в сумме только Бога. «В Начале Бог...». Так что, я считаю, что ничего «отличного от» не существует. Бог это всё, что есть, и нет ничего больше. Скорей всего процесс созидания проходил следующим образом: Бог думает и Сам становится тем, о чём он думает. Помните, когда маленький мальчик спросил учителя: «А где стоял Бог, когда он создал Землю?» Обалденный вопрос, не правда ли? Где Он стоял, когда создал Землю? Не мог же он стоять на куске глины из реки Миссиссиппи. Он же тогда ещё не создал эту реку! А ему не надо было ни на чём стоять. Он думает и Сам становится тем, о чём он думает.

Платон восемнадцать сотен лет тому назад думал, если не ошибаюсь, что во вселенной где-то около ста двадцати звёзд.

Он посчитал их с помощью самодельного маленького телескопа. Через какое-то время Галлилей решил, что на небе приблизительно пятьсот звёзд. На сегодняшний день говорят, что число галактик бесконечно. Бесконечно! Короче, увеличилось слегка. Знаете, когда я смотрю на всё вокруг, то вижу Бога. Тело Божье - создание такое же, как наше тело. Осознаёшь это и говоришь: «Вон старина Кис; но это вовсе не он – это то место, где Кис живёт. Когда он оттуда съедет, это тело вернётся к первичным элементам, из которых состоят горы и кочки. Одно и то же. Так что тело реально на столько, на сколько ему положено – в состоянии постоянного изменения. Именно поэтому Плотник сказал: «То, что сделано, не сделано из того, из чего оно выглядит сделанным». Это свидетельство тела Божьего. И как таковое, это самое прекрасное, что я когда-либо видел. Хотелось бы поговорить об этом более детально. Это потрясающая вещь.

Мы дублируем Бога в нашем маленьком мире. Мы думаем и сами становимся тем, о чём мы думаем. Например, мы с вами хорошо знакомы с тем, как пить виски, и бормотуху, и самогон. Я, помнится, дорвался до Белой Молнии - 73° а потом и все 85°. Чудесная штука, я её пил из банки из-под варенья. Просто прелесть, как вмажешь – сразу появляется складка на переносице. Хлебаешь большими глотками – ах, красота! Уж это пойло делало своё дело исправно. Вот так мы думаем, и становимся тем, о чём мы думаем. Через какое-то время все алкаши становятся похожи друг на друга. Мы все начинаем выглядеть одинаково. У всех у нас появляется фиолетовая цветная капуста на носу, у нас на рожах всё

написано, и ещё у нас выпирают маленькие кругленькие животики. Все мы становимся похожи друг на друга. Увидишь кого-то из нас, сразу скажешь: "вон идёт бухарик, глянь на алкаша". Все гурманы похожи. Мы становимся рыхлыми, вялыми и добродушными потому, что всё равно морду набить никому не сможем. Мы все похожи. Мы думаем и становимся тем, что мы думаем.

Я начертил каждый магазин, который мы открыли. Для каждого клиента я делал отдельный план своими руками. Я проектировал отделы и рассчитывал необходимое для них пространство. Я проектировал складские помещения в зависимости от количества поставок в каждый магазин. Я делал разметку для электрики и трубопровода. Потом я отдавал это архитекторам, которые вместе со строителями возводили объект, а я поставлял всё для внутренней отделки. И после всего этого туда завозились продукты и магазин открывался. Но прежде, чем появиться на бумаге, он рождался у меня в голове. Мы думаем и становимся тем, о чём мы думаем. Мы дублируем Создателя в нашем маленьком мире. Вот почему нам следует знать, как работает наш мыслительный аппарат.

Я уже говорил, что не верю в осуждающего Бога потому что я не верю, что Бесконечное мыслит в сравнительных категориях. Я не думаю, что Бог видит разницу между размерами кочки и горы потому, что Он является и тем и другим. У него нет необходимости мыслить в сравнительных категориях. Он и то и другое. Вы понимаете, что для сравнения требуется «нечто отличное от»? Именно поэтому

отпадает необходимость в судящем Боге. У нас есть Бог любви и великого закона справедливости без осуждения. Закон гласит: «Что посеешь, то и пожнёшь». Нельзя посадить редиску, а собрать огурцы. Что посеешь, то и пожнёшь. «К чему сердце человеческое стремится, тем он и является». Это прекрасный жизненный закон. И он так же беспристрастен, как любой закон во вселенной. Он так же беспристрастен, как закон электричества. Этот закон связан с тем, что включается свет, нагревается плита и жарится мясо или обжигается чья-нибудь задница; и этому закону одинаково, что включить свет, что обжечь чью-то задницу. В этом состоит сущность закона. Она такова, что если я вливаю помой, то обратно я получаю те же помой. И закону абсолютно всё равно, возвращать мне помой или возвращать мне любовь.

Я проповедовал этот закон другим сорок лет назад и был уверен, что люди могут жить по нему, но они не могут. Если ты алкаш, ты не сможешь жить по такому закону. На интеллектуальном уровне тебе понятно, что нельзя посадить редиску, а получить урожай огурцов. Но тебе кажется, что ты вне этого закона, и ты пытаешься проконтролировать это дело своим мышлением. Ты не получаешь то, чего хотел, но тебе кажется, что ты можешь *додуматься* до того, чтобы было так, как ты хочешь.

Тебе нужна страсть (любовь), которой нет в беспристрастном законе. А где взять такую страсть? Перед храмом Соломона стояли два столба, которые назывались Иахин и Воаз. Ты должен был пройти между ними, чтобы

попасть в храм - святую святых. Иахин и Воаз означают закон и любовь. Закон и Любовь. И древние говорили так: «С одной стороны всё закон». То есть, как закон работает. Что посеешь, то и пожнёшь. «А с другой стороны всё любовь, которая является исполнением закона». Любовь – это исполнение закона. А что это значит? Это значит, что рано или поздно у вас и у меня остаётся только одно побуждение для любого действия, и это любовь. Единственная причина что-то делать, это потому что мы любим это – бескорыстно и с удовольствием. Это так в работе, отдыхе, АА, дома, и во всех остальных делах. Любовь – это исполнение закона. Простая аксиома: если любовь это единственное, что я даю жизни, то и получить по закону я могу только любовь. Вот что такое исполнение закона.

Я вас люблю и точка. Почему? Сначала потому, что вы пропойцы, которые успокоили меня, дали мне программу Анонимных Алкоголиков и помогли мне пройти её. Поэтому мне пришлось любить вас. Прежде чем я попал сюда, я ненавидел вас больше любой другой группы людей. Прежде чем во мне стали происходить изменения, я думал, что всё человечество это просто какая-то космическая ошибка. Дети Божьи были слишком злыми и слишком глупыми, чтобы заслуживать моего внимания. Меня интересовал Бог. Я много узнал о Нём, и чем больше я узнавал, тем больше я напивался. Но это происходило не потому, что я узнавал больше, а потому что я ничего не делал. Я знал так много, что мне не нужно было ничего делать; я вам говорил, что вы должны делать. Но вы же понимаете, что мне это не надо

было делать потому, что я всё это уже знал. Таким образом у меня заняло почитай семьдесят лет, чтобы понять, что образ жизни может привести к правильному мышлению, но мышление никогда не приведёт к правильному образу жизни. От вас требуется просто делать эти вещи и тогда начинает что-то происходить; если их не делать, то ничего не происходит, вне того как много вы знаете о программе Анонимных Алкоголиков.

Когда я впервые пришёл сюда, был у нас тут парень, которого мы все называли Тренером. Его звали Пол. Кое-кто из вас здесь достаточно давно, чтобы помнить его. У него было два словарных запаса. Один был из-под моста (я считал себя знатоком, но он умудрялся затмить меня) и другой был из высших слоёв. Он знал книгу АА наизусть. Он мог цитировать Третью или Пятую Главу полностью, не заглядывая в книгу. Но нам пришлось наблюдать, как Пол умер. Мы видели его смерть. Он подошёл ко мне однажды на собрании в Беверли Хиллз, незадолго до того, как он нас покинул, припав к моей груди плакал, как ребёнок: «Чак, посмотри на себя и посмотри на меня. Представляешь, я собирался выгнать тебя, когда ты приходил ко мне». Он умер, потому что забыл, что эти вещи надо делать. Он знал их, но не делал. Мы можем образом жизни привести себя к правильному мышлению, но мы не способны мышлением привести себя к правильному образу жизни.

Я люблю вас. И это не моего ума дело, что вы думаете обо мне. Это не моего ума дело. Моего ума дело это то, что я думаю о вас, а я вас люблю. Если вы меня тоже любите – это

плюс. И получается, что вы мне можете только прибавить к моей жизни, но не отнять от неё. Вы слышите меня? Это одно из лучшего, что вам доведётся услышать. Вы мне можете только прибавить к моей жизни, но не отнять от неё, потому что я с вами не обмениваюсь – я люблю вас и всё. Во-первых, потому, что вы забулдыги. Во-вторых, потому что я знаю, кто вы, независимо то того, знаете вы это сами или нет. Вы дети Господни, каждый из вас, и этого достаточно, чтобы я вас любил.

И я хочу ещё кое-что вам подбросить. Многие из вас знают, что я делаю в Анонимных Алкоголиках, и я делаю это уже двадцать девять лет – как, например, у меня бывает по восемь спикерских подряд. Я делаю это не потому, что хочу послушать свой голос, я его уже слышал. И я делаю это не потому, что мне нужны ваши аплодисменты, я их уже получил. Я здесь только для того, чтобы поделиться собой с любым из вас, кому нужен любящий я. Это единственное, для чего я здесь, и единственное, почему я делаю то, что я делаю. Если бы я думал о том, как спасти ваши души, то меня бы здесь не было, потому что если кто-то из вас потерял свою душу, то у меня нет ни малейшего представления о том, где её искать. Ни малейшего. И я здесь уж точно не для того, чтобы сделать из вас христиан, потому что так как я понимаю, или не понимаю, христианство, я и сам вполне возможно не христианин (прошу священников обратить на это внимание!)

У меня никогда не было спонсора. Никогда. Когда я пришёл сюда, я ничего не знал о спонсорах, а когда узнал, то

решил, что мне не полагается столько внимания ни от кого. Я долгое время не задавал никаких вопросов. Я подслушивал. Когда я пришёл в себя настолько, что мог удержать в руках чашку кофе, я брал кофе, находил кого-нибудь, кто умел хорошо говорить об АА, пристраивался за спиной этого человека и начинал подслушивать его разговоры. Я стал офигительным подслушивателем. Если меня ловили на этом деле, я отходил и пристраивался к кому-нибудь другому, а если меня ловили и приглашали принять участие, я терялся. Я не мог в это поверить и, как правило, уходил на улицу, садился под деревом и плакал, как дитя. Позже, когда я бы уже мог начать работать со спонсором, у меня их оказалось несколько сотен. Все, кого я вижу в АА, являются моими спонсорами. Те, кто участвуют в программе, и те кто в ней не участвуют, все они мои спонсоры. Я считаю, что каждый человек является моим учителем потому, что одни учат меня, что следует делать, а другие, что не следует делать. И для меня тот, кто учит, что не следует делать, не менее важен, чем тот кто учит, что нужно делать.

Я рассказывал многим из вас, что за последний год мне пришлось пережить смерть двух людей, одного из которых я знал двадцать пять лет, а другую двадцать восемь. И оба они наложили на себя руки. Одному из них было всего сорок пять лет, и он был трезвым двадцать пять из них; а я был причастен к тому, что он пришёл сюда. Но его «я» встало между ним и Богом. Это погубило его. А для другой что-то стало важнее Бога, и она погибла. Двадцать восемь лет. Именно поэтому те, кто учат нас, что не следует делать, не

менее важны, чем те, кто учат нас, что нам надо делать.

Почему же закон и любовь освобождают от необходимости Бога, который судит? Вполне возможно, господа, что единственными оковами в этой жизни является абсолютная свобода в законе. Например, нет закона Божьего или человеческого, в котором сказано, что я не могу пить виски. Вы не найдёте такого закона. И по милости Божьей, и благодаря АА, у меня сейчас достаточно денег в кармане (только не говорите об этом никому!), чтобы поить всех нас довольно долго. Мне даже в банк не надо будет заходить. Так почему же я сейчас не пью виски? Священник скажет : «Тебе не следует», а я скажу: «О чём ты говоришь, сынок». Я понятия не имею, что значит «тебе не следует». Кто сказал, что мне «не следует»? Но зато я знаю, что значит «я не могу себе этого позволить». И я не могу себе этого позволить. Когда я пью виски, оно забирает у меня всё, за что я люблю себя, вас и жизнь. Вот почему я не могу себе это позволить, и я не пью. Нет закона Божьего или человеческого, в котором говорится, что я не могу ненавидеть вас. Я могу ненавидеть всех вас до чёртиков, если пожелаю. Нет закона, который утверждает обратное. Так почему же я этого не делаю? И снова священник скажет: «Тебе не следует». И снова я скажу: «Я понятия не имею, о чём ты говоришь». Но я точно знаю, что не могу себе этого позволить, потому что то, что я вкладываю, я получаю обратно, а я уже поимел достаточно этой дряни. Я больше не хочу, поэтому я больше так не делаю.

Нет и закона, в котором сказано, что я не могу судить вас.

Я могу судить вас весь день подряд, если захочу, и я один из тех, кто умеет это делать! Много лет подряд я разбирал по косточкам всех тех, кого я знал и тех, кто просто проходили мимо! Так почему же я не делаю этого теперь? Да потому, что я не могу себе этого позволить. Плотник сказал мне, что со мной произойдёт, если я буду это делать, но он не сказал мне не делать этого. Он сказал: «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вас будут мерить». Вот что произойдёт со мной, если я буду судить, но Он не сказал, что я не могу судить. Если я согласен платить такой ценой, то я могу это делать. Но я не согласен, поэтому не делаю. Ни один закон не говорит, что я не могу держать на вас злобу. Почему не держу? Не могу себе позволить. Зависть. Не могу себе позволить, потому что, если я это посею, то я это и пожну. Так что единственными оковами в этой жизни является абсолютная свобода в законе. Вы можете делать всё, на что способно ваше воображение, если вы согласны на неизбежные последствия ваших мыслей и дел. Я не согласен, и я не делаю этого.

Давайте-ка мы с вами уделим минутку тому, о чём большинство из нас частенько думает, и от чего нам следует избавиться. Люди годами говорили мне: «Чак, ты не можешь пить. Тебе надо бросать это дело». Но вокруг себя я видел людей, у которых не было неприятностей из-за того, что они пили, и я никак не мог понять, почему я не могу пить так, как они. Теперь я сижу у себя в комнате, в том самом кресле, и смотрю на маленький городок Лагуна Бич, в котором по

последним подсчётам живут пятнадцать тысяч сто человек. Пятнадцать тысяч из них могут делать то, что я не могу. И все они дети Божьи. Почему же так вышло? Они могут немножко есть и немножко пить, немножко любить, немножко ненавидеть, немножко судить, держать немножко затаённой злобы, немножко врать и немножко обманывать. Они дети Божьи, так же как я. Так почему они могут, а я не могу? А просто потому, что пока что у них не кончилось время. Они могут немножко кушать и немножко выпивать. Мы с вами никогда этого не умели. Мы всегда считали, что если делать что-либо, то делать это следует сверх всяких мер. Наше время кончилось, а у них оно пока ещё есть. И я думаю, что для вселенной не имеет никакого значения, когда их время кончится. Не важно, произойдет это сейчас или через пятьсот лет. В конце концов все мы когда-нибудь вернёмся домой к Богу, который сотворил нас, потому что все мы Его дети.

Время не имеет никакого значения для вселенной, но оно имеет значение для меня. Жизнь удалась, когда вокруг меня такие люди, как вы. И ничего она не стоила там, в тех джунглях, где я когда-то жил. Вот такие дела. Теперь нами движет желание исполнять волю нашего Отца: заботиться о Его детях и помогать им. Это то, о чём нам говорит Двенадцатый Шаг: «Достигнув духовного пробуждения, к которому привели эти шаги, мы старались донести смысл наших идей до других алкоголиков» - до детей Божьих – «и применять эти принципы во всех наших делах». Это относится, как к детям Божьим, так и ко всем аспектам нашей жизни: к дому, к работе, к отдыху и к АА. И если

единственное, что движет нами, это любовь, то мы делаем это бескорыстно и с удовольствием, а в этом случае *единственное*, что мы получим обратно по закону - это любовь. Вот как работает эта движущая сила, и при этом она избавляет нас от судящего Бога. Так это устроено. Что посеешь, то и пожнёшь. Что человек думает, тем он и является.

Теперь я могу идти по середине дороги с Богом закона, порядка и любви, но закон этот справедливый, а не осуждающий. С этим я могу идти до конца. Но с тем Богом, о котором мне рассказывали в детстве, я и шага не пройду. Понимаете? Мне говорили, что Бог заберёт у меня моих детей, за все мои грехи. И помнится, когда я был метр с кепкой ростом, я сказал: «Если Бог такой, то я лучше возьму вилы и подружусь с Дьяволом. А если этот Бог попадётся мне на пути, то я посажу его на эти вилы». Я тогда не принимал такого Бога и теперь не принимаю. Я был всем нутром против этого тогда, и я по прежнему против этого. А вот с Богом любви и закона справедливости я готов идти, куда Ему угодно. Это же здорово. Так уж случилось, что я не верю в хорошо и плохо. Я не верю в правильно и неправильно. Я не верю в два мира. Я верю в один мир. Я верю, что это опыт, но не реальность.

Плотник сказал: «Не суди по наружности, но суди по справедливости». Это значит, что в какой-то момент мы начинаем видеть себя в других людях, а других людей в себе, и мы видим то, что стоит за всем этим. Я не видел пьяниц уже лет двадцать. Двадцать лет я не встречал ни одного

пропойцу. Когда я работал, мой офис был на углу Сороковой и Аламеды; и каждый раз, когда я ехал в центр города, если у меня было время, я ехал по Пятой улице на запад. Меня туда тянуло, как магнитом. И практически каждый раз, когда я ехал по Пятой, впереди меня ехал чёрный воронок. Я знал его, как родного; бывало ездил в нём закованный. Разумеется, ребята на улицах тоже знали его. И вот я вижу коротышку-синяка с бутылкой в коричневом бумажном пакете (ну чтоб никто не догадался, что у него там! Кстати, ничто так не похоже на бутылку вина в коричневом бумажном пакете, как бутылка вина в коричневом бумажном пакете!) Он увидел воронок, попытался спрятаться и грохнулся на жопу (забудьте, что я сказал такое!) раза четыре, пока бежал к проходному двору. Но бутылку он не разбил. Задницу разбил, а бутылка осталась цела. И когда он наконец исчез в проходном дворе, я промолвил: «Слава Богу, спасибо тебе, Господи». Потому что это я, и это был бы я, если бы не милость Божья.

Еду дальше и вижу сидит кадр возле парадной; на улице июль, а на нём два пальто, одно чёрное, а другое серое. Он сидит прямо у дверей. Перед ним, у всех на виду стоит початая бутылка дешёвого винища. Он сидит, смеётся, беседует с друзьями и вообще у него всё чудесно – только вот друзей нет рядом, он там один! Я еле сдерживаюсь, проезжая мимо него. Мне хочется бросить машину посреди улицы, подойти к нему и посадить его себе на колени, потому что это был бы я, если бы не милость Божья. Видите ли, я тоже носил пальто в июле, и я тоже встречался и вёл

задушевные беседы с друзьями. А они беседовали со мной, и у нас всё было прекрасно. Но их там не было. Из всего того, что я вытворял в пьяном виде, мою семью больше всего ошарашивало, когда мы сидели в одной комнате и у меня появлялась компания, а у них никого не было! Они не могли понять этого. Вот почему мы не судим по внешнему виду. Мы смотрим сквозь него и под отбросами видим детей Божьих, и мы делимся с ними. Мы любя делимся нашим опытом, силой и надеждой друг с другом, и поэтому наша программа работает. Без всего этого никто бы не выздоравливал в Анонимных Алкоголиках.

Я уже говорил вам, что моего ума дело то, что я думаю о вас, а вашего ума дело, что вы думаете обо мне. То, что вы думаете обо мне, не моё дело, разве что вы хотите меня в это посвятить. Но меня это не трогает, и я об этом не волнуюсь. Меня это не заботит потому, что я люблю вас, а любовь сама по себе является единым целым. Это как добродетель. Но, когда добродетель признаёт себя, как таковую, она моментально становится пороком. Добродетель, как и любовь, являются своим же вознаграждением. Так исполняется закон. В этом нет ничего удивительного. И в личных отношениях это имеет самое большое значение, потому что все мы дети Божьи. Все мы делаем то, что мы делаем, потому что у всех нас одержимость разума. В ранней стадии моего присутствия в Анонимных Алкоголиках я думал, что одержимость разума является частью моего заболевания, и что другие люди не могут претендовать на неё. Они не алкоголики, а «алкоголизм это двойное заболевание,

состоящее из физической аллергии, сопряжённой с одержимостью разума». У них нет физической аллергии, поэтому и страдать одержимостью разума они не могут. Это может быть только у алкоголиков. Но прожив какое-то время я увидел, что все мы дети Божьи, и каждый из нас со своим пониманием жизни пытается делать лучшее, на что он способен.

Люди не делают то, что они делают, потому что они так хотят; они поступают так потому, что не могут иначе. Мы обязаны понять, что так же как вы и я пили против собственного желания, любому, у кого есть одержимость разума, сила воли не поможет. Когда сила воли находится в конфликте с воображением или эмоциями, то последние всегда выигрывают. Мы пили против собственной воли. Поэтому люди не делают то, что они делают потому, что они так хотят; они поступают так потому, что не могут по-другому. Не жил ещё человек, который ненавидел бы меня настолько, чтобы ему было необходимо разрушить меня. Только ради самоутверждения кто-то может попытаться сделать это. И когда мы осознаём это, люди больше не могут причинить нам боль. Они не могут сделать нам ничего плохого.

Когда мы лучше знаем, мы лучше поступаем. Это вводит в заблуждение многих людей, которые считают, что если они знают всё это на интеллектуальном уровне, то они действительно знают это. Они ошибаются. Сорок лет назад я знал всё то, что я знаю сейчас о последствиях моей жизни, кроме одного: о заболевании алкоголизмом. Об этом я ничего не знал. Я по-прежнему верю во всё то, во что я

верил когда-то. Я был рождён с верой в Бога и никогда не напился настолько, что перестал верить в Него. Верить в Бога хорошо, но этого не достаточно. Если ты алкаш, жить в Боге становится единственным решением проблемы. Сознание *живого* присутствия Всемогущего. Вот единственный ответ. В Нём я живу, двигаюсь и ощущаю своё существо. Поэтому, когда мы лучше знаем, мы лучше поступаем. Я знал это в своей башке сорок лет назад. А теперь я знаю это всем своим существом. И я не сажаю слишком часто то, что не хочу пожинать, но иногда случается.

У меня есть одна маленькая штука, которую я ни на что не променяю. Я делюсь всем, что происходило у меня в жизни с Богом. Абсолютно всем: хорошим, плохим и никаким. Я делюсь этим, а потом избавляюсь от этого. Например, когда я вытворил какую-нибудь глупость, что случается иногда (чаще, чем хотелось бы), я беру её с собой в укромное место и говорю: «Глянь, Батя, глянь, что я вчера натворил. Ну как я мог так напортачить? Я ведь знал лучше, но старался произвести впечатление. Мне это не нравится, и я знаю, что Тебе это тоже не нравится, но я обязательно сделаю лучше, а с твоей помощью я это сделаю много лучше. Спасибо Тебе за всё». А потом я выбрасываю это и больше никогда к этому не возвращаюсь. Когда что-то хорошее происходит, я делаю то же самое. Я говорю: «Посмотри, Отец, здóрово получилось, правда? Это не должно было случиться с таким оболтусом, как я, но ведь случилось же. И я знаю, откуда это пришло. Спасибо Тебе огромное за всё». А затем я избавляюсь и от этого. Потому что таким как мы

тяжело таскать и так называемое хорошее и так называемое плохое. Нам не нужно ни то ни другое потому, что жизнь должна быть непринуждённой. Нам не нужны никакие помехи. Избавься от всего и начинай каждый день по новой, без вчера и без завтра.

Непринуждённость. Вот тот Золотой Ключик к штуковине под названием жизнь. Мой друг Харольд ждёт этого уже двадцать лет. Он ходит за мной по пятам вместе со стариком Доком, который таскается за мной уже лет пять, и оба ждут, что я уроню Золотой Ключик. Они знали, что в какой-то момент я обязательно проколусь и они будут там на подхвате. И каждый раз, что они приезжали ко мне и весь вечер триндели у меня в гостиной, я говорил им: «Послушайте, я давал вам этот ключик каждый раз, когда вы слушали мои выступления. Я уже давал его вам. Просто начните делать те вещи, о которых я говорю». Но они чувствовали, что я что-то скрываю. И вот спустя двадцать лет я наконец-то даю им Золотой Ключик.

Золотым Ключиком к штуковине под названием жизнь является неумолимая честность перед самим собой. Я повторяю, неумолимая честность перед самим собой. Почему? Потому что внутри каждого из нас установлен монитор. Мы его там не устанавливали, и отключить его мы не можем. Религиозные люди называют это совестью (вот ещё одна вещь, которую я не понимаю – ничего о ней не знаю). Я называю это Богом. Богом во мне, Богом, который является мною. Я не Бог, но Бог это я. Непомерно больше, чем я, ибо Он так же является всеми вами. Не отличающийся

чем-то, не какой-то другой, не «отстранённый от», а «причастный к». Я сознательно ощущаю живое присутствие Всемогущего. Так что Золотой Ключик – это неумолимая честность перед самим собой. Шаблон перед нами. Когда я делаю всё самым лучшим из доступных мне образом – образец передо мной; и это не гора, не храм и не Иерусалим; это у меня во рту, чтобы знать и делать это. Это здесь, во мне. Когда я делаю всё самым лучшим из доступных мне образом, то вселенная кивает в одобрение, а это называется «покой». Но когда я делаю вещи не самым лучшим образом, то включается старая мясорубка, вот тут, внутри, и начинает раздирать меня: «Эх, Чак, зачем ты это сделал? Зачем ты так поступил?» Единственный способ избавиться от этого, это принять то, что я сделал таким, как это есть и решить, что я сделаю лучше с Божьей помощью. И это проходит, и я снова в седле. Помнить, в чём заключаются наши приоритеты, вот в чём секрет того, что называется жизнью: неумолимая честность перед самим собой. А образец здесь, во мне и в вас.

Я получаю огромное удовольствие от разговора с вами – это самое большое наслаждение в моей жизни. Я обожаю говорить об этом потому, что это произошло со мной. Со мной, во мне и через меня. И я люблю делиться этим. Поэтому мы продолжим нашу беседу и поговорим немного о самой большой силе в этой жизни. Сильнее водородной бомбы, мощнее всех остальных сил простая чистая правда. Это самая большая сила, которая только существует. И зерно этой силы внутри каждого из нас.

СИЛА ПРАВДЫ

«И применять эти принципы во всех наших делах». В Десятом Шаге сказано, что мы «продолжали самоанализ и, когда допускали ошибки, сразу признавали это». Для меня это не значит, что мы должны снова возвращаться в наше прошлое и переделывать Четвёртый Шаг. Я думаю, это значит что мы должны взглянуть на прожитый день. Придерживались ли мы этих принципов сегодня. Всё ли у нас в порядке сегодня. Десятый Шаг был чрезвычайно важным для меня потому, что до прихода в АА я не мог сказать : «Я не знаю». Особенно я не мог произнести этих слов в бизнесе. В бизнесе не говорят: «Я не знаю». Что бы тебя не спросили - отвечай! Я просто не мог сказать: «Я не знаю». Уверен, что если бы меня попросили объяснить теорию Эйнштейна, я бы это сделал. Если бы вы спросили меня, как Бог создал землю, я бы вам рассказал, и скорее всего, вы бы услышали от меня что-то вроде: «И на третий день *мы* делали так-то и то-то...» Я не мог сказать: «Я не знаю». Я пришёл на программу и, делая то, что вы мне сказали, я узнал, что правда - самая мощная вещь на земле. Я узнал это только потому, что делал то, что вы мне сказали. И я научился в бизнесе говорить: «Я не знаю, но это важный вопрос. Завтра я узнаю ответ на него». И на завтра я узнавал ответ. А про всё, что я не знал, я говорил: «Я не знаю». И это очень легко, потому что тебе не надо помнить, что ты сказал, если ты не говорил о том, чего не знаешь. Нет нужды запоминать сказанное тобой. Просто скажи людям правду, и тебе не надо помнить, что ты там

нагородил. Зато следует запомнить фразу: «Я был неправ». Я, между прочим, не славился тем, что от меня часто слышали: «Я неправ». Я, по-моему, говорил вам раньше, что однажды я подумал, что был неправ, но ошибся.

Двадцать четвёртого июня этого года, если мы будем живы, и если Миссис Ч. не разведётся со мной к тому времени, у нас с ней будет пятьдесят лет в одной упряжке (с небольшим перерывом за плохое поведение!). И я теперь ловлю себя на том, что говорю жене: «Я был неправ. Ты была права всё это время. Я был абсолютно уверен в своей правоте, но оказалось, что всё время я был неправ». Это же ужас какой-то! Представляете себе, быть женатым пятьдесят лет на одной и той же бабе и говорить ей, что ты неправ! Разве это не кошмар? Но на самом-то деле это хорошо, потому что ты чувствуешь себя комфортно. Когда ты так поступаешь, тебе спокойно.

Самая мощная вещь на земле, это простая чистая правда. Настолько, что кто-то однажды сказал: «Узнай правду, и она сделает тебя свободным». *Правда* делает тебя свободным. И во всех наших делах это так – в бизнесе, в отдыхе, в семье, в АА, во всём. За эти годы мне довелось познакомиться со многими, так называемыми, «разъездными ораторами», которые считали, что лёгкие преувеличения делают их истории более интересными. И они раздували свои рассказы понемножку, а потом напивались. Или им начинало казаться, что они большие люди в этой программе, они эксперты, потому что все вокруг хвалили их. И они верили в это, а потом, ну кто бы мог подумать, напивались. В

нашей программе нельзя становиться большим. Это недопустимо.

Если бы мы могли справиться с этими делами, мы бы уже справились, и не были бы членами Анонимных Алкоголиков. У нас было полно времени. Чтобы распорядиться своей жизнью, у меня было сорок три года, в течение которых я был звездой этого шоу и директором своих потенциальных возможностей. Я старался, как мог. Я вложил в это всю свою смекалку и все свои знания, но всё равно проиграл. Я пролетел. Как я уже говорил, в расцвете своих сорока трёх лет я потерпел полный крах во всех аспектах жизни: как муж, отец, бизнесмен, человек и как пьяница. А у меня других аспектов не было. Если бы они были, я бы и в них потерпел полный провал. За всё это вы можете похвалить меня, а вот за последние двадцать девять лет я никакой похвалы не заслужил. За них я благодарю Бога и вас, а, может быть, следует сказать по-другому: я благодарю вас и Бога. Потому что такие люди, как вы смогли успокоить меня в первый же вечер. И потому что, живя с такими людьми, как вы, я наконец увидел, что у меня есть мой Бог. Я даже не понял, что именно произошло. Поэтому, может быть мне стоит сначала поблагодарить вас, а потом Бога. Для меня в этом нет никакой разницы, потому что я стал видеть Бога в людях. Бог - это люди, поэтому, кого я благодарю первым - безразлично.

Теперь, «во всех наших делах» означает дома. Видите ли, тем, что заставляет работать нашу программу, является содружество мужчин и женщин, которые делятся – *которые*

делятся – своим опытом, силами и надеждой, любя друг друга. *Которые делятся*. В Анонимных Алкоголиках мало тех, кто *говорят* вам что-либо. Мы не говорим, мы делимся. Есть у меня один паренёк, звать Клэнси, который считает, что я его спонсор, так вот он говорит. И, признаться, у него это хорошо получается. Я ему говорю: «Ты же даже не член Анонимных Алкоголиков. Ведь АА состоит из людей, которые делятся. Ты же ни с кем не делишься. Ты говоришь им. Но знаешь, продолжай-ка ты делать то, что делаешь!» Потому что я пришёл к нему на День Рождения, а там собралось шестьдесят пять трезвых чокнутых. Каждый из этих шестидесяти пяти - его дитя, и ни к одному из них я не смог бы подойти с нашей программой. А они трезвые. Так что «продолжай-ка ты делать то, что делаешь». Общество не могло бы существовать без одного Клэнси, но два таких – это уже слишком много!

Я стал делиться, когда понял, что я трезвый. Я начал делиться с пьяницами. Я представляю себе это следующим образом: многие из вас уже слышали, как я об этом говорил – я думаю о себе, как о стакане грязной воды, грязном стакане с грязной водой. И когда я пил, я его частенько опрокидывал - завязывал пить. Как только становилось фигово, я бросал. А когда я бросал, это было как вылить грязную воду из стакана, и у меня оставался пустой стакан, пустой и грязный. Но пустым этот стакан долго оставаться не мог, и я снова наполнял его, и, разумеется, наполнял я его грязной водой. Когда я пришёл на программу, я ещё не остановился. Я не перестал пить. Я пришёл с грязным

стаканом, наполненным грязной водой. А на первом собрании тоненькая струйка чистой воды полилась в мой стакан, и мне это понравилось, и я стал возвращаться туда снова и снова, и тонкая струйка чистой воды продолжала вливаться в стакан. Спустя какое-то время я обнаружил, что стакан стал чистым и был наполнен чистой водой. Тогда я стал пытаться отдать это, но только пьяницам, потому что именно они дали это мне. И я продолжал делиться с забулдыгами. Спустя ещё немного времени, я заметил, что мой стакан стал выпрямляться и в конце концов полностью выпрямился, а чистая вода продолжала течь в него потому, что я по-прежнему ходил на собрания. И эту чистую воду я наливал кому угодно. И мне было хорошо от этого. Я делился с многими людьми: с евреями, не евреями, греками; чёрными, белыми. Всех видов и мастей. Я делился с ними.

Но своему младшему сыну я говорил; я не делился с ним. Видите ли, я говорил ему потому, что он родился, словно вышел из гримёрки. А я родился с вилами в руке, и я не мог понять его, просто не мог понять. Когда ему было лет шесть или около того, мы жили в Беверли Хиллз, и у нас позади дома проходила улочка, куда все выставляли свой мусор. Туда приезжали забирать его раз в неделю. Дик бегал туда и находил то выброшенное кем-то цветастое платье, то ещё что-то в этом роде; притаскивал к нам в гараж и делал из этого себе костюмы. Потом он находил где-то серьги, крашился, одевал свои наряды и устраивал представления. Ему было тогда шесть или семь. А я смотрел на него и говорил сам себе: «Что это за чертовщина у меня

тут происходит?» И я стал пытаться подогнать его под своё понимание того, каким он должен быть. Короче говоря, я хотел передать ему вилы. А он знать не знал, что это такое.

Когда он стал чуть старше (по-моему, ему было десять или одиннадцать, когда я протрезвел), мы определили его в школу в Понóме, и там он развернулся во всю. Пацан научился рисовать, играть в театре, петь и танцевать. Он брал классы по искусству и к тому же по философии; искусство у него было главным предметом, а философия вторым. Я иногда приезжал навестить его, мы шли в какой-нибудь ресторан, и он рассказывал мне о достоинствах модернистских и футуристических картин, а этого ему не следовало делать! Замечу вам, что я поделился со всеми тем, что мой сын талантлив. Но он рассказывает мне о достоинствах этих картин, и я отвечаю ему: «Меня коробит от одной идеи того, что человек, в котором течёт моя кровь, видит какую-то ценность в это мазне!» Я говорю: «Корова хвостом на стене сарая и то лучше нарисует». Подобные слова не самый лучший способ обрести друга или повлиять на мнение человека, особенно если это ваш сын. Он к тому же беседовал со своими друзьями о философии. У него есть друг-художник, которого зовут Мартин, и который знает своё дело – его выставки проходят успешно. Однажды они беседовали о философии у меня дома, а я сидел, слушал их какое-то время, и мне было ясно, что они понятия не имеют, о чём говорят. Пришлось растолковать им что к чему! Им пришлось сидеть и слушать меня полтора часа. До сих пор удивляюсь, почему они меня тогда не убили.

Я не понимал, почему мы с ним не можем жить мирно. Я старался, как мог сблизиться с этим пацаном и не понимал, почему у меня это не получается. Мы жили уже десять лет в том доме, в котором мы живём сейчас, и у нас потрясающий вид из всех комнат, особенно из гостиной. Люди говорили мне, что они видят из моего окна, и постепенно до меня дошло, что все они, глядя в окно, рассказывали мне то, что видят они, и что никто ещё не рассказал мне, что я там вижу. И я понял, что никто не видит там то, что вижу я. Раньше я никогда не задумывался над этим. Мне это и в голову не приходило. Я вырос, полагая, что белое это белое, чёрное это чёрное, а корова это корова. Все, кто смотрели на корову, видели корову, и если они смотрели на ту же корову, которую видел я, то они видели ту же корову. Однако я понял, что это не так, когда послушал рассказы людей о том, что они видели из моего окна. И я задумался: «Похоже, что со мной что-то не так. Дело не в пацане. Дело во мне. Он видит то, чего я не вижу».

А потом я задумался по поводу всей этой философии и вдруг понял, что я пытался объяснить ребёнку, как перейти улицу в Сант-Луисе, когда он находился в Чикаго. Так нельзя поступать с детьми. Надо быть в Сант-Луисе, чтобы там переходить улицу. И я сказал жене: «Мы едем в Лондон», она спросила: «Зачем?», а я ответил: «Чтобы узнать поближе своего ребёнка». И мы отправились в Лондон. Мы пошли на ужин, и я сказал своему сыну, что я был слепым по отношению к нему. Я и не предполагал, что люди не видят то, что вижу я. Каким же я был слепым! Я поведал ему, что

понял его беседы со мной о ценности картин, только когда послушал рассказы людей о том, что они видели из моего окна. Я сказал, что приехал извиниться перед ним и загладить свою вину. А потом я извинился перед ним за мои высказывания относительно его философии. Я загладил свою вину, а потом нас чуть не выгнали из ресторана. Мы смеялись, шумели и веселились. Нас едва не выставили. Всё это потому, что плотину снесло и мы делились друг с другом.

После этого мы объездили всю Европу, а когда вернулись домой, то он приехал с нами. Мы с женой должны были говорить на собрании в Роанóке по дороге домой. Мы прилетели в Чикаго и навестили нескольких наших людей. Он раньше никогда не хотел делать этого, но теперь изъявил желание. Потом мы заехали к моей маме. Ей девяносто шесть, и она не сдаётся. Она уже практически не ходит, но полна энергии. После нашего визита мы собрались поехать оттуда на машине в Роанóк, а пацан сказал: «Мне надо вернуться в Нью-Йорк, но я приеду в Роанóк в пятницу. У меня кой-какие дела в Нью-Йорке». Когда он уехал, я сказал жене: «Он не приедет в Роанóк». Именно потому, что мы оба с женой должны были говорить на этом собрании, я был уверен, что он не приедет. Но в пятницу он приехал. Я говорил ему ещё до того, как он вернулся: «Дик, там будут наши люди; они любят твою мать и меня, и они не оставят тебя в покое. Ты не сможешь быть анонимным там, потому что они не отстанут от тебя». А он ответил: «Меня это не волнует». Он был там и слушал, как его мать говорила в пятницу вечером, а на следующее утро ему пришлось

послушать меня. Там были круглые столы, вокруг каждого сидело по десять человек, и он рассказал мне после собрания, что он сидел, слушал нас и периодически повторял: «Я не знал этого, я не знал этого». И чуть позже: «Я даже не догадывался».

Так о чём мы сейчас говорим? Мы говорим о том, как принести это в дом; *делиться* своим опытом, силой и надеждой. Дома никто не любит, когда им читают лекции. Нам кажется, что мы достаточно взрослые и достаточно умные, чтобы мы могли выговаривать нашим детям. А они не хотят чтобы им говорили, они хотят, чтобы с ними делились. Их не интересует, какие мы умные, они хотят знать, чем мы измучились, и как мы из этого вылезли. Они хотят делиться с нами. Язык сердца не имеет возраста. Пару лет тому назад я мотался я Норт Баттлефорд, в провинции Саскачеван, где получил одно из самых больших удовольствий в своей жизни. Там был провинциальный съезд членов Алатина, и мне довелось поделиться с двенадцатью или пятнадцатью детишками. Это были чудесные выходные. Не стоит думать, что дети не поймут вас, когда вы делитесь с ними; они поймут, если вы делитесь, а не говорите им. Это потрясающе.

А женщины, на которых мы женаты! Если поменять нас местами, я бы и неделю не протянул со своей женой. Я бы не кушал от неё всё то, что она проглотила от меня. А ведь она выдерживала меня двадцать лет. Двадцать! Вот мы с вами (предположим, что вы такие, же как я) мечтали всю жизнь, что, просыпаясь каждое утро, мы будем видеть новую женщину. Я думал, что кайф именно в этом. Понимаете, я

считал, что мужику это полагается по ранжиру. Нельзя засиживаться в обыденности. Быть женатым пятьдесят лет на одной и той же бабе – это просто неприлично в Калифорнии! Но я наконец-то понял, что каждое утро у меня новая женщина, потому что мы все меняемся. Люди меняются. Вы меня до этого никогда не слышали. Я не тот, кем я был вчера. Я тот, кем я был вчера плюс вчерашний опыт и уроки, которые я вынес оттуда. Поэтому мы становимся новыми людьми, и женщины, на которых мы женаты тоже новые.

Одним из самых больших препятствий, которое мы ставим на своём пути, является наша склонность категоризировать друг друга, особенно членов нашей семьи. Когда мы живём вместе с ними, то предполагаем, что заранее знаем, как они поведут себя или как отреагируют на какую-то ситуацию. Мы прокатегоризировали их. Но, видите ли, это ошибка с нашей стороны. Ведь они всё время меняются. И это одна из вещей, с которой нам приходится иметь дело в Анонимных Алкоголиках. Это одно из увлекательных занятий для наших партнёров, будь то женщина или мужчина, состоящие в Ал-Аноне (или те, кто не алкоголики и, может быть, не состоят ни в каком сообществе). Когда человек трезвеет в Анонимных Алкоголиках и делает то, чему учит эта программа, он начинает расти так же бурно, как сорняки. Если он делает то, что надо, он не может не расти, он разрастается.

Моя жена шесть лет ходила со мной на собрания АА до того, как появился Ал-Анон, и она была уверена, что прекрасно знает всю эту кухню. Она знала все слова, но она

слушала *меня* в течении этих шести лет (ей нравилось, когда я рядом, чтобы можно было пихнуть меня, и когда я был рядом, она пихала!). Всё это время она слушала только меня. А потом появился Ал-Анон, и она начала первую группу в Беверли Хиллз у нас дома. Эта группа росла и крепла, а она радовалась, что дела идут так хорошо, потому что она была для всех них, как нянька-наседка, и она *поучала* их. А когда я был трезвым одиннадцать лет, мы переехали в Лагуну, и у неё не оказалось рядом никого из тех, кому она могла выговаривать. Тогда в Лагуне ещё не было Ал-Анона. Мой бизнес был по-прежнему в городе, но пока мы жили в Беверли, я мог брать её на собрания каждый вечер (мы ужинали дома и ехали на собрание), а в Лагуне так уже не получалось. Ну она конечно была жутко расстроена этим. Наехала на меня. Я должен был проводить больше времени дома, потому что ей не уделялось достаточно внимания. У неё не было друзей в Лагуне.

Я протянул с февраля до Дня Благодарения, стараясь проводить с ней как можно больше времени, но стал чувствовать себя не в своей тарелке настолько, что жить стало тошно. И вот после праздничного ужина, на котором собралась вся семья, я заявил: «Дети и дорогая Миссис Ч., я хочу вам кое-что сказать. С этого момента, когда звонит телефон, мне надо идти. Я не могу выбирать, что я буду делать, а что не буду. Я не могу сказать одному парню: «Давай поговорим», а другому: «Я сейчас не могу». Это кончится тем, что народ начнёт бухать, а значит я не могу продолжать вести себя так. Когда звонит телефон, я обязан

делать для них всё, что в моих силах. А если вам это не нравится, то ты найди себе другого мужа, а вы найдите себе другого отца». Я вынужден был сделать это потому, что не мог жить по-другому. «Представьте себе, что человек бы не явился, когда мне это было нужно». И тут вступил Дик. Он сказал: «Мам, а почему бы тебе не организовать здесь группу Ал-Анон?», ведь его мать была в депрессии. И что вы думаете, она занялась организацией группы и стала ездить в город, потому что на этот раз она делала это для себя. И она начала расти бурно, как сорняк, и она нашла то же, что нашёл я. И она прекрасна. Мы делимся, мы с ней делимся всё время. Мы не всегда соглашаемся друг с другом, но в этом нет необходимости. Мы научились не соглашаться, но при этом жить в согласии. И, вы знаете, это прекрасная вещь. Мы делимся, а не говорим. Я не говорю ей ничего, она не говорит мне ничего. Мы делимся. Вот об этом то мы с вами и говорим: применять эти принципы во *всех* наших делах. Во всех. Мы уже говорили, что когда узнавали, почему люди делали то, что они делали, они больше не могли причинить нам боль, и что люди делают то, что они делают потому, что они вынуждены делать это, а не потому что они хотят это делать. Когда мы лучше знаем, мы лучше делаем.

Одна из вещей, о которой мы с вами ещё не говорили – это о том, что в психологии нас убеждают будто двумя самыми большими потребностями человека являются быть нужным и быть любимым. Я полагаю имеется в виду, что это составляет часть психологии каждого человека. Быть нужным и быть любимым. Это такая же мура́, как и всё остальное, что

я от них слышал. А как насчёт дела и Бога? Всё у них через задницу. Две величайших человеческих потребности – это любовь и дело. Да, именно они, любовь и дело. Один такой доктор позвонил мне как-то в 12 часов ночи и спросил: «Чак, что является для тебя определением любви?» А я ответил: «Оно такое же в 10 часов утра, как и в 12 ночи! Ты совсем спятил звонить мне так поздно?» Но он повторил: «Чак, что является для тебя определением любви?» и я сказал: «Тебе оно не понравится!» Но он не отставал: «Так что это?» И я ответил: «Действие!» Он удивился: «Что значит действие?» Я ответил: «Действие. Если ты любишь кого-то, ты делаешь что-то для них». Ты просто делаешь. Ты не обмениваешься с ним ничем. В любви нет торговли. В ней не торгуются. Ты делаешь потому что ты хочешь, без всяких условий. Брак это не пятьдесят на пятьдесят, эти не семьдесят пять на двадцать пять; брак – это тысяча на ноль. Ты не торгуешься. Ты не торгуешься ни с Богом, ни со своим партнёром. Вот вам простая чистая правда. Любовь является движущей силой, и она же является исполнением закона. Ты делаешь это потому, что ты любишь делать это, бескорыстно и с радостью. Это потрясающая вещь. И, да, у тебя новая женщина каждое утро, и это прекрасно. Жить так гораздо интересней!

У меня в жизни есть ещё одна обалденная вещь, которой я бы хотел с вами поделиться. Это получилось из полного краха и развала. Я ведь практически разрушил свои тело и мозги. Многие из вас слышали, как я рассказывал, что когда я пришёл сюда у меня заняло больше шести месяцев, чтобы собрать до кучи по-английски Молитву о душевном покое.

Не духовно, а по-английски. Я никак не мог понять её смысл. Вот какую голову я притащил сюда. У меня заняло три с половиной года, чтобы прийти в себя после того, как я рухнул лицом вниз, когда напился последний раз. Вот какое тело я сюда приволок. Полагаю, что у меня были все связанные с моей болезнью расстройства, которые только можно иметь. Моя жена собиралась разводиться со мной, и я считаю, что это одно из таких расстройств! Мои дети не появлялись дома, если там был я. Думаю, что это ещё одно связанное с болезнью расстройство. Мой шеф попросил передать мне, чтоб я шагу не ступал в офис, иначе он вышвырнет меня в окно. Полагаю, что и это тоже расстройство, ведь это значило, что ничего хорошего мне не светит. У меня не было ни здоровья, ни разума, ни работы, ничего. Я пришёл сюда просто чтобы протрезветь. Протрезветь и хоть как-то подчистить перед смертью свой послужной список.

Я уже говорил вам вчера, что знал, что умру, потому что мой предпоследний запой чуть было не закончился именно этим, и становилось только хуже. Я смирился с исчезновением всего, что мне было дорого в этой жизни, и всё это должно было исчезнуть, и я не имел никакого право заполучить это обратно. Я принял смерть. Я уже ничего не хотел для себя. Даже трезвости. Как ни странно, это является пожалуй самой большой свободой на земле. Свобода, это когда ты ничего не хочешь для себя. Это не просто свобода, это полная свобода. Моя первая капитуляция, к которой меня вынудила бутылка, продолжалась три с половиной года. Это

самое уникальное волшебство, свидетелем которого мне довелось быть. К тому же в течении этого периода времени у меня не было абсолютно никаких ожиданий. Я не ждал ничего от Бога, людей, жены, детей, моего босса, или кого-либо вообще. Это было удивительное время. Все кусочки паззла моей жизни вдруг сложились в эти три с половиной года. Но случилось и кое-что плохое. Я вновь стал что-то представлять из себя за эти три с половиной года, а когда ты что-то из себя представляешь, то ты имеешь определённые права, которые иногда приходится защищать. И вот после трёх с половиной лет покоя и свободы я нашёл себя там, где я был вынужден научиться осознанно капитулировать. Меня это жутко грузило. Я не мог понять, почему это происходит. Ведь три с половиной года у меня всё шло гладко, я был свободен от этого, а теперь я снова должен капитулировать, и я спрашивал себя: «Почему эта фигня вернулась ко мне? Почему? Почему? Почему?» Я пытался разобраться с этим в течение следующих пятнадцати лет, и когда я был трезвым шестнадцать лет и шесть месяцев, наконец-то я нашёл ответ, который устраивал меня.

Да, только спустя так много лет я понял, в чём дело. Я нашёл кое-что положительное в человеческом эго. Это то, что не даёт нам покоя. Это то, что заставляет нас продолжать двигаться. Ведь когда вы и я взяли на себя обязательство, а именно «приняли решение препоручить нашу волю и нашу жизнь Богу», то не существует причины, по которой мы можем остановиться. Когда мы становимся ленивыми, самодовольными и прекращаем двигаться, нас ждут

неприятности. В такой ситуации нам остаётся либо снова сдать, либо идти бухать. Поэтому мы вынуждены осознанно сдать, что я и сделал. Но пока я не нашёл ответ, все шестнадцать с половиной лет мне не нравилось это делать. Я уверен, что никогда не настанет момент, после которого у нас больше не будет необходимости сдаваться. Такого не произойдёт. Вечный Отец, вечное Дитя и вечное Путешествие.

Представьте себе, что у меня заняло семьдесят лет, чтобы понять, что нашу жизнь делает чрезвычайно интересной не то, что мы знаем, а то чего мы не знаем. Именно открытия, которые мы совершаем, взбираясь по этой лесенке, делают жизнь увлекательной. Впереди нас всегда будет ожидать не меньше, чем сейчас. Вечный Отец, Бесконечность; я ведь даже понятия не имею, что это значит. Вечность. Вечный Отец, вечное Дитя и вечное Путешествие без определённого места назначения. И в этом вечном Путешествии впереди нас всегда будет ожидать не меньше, чем сейчас. Это же здорово! В этом-то и состоит прелесть жизни. Это именно то, что делает её безумно интересной. Это не то, что мы знаем, а то, чего мы не знаем. Это когда мы во всех аспектах нашей жизни с любовью делимся нашим опытом, нашими силами и надеждами. Это о том, что язык сердца безвременен. И что в жизни нет бартера даже в мире бизнеса, а когда мы осознаём это, то она становится прекрасной. Прекрасной и чудесной.

Теперь поговорим о мире бизнеса. Весь его мы, конечно, не охватим, но кое-что обсудим. В четверг перед Рождеством

1945-го я ненавидел свою работу. Я терпеть не мог своего шефа. И я на дух не переваривал всех тех, кто работал на него. Я считал эту работу ниже своего достоинства. По моим понятиям такой одарённый, как я, должен был быть хотя бы сенатором, если не президентом Соединённых Штатов, а не прозябать в арматурном бизнесе. Для меня было очевидным, что я там единственный, кто что-то смыслит в этом деле, но все деньги были у босса, и он командовал. Эта вопиющая несправедливость уже сама по себе вынуждала меня выпивать понемножку. Так обстояли дела в четверг перед Рождеством. В пятницу перед Рождеством он вызвал меня к себе и после непродолжительных наставлений дал мне три тысячи баксов как рождественский подарок. Я надрался по дороге домой. «Пришёл в себя» после середины января, наконец появился на работе в конце января, а он пришёл, чтобы вышвырнуть меня в окно, но не сделал этого. Физическое и моральное состояние, в котором я находился, требовало от меня титанических усилий для выполнения элементарных вещей. Мне было тяжело даже одеться.

Это вынудило меня отдать весь свой интерес, всё своё внимание и всю любовь тому, что я делал, или, точнее, не мог делать. И это оказалось лучшим уроком моей жизни. Разумеется, что всё это происходило от необходимости. Я тогда не понимал, что то, чему мы отдаём все наши силы, всё внимание и всю любовь, является самым интересным в мире, даже если это такие простые вещи, как побриться и одеться. Я отправился в офис, чтобы расчистить завал на своём столе; в офисе и дома у меня были два самых больших бардака. Вот

где мне пришлось делать основную работу. Она заключалась в том, чтобы подчистить мой послужной список. И я начал с бизнеса. Я стал помогать людям делать то, что им было нужно, потому что мне этого хотелось, и таким образом по необходимости отдавал всю свою заинтересованность, любовь и всё внимание тому, что делал. Я растворился в том, чем был занят. И, как я уже говорил вчера, спустя где-то два года, я обнаружил, что по-прежнему пытаюсь расчистить свой стол.

Пока я не забыл, будучи трезвым одиннадцать лет я купил этот бизнес и продал его три года назад. Когда я продал его, у меня работали около пятидесяти механиков, многие из которых были там старожилами. Это были машинисты, металлообработчики, плотники, установщики – люди, у которых были загрубевшие от работы руки. Так вот, когда я продал этот бизнес, все эти чертилы поголовно рыдали, и я тоже плакал. Я научился любить этот бизнес и ребят, которые работали у меня. А ведь это был бизнес, который я ненавидел в четверг перед Рождеством. Вот о чём речь. Когда ты отдаёшь все свои силы, всё внимание и всю свою любовь чему-либо, это становится самой интересной штукой в жизни.

До того, как всё это произошло со мной, я бы не стал делать чертежи для самого Иисуса Христа. Я был слишком большим человеком. У меня был парнишка, которому я говорил, что мне надо начертить. Если он делал что-то не так, я рвал его на куски...(вы же меня понимаете!) Но когда я пришёл в офис в конце января 1946-го, у меня не было

никого, кто бы выполнял за меня какую-то работу, и я начал чертить свои планы сам. И я чертил их сам до тех пор, пока не продал свой бизнес. Больше никто никогда за меня не чертил. И мне было очень интересно заниматься этим. Обалденно.

Так о чём мы говорим? Мы говорим о чистке послужного списка. Его невозможно очистить, размышляя: «Я хочу, я не хочу, я люблю, я не люблю, я-я-я-я». Послужной список можно очистить только, если ты делаешь что-то для кого-то, не вешая бирки с ценой на то, что ты сделал, и тогда происходят чудеса. Чудеса! Например, когда я уже был трезвым приличный период времени, был там один еврейский господин, который работал в продуктовой индустрии, а потом ушёл на пенсию. Он поднял большие бабки. У него было два зятя, для которых он решил построить здание под супермаркет. В то время это было самое большое одноэтажное здание в стране для подобного рода бизнеса. Оно называлось Панорама Маркет – некоторые из вас видели его. Когда мне нужно было с ним встретиться, он осматривал другое место, которое называлось Палас Маркет. Один из его зятьёв заведовал этим магазином. Над мясным отделом были несколько офисов и маленький балкон, а на нём столпился народ, ждавший своей очереди в эти офисы. Подошёл мой черёд, а на тот момент там уже собралось много людей, которые стремились увидеться именно с этим господином. Дверь офиса открылась, и я вошёл.

Его звали Моррис Вайнштейн, пусть земля ему будет пухом, его уже нет в живых, и он сидел там с лицом, которое не

предвещало ничего хорошего. Он объяснил мне, что потребуется от меня для того, чтобы я мог заслужить его бизнес. Эта лекция заняла у него минут пять, а когда он закончил, я сказал: «Моррис, ты меня не правильно понял. Ты говоришь так, будто я явился сюда, что бы продать тебе что-то. Я не за этим пришёл. Я здесь для того, чтобы помочь тебе, если могу, а если ты считаешь, что я не могу тебе помочь, то давай не будем тратить время попусту, ведь мы оба занятые люди» Он откинулся в кресле и сказал: «Я знаю, Чарли». И я поставил ему этот магазин, за где-то семьдесят пять тысяч долларов. На открытие магазина собралась толпа народу, и среди них были многие из тех, кто был тогда на балконе, потому что в те времена у поставщиков было принято появляться на подобных церемониях. А когда я пришёл, эти ребята оттащили меня в сторонку и стали говорить мне: «Чарли (в бизнесе меня все называли Чарли), это была лучшая демонстрация метода реверсивной психологии, которую мы когда-либо видели. Мы до сих пор это обсуждаем». Я спросил их: «Ребята, вы о чём?» Они объяснили: «Понимаешь, мы слышали ваш разговор, когда ты был у Морриса. Ты ведь сказал ему, что ничего не продаёшь, а вышел оттуда с заказом на семьдесят пять тысяч. Реверсивная психология в лучшем своём проявлении!» А я ответил: «Вы, братцы, очумели. Если бы этот человек поддавался на всякую психологию от обратного, то у него никогда бы не было двух с лишним миллионов баксов расхожих денег на такие проекты!» Он знает про эту реверсивную психологию лучше, чем мы все с вами вместе

взятые. Я сказал ему простую, чистую правду, и он знал это. В том-то и дело. Он знал. Когда я сказал ему, что он ошибается, если думает, что я пришёл, чтобы что-то продать ему, и что я явился вовсе не за этим, а что я бы хотел помочь ему, если смогу, но если нет, то не стоит тратить наше время впустую, потому что мы оба занятые люди, он знал, что я именно это имел в виду и подписываюсь под каждым словом.

Правда – это сильнейшая вещь. Это самая мощная сила на земле, и в ней не торгуются. За двадцать пять лет в бизнесе я имел дело со многими людьми. Сначала они мне говорили: «Ты врешь. Бизнес так не делают! Это враньё». Но меня это даже не злило – я смеялся, потому что знал то, чего они не знали: я десять лет поступал именно так, и всё у меня работало. Я продолжал делать то же самое, и вскорости они приходили снова, все кто были в таком же бизнесе. Мы бы назвали их конкурентами, если бы мы считали кого-то из них такими, но у меня не было конкурентов потому, что я ни с кем не соревновался. Я просто помогал людям делать то, что им было нужно потому, что мне хотелось им помочь.

В последние несколько лет практически все, кто были в таком же бизнесе, побывали у меня (это те самые люди, которые говорили мне, что я вру), и все они спрашивали: «Как ты это делаешь?» Они не могли даже предложить цены в тех бизнесах, с которыми я работал. Они приходили к Вону и говорили: «Послушайте, мы знаем, что вы строите новый магазин. Мы бы хотели предложить вам наши расценки». А Вон отвечал: «Чарли будет его строить». Они спорили: «Но разве так можно? Откуда вы знаете, что он не обчистит вас?»

Надо же рассмотреть несколько предложений для сравнения!» Но Вон говорил: «Я же сказал, что Чарли будет его строить. Вам придётся дорого заплатить, чтобы я посмотрел на ваши цены. Идите-ка вы куда-нибудь в другое место». Тогда они стали приходить ко мне и спрашивать, как мне это удаётся. И я по два часа подряд досконально объяснял им, как я работаю. А потом они уходили и, наверное, думали: «Ну вот он и попался. Теперь-то я ему покажу! Я знаю, как он это делает. Теперь ему от меня не уйти». Но у них ничего не получалось, и бизнеса они не получали. Потому что они мотивировались не тем, чем я. Они считали, что надо быть сообразительней, результативней и изворотливей. А я знал лучше потому, что работал таким образом тридцать лет и в результате оказался в заднице. Зато после этого в течение двадцати пяти лет я делал это бескорыстно и с радостью, помогая детям Божьим делать то, что им нужно, потому что мне так хотелось, и я разбогател. Я даже не пытался разбогатеть; те, кому я помог, сделали меня богатым.

Теперь я вам скажу ещё пару вещей, потому что почти все вы по-прежнему занимаетесь бизнесом, и вы будете уверены, что последующее не возможно, так что можете сказать, когда дослушаете: «Послушал я этого болвана, всё он врёт». У нескольких моих еврейских друзей был магазин на Креншоу и 101-ой, который назывался Продовольственная Компания. Это были молодые ребята, где-то вашего возраста. Я был в бизнесе с их отцами, когда они были ещё детьми, которые бегали по всему магазину, а теперь я работал с ними. Они

решили полностью переоборудовать винный отдел и заказали у какого-то архитектора новые планы, а когда чертежи были готовы, они позвонили мне и попросили: «Приезжай и посмотри на это. И скажи, сто́ит ли нам так делать». Я приехал, посмотрел и сказал: «Ребята, этот парень начертил вам тут моднейшие выкрутасы. Я никогда не чертил вам ничего такого потому, что это очень дорого». Они спросили: «Как ты думаешь, сколько это будет стоить?» «Полагаю, около \$4,500» - ответил я. Они сказали: «Установи это нам». И я установил для них всё так, как они хотели, и они были довольны. После все подсчётов оказалось, что там сидят \$5,700 моих денег. Пятьдесят семь сотен зелени. Я позвонил Эйбу и сказал: «Слушай, ты случайно не помнишь, сколько я сказал будет стоить ваша арматура?» Он ответил: «Нет, не помню, но где-то тут у меня записано». «Ладно» - сказал я – «Можешь не искать. Я помню. Это \$4,500. И знаешь, Эйб, пусть она будет твоей за \$4,500. Она уже стоит и, как я понимаю, вы довольны. Она ваша за \$4,500 потому, что я предположил, что она во столько обойдётся, но я ошибся. Там моих \$5,700». Он сказал: «Чарли, посчитай с прибылью и пришли мне счёт». Но я ответил: «Мне не нужна прибыль. Это была моя ошибка, но я был хотел получить то, что вложил». Он повторил: «Чарли, добавь прибыль и пришли мне счёт, я заплачу тебе». Я сказал: «Нет, я пришлю тебе счёт на \$5,700, если ты согласен». Он ответил: «Если тебя это устраивает». Так не делают! Никто бы так не поступил. Но я послал ему счёт на \$5,700, и он его оплатил.

А ещё была одна компания, для которой я делал свой

последний проект на углу Фолбрука и Виктории в Западной Долине, и это была огромная работа. Мы всё установили, магазин открылся и проработал на тот момент уже девяносто дней. Они были довольны - получилось очень красивое место. Дэйв Шор позвонил мне однажды и сказал: «Чарли, ты до сих пор не прислал нам счёт». Я ответил ему: «Нет, Дэйв, не прислал, потому что не имел всех расценок, но вот теперь они у меня есть, и я могу подытожить его довольно быстро, если тебе надо». Он спросил: «Как быстро?» Я ответил: «Я перезвоню тебе где-то через час». «Давай» - сказал он – «Поторопись, пожалуйста, если не трудно. Понимаешь, мы хотим профинансировать это дело, и нам необходимо знать точную цифру как можно быстрее». Через час, когда всё было готово, я позвонил и спросил его: «Дэйв, ты сидишь?» Он ответил: «Да». А я спросил: «Ты один в офисе?» Он сказал: «Нет, Чик сидит у меня». Тогда я спросил: «Как твоё сердце?», и он ответил : «Пока нормально, не жалуясь». «Ладно» - сказал я – «Вот оно. Ты мне должен \$225,000». А он сказал: «Ну как тебе это нравится? Я только что написал на бумажке \$225,000 и дал Чикю. По-моему, тебе надо взять меня на работу оценщиком. Высылай мне этот счёт». Вы же знаете, что так не может быть. Он должен был сказать что-то вроде: «Эй, а как на счёт налога? Ты налог-то с меня брать не будешь?» Но всё, что он сказал: «Высылай мне этот счёт».

В 1958-ом у меня были неприятности. Большие финансовые проблемы требовали срочного бизнеса. У меня простаивал пустой завод, который стоил мне \$13,500 в неделю, чтоб держать двери открытыми, и мне было

необходимо как можно быстрее получить контракты на работу. Я стал искать их, и у меня появились пять сделок, которые, как мне казалось, я могу заключить. Я уже работал над ними какое-то время и думал, что они у меня в кармане. Я поехал закрывать их, и одна за другой эти сделки пролетели. Я был уверен, что последняя из них будет заключена потому, что оба хозяина компании, с которой я работал, были членами Анонимных Алкоголиков. Сорок восемь человек из верхнего эшелона этой компании тоже были членами АА. Разумеется я был уверен, что это моя сделка. Это просто не могло быть дано кому-то другому хотя бы потому, что я всё для них продумал и спланировал, абсолютно всё. Короче, я поехал туда, чтобы закрыть это дело, и мы вчетвером или впятером повеселились за ланчем в Вечес на Атлантике. А когда мы вернулись обратно, то все почему-то разбежались, как крысы с тонущего корабля! Остались только я и Харольд. Мы зашли к нему в офис и он сказал: «Чак, я думал, что ты уже не выкарабкаешься из проблем, которые у тебя там сложились, и я отдал контракт Хиллу». Это был мой последний контракт! Других у меня не было. Так прошло минут пять, а потом он спросил: «Чак, ты можешь хоть что-нибудь сказать?» Я ответил: «Харольд, мне нечего сказать».

Я вышел и поехал обратно в город – их офис был в Лонг Бич, а мой завод был на углу Четырнадцатой и Алмедина. Но я не мог вести машину, и, съехав на обочину, сидел и смотрел на себя, пытаюсь собраться с мыслями. Только что все мои надежды растаяли, как дым. И вдруг я понял, что

впервые за многие годы бизнес был единственной целью, которую я преследовал. В течение двенадцати лет до этого я делал Двенадцатый Шаг в бизнесе: помогал людям делать то, что им было нужно потому, что хотел им помочь. А тут я, оказавшись в критическом положении, и так как мне срочно был нужен бизнес, отправился именно за ним, и потерпел фиаско. И тогда я сказал себе: «Хуже уже не будет. Почему бы тебе не начать делать Двенадцатый Шаг в бизнесе, как ты когда-то делал. И пусть будет, что будет». Я передал бизнес моему Партнёру и начал делать визиты с Двенадцатым Шагом. А потом произошло то, что любой из вас назовёт невозможным (даже те, кто не в бизнесе – иезуиты – не поверят в это). Я вернулся к себе в офис и то ли в этот же, то ли на следующий день мне позвонил один парень из Сан Бернардино и сказал: «Чарли, у меня такое чувство, что у тебя неприятности, и на моём столе лежит чек на \$50 000, который я выписал на твоё имя. Тебе не надо давать мне расписку или платить интерес; мы просто вычтем эту сумму из нашей следующей сделки. Приезжай и забери его, если хочешь. Я не знаю нужен он тебе или нет, но у меня было чувство, что он может тебе пригодиться». И он добавил: «Я улетаю в Майями сегодня вечером, и проведу неделю в СМИ (это Супермаркетный Институт). Ты можешь приехать сейчас или после того, как я вернусь». Я вам скажу, ребята, это было что-то! Я сказал ему: «Милтон, поезжай в Майями, и если мне будут нужны эти деньги когда ты вернешься, то я обязательно приеду. Но я хочу чтоб ты знал, что я никогда не забуду того, что ты мне сказал. Это потрясающе». А когда он

вернулся из Майями, мне уже не нужны были эти деньги. Ко мне повалил народ, и у меня было полно́ работы до тех пор, пока я не продал свой бизнес.

Так о чём же я тут распинаюсь, господа? Уж не хочу ли вам рассказать, какой я хороший? Ни коим образом. Я пытаюсь объяснить вам, до чего хороша эта штука. Дар Божий был сделан с зарождением земли. Он дал нам вселенную. Он дал нам Себя, когда создал землю. Когда я сидел в своём кресле и всё что у меня было сплыло, в тот самый безнадёжный момент моей жизни вся вселенная была моей. Бог был моим, и всё, что было у Него, было моим. Он знал это, а я не знал, и мне пришлось это узнать. А, будучи алкоголиком, я узнал это своим способом и только тогда, когда пришло моё время. Бог любил меня тогда точно так же, как Он любит меня сейчас. Никакой разницы. Но Он даёт мне ошибаться. Бог – Джентльмен. Он не вторгается туда, где его не хотят, и поэтому Он никогда не удерживает меня от совершения ошибок. Он любит меня настолько, что даёт мне ошибаться, чтобы я поскорее исчерпал все мои ресурсы и вернулся домой, где мне место.

Так что моё дело заниматься Его делами, а Его дело заботиться обо мне. Не моё дело, а Его. Так каким же его делом я занимаюсь? Помогать Его детям делать то, что им нужно потому, что я хочу им помочь. Двенадцатый Шаг во всех делах, Двенадцатый Шаг дома. Двенадцатый шаг в АА, Двенадцатый Шаг в развлечениях. Просто делать Отцовские дела, вот моё дело. А Его дело заботиться обо мне, и он делает это куда лучше, чем я когда-либо мог, и за это я

чрезвычайно признателен.

Мы с вами уже говорили о молитве, правда совсем немножко, просто тут удивлялись, почему мы не начинали и не заканчивали наши собрания молитвой. И я уже сказал вам, что, на мой взгляд, то, что происходит сейчас, и есть молитва. *Это* молитва. Моя жизнь молитва. Если вы спросите меня: «Какая у тебя религия?», я отвечу: «Это то, как я живу свою жизнь». Вот моя религия. Значение имеет не то, как я себя называю, а то, как я живу. Это моя религия, поэтому я занимаюсь Его делом по собственному желанию. Есть пара маленьких тонкостей, о которых я узнал много лет тому назад, и которые чудесно вписываются в эту картинку. Существует один древний индийский упанишад (большинство из вас, грамотеев, знают что такое индийские упанишады). Когда мы последний раз были в Палм Спрингз, я познакомился там с одним педантом. Он утверждал, что в АА свора палачей по отношению к духовности. Он доказывал мне, что мы должны очистить свои сердца, чтобы быть достойными узреть Бога. Мы должны очистить свои сердца! Я сказал ему: «Да, я помнится уже проходил по этой дорожке. Я вычистил из сердца всё, что только можно, и чем чище оно становилось, тем сильнее я напивался». И добавил: «Знаешь, браток, я вот сижу тут, смотрю на тебя и вижу Бога». А он не понял, о чём я говорю. Он не мог понять потому, что думал, что обязан сделать четыре разные вещи. Сначала такую йогу, потом такую йогу, а потом ещё вот такие две йоги, и на этих йогах приедешь прямо к чистоте духа! А после этого можешь начинать видеть Бога. Как я рад, что дела обстоят не так. Я

безумно рад, что Бог совсем иной, нежели тот, о котором мне рассказывали. Вы себе представить не можете, как я рад.

Так вот, в упанишаде сказано: «Весь мир - это одеяние Божье. Откажись от него и получи его обратно, как подарок от Бога». Что же это значит? Это значит, что до тех пор, пока эти вещи были важны для меня, я не мог их иметь. Я тридцать лет ломал голову над тем, как получить то, чего, как мне казалось, я был лишён с рождения, и в результате оказался у разбитого корыта. Я не гнался за быстрой наживой и не был самоуверенным. Я достаточно тяжело работал, чтобы иметь, а в результате оказался ни с чем. Но следующие двадцать пять лет я провёл, стараясь что-то привнести, и всё то, из-за чего я ломал голову, теперь моё сторицей. Когда они не важны для меня, они становятся моими. «Весь мир - это одеяние Божье. Откажись от него и получи его обратно, как подарок от Бога». Как это красиво!

Ещё говорят такую вещь. Говорят, что всё, что стоит делать, само по себе является целью, а всё, что делается по схеме «цель оправдывает средства» является самоограблением. Что же это значит? У меня работали пятьдесят человек. Тридцать пять из них работали ради зарплаты. В неделю они теряли пять дней, а жили только два. Они работали ради зарплаты. А другие пятнадцать работали ради удовольствия. У них была дискотека! Они никогда не теряли ни одного дня и были моими лучшими людьми. Они получали больше денег, чем все остальные и жили все семь дней недели; никакой потери времени. Всё, что делается по схеме «цель оправдывает средства» - это самоограбление. И быть хорошим ради чего-

то, это тоже самоограбление, даже если это быть хорошим ради того, чтобы попасть в Рай. Это хорошее побуждение, но это по-прежнему самоограбление потому, что в этом деле полностью отсутствует взаимовыгодный обмен. Мы делаем это бескорыстно и в своё удовольствие потому, что мы хотим это делать. Потрясающе. Быть хорошим просто так, вот в чём свобода жизни. Просто быть хорошим. Это не самоограбление, это бескорыстно и ради удовольствия.

Я уже говорил, что в моём понимании дар Божий был сделан при создании земли. Я не первый, кто это сказал. Ведь написано: «Не бойтесь, ведь Отец даровал нам Царство». Там не сказано, что мы обязаны заслужить его. А ещё там написано: «Не думай о том, чем ты будешь питаться завтра, что ты будешь пить, или как оплатишь ты своё одеяние». Небесный Отец знает, что тебе нужно до того, как ты попросишь это. А написано так: «Поверь, что ты уже имеешь что желаешь, когда молишься, и ты это получишь», Ну и как же поверить, что ты уже имеешь то, что ты не имеешь? Как это сделать? Для этого необходима одна вещь. Ты обязан *знать*, что дар Божий был сделан при создании земли, и что поскольку ты дитя Его, воля Господня для тебя - это осуществление желаний, покой и радость; и что каждый идеальный подарок ты получаешь из Его рук. Когда мы осознаём это, мы понимаем, что всё, о чём мы молимся, уже дано нам. Это уже наше. Подарок Бога его детям. Без всякой взаимовыгоды.

И вот последняя мысль. Самый простой путь - это правильный путь. А трудный путь – путь не правильный. Есть

простой способ делать эту программу, и есть трудный способ. Трудный способ - это пытаться делать её самому. А простой способ - это понять, что тебе самому не справиться, и тебе нужна помощь. За двадцать девять лет я ни разу не попросил Бога оставить меня трезвым. Ни разу. Я благодарил Его миллион раз, но ни разу не просил оставить меня трезвым потому, что я не читаю нашу книгу таким образом. Когда я её читаю, то там написано: «Вот предпринятые нами шаги». Когда мы их предпринимаем, что-то начинает происходить, а когда мы их не предпринимаем, ничего не происходит. Я когда-то сказал Отцу Барни: «Я никогда не попросил Бога оставить меня трезвым». Он спросил: «Почему?» И я ответил: «Я думаю, что это не Его забота». Это мой бизнес делать то, что положено по программе, а Его бизнес - заботиться обо мне. И Он своё дело делает. Я не указчик Ему в Его делах.

Вы те, кто сказали мне, что я должен делать, и я делаю это. Я делаю шаги и остаюсь трезвым. И масса чудесных вещей произошла в моей жизни, включая исчезновение побочных отклонений, на которые я не потратил и пяти секунд. Я не потратил и пяти секунд, чтобы вернуть жену, детей, моего Бога, физическое здоровье и здравомыслие. Но каким-то образом это всё сработало. Так что воля Господня для вас и для меня - это осуществление желаний, покой и радость. А дар Божий был сделан при создании земли. То что вы пришли сюда искать, вы принесли с собой. Мы просто должны найти, где это находится, а это внутри нас. Это внутренняя работа. Находить, Узнавать и Избавляться – вот программа Анонимных Алкоголиков. Это потрясающий образ

жизни, и основываясь на двадцатидевятилетнем опыте, с уверенностью говорю, что он становится только лучше, и будет продолжать улучшаться вечно. «Мир без конца, Аминь».

ТРЕЗВОСТЬ – ДУХОВНЫЙ ОТДЫХ

Мы уже говорили о том, что когда мы немного повзрослели, то были вынуждены изменить всё, во что нас приучили верить дома, в школе и в церкви относительно жизни. И, конечно, нам пришлось научиться убираться с собственного пути. Самопознание. Его неотъемлемой частью является капитуляция, хотя нам внушали, что сдаются только слабые. «Сильные побеждают, слабые сдаются». Поэтому мы думали, что должны сами управлять своей жизнью и побеждать в боях. Но в нашей новой жизни нам нечего выигрывать, нечего доказывать, и мы никуда не рвёмся. Либо я управляю своей жизнью и принимаю результаты, которые это принесёт, либо я не управляю своей жизнью и приемлю результаты того, что это даст; но одно из двух я вынужден делать. Мы не можем делать и то, и другое. Ведь сказано, что нельзя служить двум хозяевам. Или ты льнёшь к одному, но желаешь другого, или наоборот. В розницу не устоять. Так что либо я управляю своей жизнью и получаю соответствующие результаты, либо я не управляю своей жизнью и получаю другие результаты, но эти выборы не сочетаются. Я уже говорил, что в течение сорока трёх лет я правил бал и являлся звездой манежа и мастером церемоний. И в результате я добился полного провала во всех аспектах своей жизни.

Это доказывает, что я не могу управлять своей жизнью, я не могу управлять ничем. Я не могу управлять своим бизнесом, своей женой, своими детьми, вообще кем или

чем-либо другим, и я это знаю. Я знал это, когда пришёл сюда. А сюда я пришёл уже зная, что проиграл в этой жизни, хотя вложил в неё, как мог. Я вложил в неё свою жену, детей, дом, работу, здоровье, разум и деньги, и всё равно проиграл. Поэтому я не способен управлять своей жизнью. Но я считаю, что не велика беда, потому что мне не надо этим заниматься. Я живу последние двадцать девять лет в уповании на Его руководство и распоряжение. Так что у меня нет нужды хозяйничать в своей жизни. У меня нет в этом необходимости, и я принимаю тот факт, что не способен это делать.

Ещё одной предпосылкой является то, что либо Бога хватает на все мои нужды, либо нет. Одно из двух. Если Его не хватает, то это не повод для переживаний, потому что в этом случае жизнь не стоит и гроша. И чем быстрее она кончится, тем лучше. В этом случае нам остаётся наплевать на всё и пойти под откос вместе с поездом; затовариться пойлом и пуститься во все тяжкие, и бухать пока не помрём! Если Бога не хватает на все наши нужды, то чем раньше это кончится, тем лучше. Ведь тогда и жить незачем. Так что, если Его не хватает, то и волноваться не стоит. Но если Его хватает, то и в этом случае нет причины для волнений, так что у меня это схвачено со всех сторон! А схвачено это со всех сторон потому, что единственное, что от меня требуется, это вести себя, как Его дитя, и доказать, что я являюсь таковым. Об этом написано так: «Веди себя, как подобает и стань собой, сказано Господом». Поведу себя, как мне полагается, и буду собой. Вот и всё, что мне надо сделать:

вести себя правдиво, и правда восторжествует, и именно это мы делаем в нашей программе. Больше делать нечего. Ничего не осталось потому, что мы уже потеряны. Мы уже прикладывали человеческие усилия.

Я ходил к лучшим из лучших: к священникам, проповедникам, докторам, и, как я уже говорил, даже к парню, который знал о психологии больше, чем положено. И все они говорили мне про силу воли, твёрдость, и о том, что надо подняться и быть мужчиной. Все они твердили мне об этом! Потому что, видите ли, ещё двадцать девять лет тому назад практически никто ничего не знал об алкоголизме. Авторитетнейшие люди, к которым я ходил, ничего не знали об этой болезни и, соответственно, ничем не могли мне помочь. Я тоже ничего не знал об алкоголизме, и поэтому не мог помочь сам себе. Я вынужден был продолжать пить до тех пор, пока бутылка не прибила меня, прежде чем я мог появиться сюда, чтобы хоть что-то разузнать. Я знал, что моей проблемой было не отсутствие силы воли и твёрдости или неумение вести себя с достоинством, как мужчина. Это мне было известно. Я родился с вилами в руке! Я не помню, когда я не работал. Я всегда работал. Ещё я был довольно приличным спортсменом в годы своей юности, и могу сказать это, не беспокоясь о том, что кто-то решит оспаривать сказанное мною, потому что здесь нет никого из тех, кто достаточно стар, чтобы помнить мою молодость! А моя твёрдость не доставляла мне ни малейших проблем, и хотите знать что-то? До сих пор не доставляет. Моя твёрдость работает что надо. Если бы всё, что у меня есть, работало так,

как она, я бы был в прекрасном состоянии! Так что дело не в твёрдости.

И дело совершенно точно не в силе воли. Если у кого-то в это мире есть сила воли, так это у пьяниц. О да! У нас силы воли хоть отбавляй. Я бы мог достать виски в Канзасе в день выборов, даже если бы он выпал на воскресенье! Сколько времени это бы заняло зависело только от того, на сколько я был пьян, когда отправлялся за выпивкой. В любом уголке страны, если было очень нужно, не занимало долго, чтобы отыскать пузырь. Каждый раз, когда я слышу, как люди земли начинают говорить о твёрдости характера и силе воли, мне хочется задать им один вопрос: «Кто из них хоть когда-нибудь прополз милю в грязи, тёмной ночью, только для того, чтобы добыть ведёрко льда?» Для бухариков это обычное дело. У нас с силой воли всё в порядке. А в отношении мужского достоинства мы кому хочешь фору дадим. Таких философов, как алкаши вы нигде не найдёте. У нас есть ответы для всех, кроме нас самих. Одним из наших самых больших достоинств и тем, что привлекало нас в мире не алкоголиков, всегда было то, что мы прекрасно знали, в чём их проблема и спешили рассказать им об этом. Замечу, что это не самый лучший способ подружиться с людьми или пользоваться у них авторитетом. Мы потрясающие философы. Вы можете заглянуть в любой бар в этих краях и задать первому попавшемуся синяку абсолютно любой вопрос, который взбредёт вам в голову, и вы получите ответ. Он не будет заикаться, запинаться и уж точно не скажет: «Я не знаю». Он ответит. Великие философы!

Итак, я знал, что моей проблемой не является отсутствие силы воли, твёрдости характера или мужского достоинства, но я понятия не имел, в чём она заключается. Я вынужден был продолжать пить пока чуть не сдох, прежде чем пришёл сюда и узнал. Я вовсе не критикую врачей, проповедников, священников, или психиатров, ведь они тоже не знали. В те времена вообще мало кто знал. И только недавно люди этих профессий получили информацию о том, что алкоголизм это заболевание. Теперь они могут рассказать нам, что такое алкоголизм, и куда мы можем обратиться за помощью, но тогда дела обстояли не так. Слава Богу, что сегодня об этом знают больше, чем в те времена, и что у многих людей появилась возможность прийти сюда прежде, чем они полностью погубили себя, как некоторые из нас.

Но при всём при этом мы всё равно должны делать то, что положено. Моя жена часто спрашивает меня: «Допустим я бы знала что-то про Ал-Анон в те времена, когда ты ещё пил. Вот если бы он уже существовал, и я в нём участвовала, ну и я бы знала, как надо вести себя с тобой и что надо делать. Как ты думаешь, смогла бы я ускорить твой приход в АА?» И я отвечаю: «Не думаю, что тебе бы это удалось». В моём конкретном случае я не думаю, что у неё бы это получилось потому, что я из категории тех людей, которые не слышат, пока не услышат и не видят, пока не увидят. Помните я вам говорил, что прочёл статью Джека Александра в журнале Пост ещё в 41-ом году, и вспомнил о ней только через пять лет. Я был в стельку, когда читал эту статью, и мне запомнились только две вещи: что пьяницы помогают

пьяницам и умудряются не пить, и что это называется Анонимные Алкоголики. Поэтому я и сказал себе: «Если я доживу до того, чтобы выбраться из кровати, я найду АА». С момента этого решения и по сей день я не пил. Так что я не знаю. Но в моём случае, вплоть до последнего запоя, я не видел своей вины в том, что пил.

Я двадцать пять лет пил постоянно, а последние десять лет периодически, и в течение этих десяти лет, между запоями, я бывал так же трезв, как сегодня. За эти десять лет я мог взглянуть трезвыми глазами на всё то, что я вытворял, тем не менее до последнего запоя я не считал себя виноватым в том, что пью. Виноваты были вы, моя жена и даже её мать. Кстати, вот причина всех причин, чтоб надраться – тёща! Напоминает мне об одной истории, которую мне рассказал Ал Б. из Далласа. Он теперь в иных местах. Вот был в порядке мужик. Он пришёл в АА на три или четыре месяца раньше меня, и был трезвым до того, как умер около года тому назад. Он был потрясающий рассказчик, и это его история. Короче, два алкаша встретились на улице и один спрашивает другого: «Ну, как дела?» А тот отвечает: «Да ничего хорошего». «Это плохо» - говорит первый. Второй отвечает: «Ну не так уж и плохо. Я женился». Первый говорит: «Так это ж хорошо». Второй отвечает: «Ничего хорошего. Получил тещу в придачу». Первый говорит: «Это плохо». Второй в ответ: «Не так уж и плохо, она при деньгах». Первый говорит: «Так это ж хорошо!» А второй говорит: «Ничего хорошего, она всё время всеми командует». Первый говорит: «А вот это плохо». Второй отвечает: «Не совсем плохо, она нам дом купила».

Первый радостно: «Это хорошо». Второй отвечает: «Ничего хорошего, дом сгорел». Тогда первый говорит: «А вот это уже совсем плохо». А второй отвечает: «Не так уж и плохо, братишка, она тоже в нём сгорела!»

Так что наше последнее оправдание должно исчезнуть. Оно должно сгореть. Если у вас или у меня остаётся хоть одно приемлемое для нас оправдание, значит нас ждёт очередной запой. Никто не станет искать и поддерживать трезвость, если есть хоть какой-то шанс повесить это на кого угодно: тещу или босса, или кого-то ещё. Мы точно не станем.

Я уже говорил, что произошло в мой предпоследний запой, когда я отправился на кухню выпить стакан кефира, а Дик и Миссис Ч. сидели в гостиной. Когда они услышали, как я вскрикнул и упал на пол, они прибежали, думая, что у меня начались алкоголические конвульсии, но дело было не в этом. Я просто тихо мирно лежал на полу, не двигаясь. Они не смогли привести меня в чувство, и к тому же говорят, что я был какого-то странного цвета. Я посинел. Они не на шутку запарились и вызвали скорую, и те, приехав, сумели через какое-то время разбудить меня. Он и объяснили мне, что по всем показателям я был мёртв; что им с трудом удалось вернуть меня к жизни, и что в следующий раз никто не сможет это сделать в такой ситуации. И они мне сказали, что на моём месте они бы перестали делать то, что я делаю!

Но я снова сделал это, однако рассказать я вам хотел кое-что другое. Спустя где-то двадцать четыре или тридцать шесть часов после того, как меня привели в чувство, я смог

найти какой-то старый грязный халат и стал в нём расхаживать, пытаясь отойти от своего плачевного состояния. Так мне приходилось трезветь. Я не знал, что есть простой способ, пока не пришёл в Анонимные Алкоголики. Единственный способ, известный мне, был умирать, пока я не смогу жить, и я делал это, прохаживаясь по дому. И вот я в этом старом халате брожу по комнатам туда и обратно; меня трясёт, я весь в холодном поту, я дрожу и продолжаю умирать, но хожу. Миссис Ч. стояла возле камина, и когда я проходил мимо неё, сказала: «Чак, тебе не кажется, что если ты прочтёшь эту книгу «Анонимные Алкоголики», то тебе это поможет?» Я рыкнул на неё, как лев: «Дожили! Моя собственная жена предлагает мне прочесть книгу, которую написал сборище алкашей! Мне, который прочёл лучшие из книг, написанные лучшими из авторов. А ты хочешь, чтобы я...» - и добавил: «Ты так глубоко ранила меня этим». Сорок восемь часов назад я был трупом, а теперь она видите ли ранила меня! И под конец я добил её, заявив: «Я, между прочим, мог бы сам написать книгу получше этой». Вот какое заявление я сделал за девяносто дней до того, как приполз сюда. Всего за девяносто дней. Я напивался вдрызг двадцать пять лет, и после этого она глубоко ранила меня, предложив мне прочесть эту книгу.

Именно поэтому я сомневаюсь, что мог бы попасть сюда каким-то другим образом, то есть, пока я полностью не спалил себя на последнем заходе. Услышав о моих или ваших приключениях, которые могли произойти с любым из нас, многие люди говорят: «Со мной такого не случилось. Я

никогда не сидел в тюрьме. Меня никогда не трясло на отходняке. У меня никогда не было конвульсий. И со слонами у меня никогда не было никаких проблем (признаюсь вам, что у меня частенько были проблемы со слонами. Я, пожалуй, один из очень немногих, когда-либо живших в Беверли Хилз, за кем гонялось стадо слонов! Они мчались на меня прямо из города!)» Итак, они говорят: «Раз со мной ничего такого не случилось, значит я не алкоголик». Должен вам сказать, что у алкоголизма нет уровней; вы либо можете пить нормально, либо не можете. Одно из двух. В этом алкоголизм очень напоминает беременность: девчонка не становится более беременной в восемь с половиной месяцев, чем она беременна через пятнадцать секунд после зачатия. Это просто становится виднее. То же самое и с нами. Мы не становимся большими алкоголиками. Просто со временем это становится видно всё больше и больше. И не имеет никакого значения, если что-то ещё не произошло с вами. Вы и сами знаете, можете вы пить нормально или нет, а если нет, то вполне возможно, что вы алкоголик. Так у нас говорят. Если алкоголь мешает вам в личной жизни, в работе или в общественной жизни, то если это в одном из трёх – вы из категории может быть; если в двух из трёх, то скорей всего; а если во всех трёх, то вне сомнения. Но есть ещё один вопросик, который мне нравится даже больше, чем эти три. И он очень простой. Приходится ли вам задумываться над тем, алкоголик вы или нет? Если да, запишитесь у нашего секретаря прежде чем уйдёте отсюда. За двадцать девять лет я ни разу не встретил не алкоголика в раздумьях алкоголик

он или нет. Это всегда алкаш, который пытается найти способ избежать наказания.

Так что дело не в том сколько, где и когда. Главное в том, что это делает с тобой. Мне тут вспомнилась история, которую я услышал много лет назад. У нас был один врач из Сан-Франциско и он был очень уважаемым членом Анонимных Алкоголиков. Он, кстати, был не просто врач, а пятикратный врач. Он был терапевтом, хирургом, акушером, гинекологом и психиатром. У него были дипломы во всех этих областях, так вот он и рассказал эту историю. Как-то раз он оперировал одну даму, которая была в годах - за шестьдесят. Во время осмотра он определил, что у неё было очень слабое артериальное древо. Он так же узнал, что она вообще никогда не пила спиртного. Поэтому он выписал ей немножко коньяку, как постоперационный курс выздоровления, и ей стали давать его небольшими дозами. В результате, как он рассказывал, через три дня после операции она утащила ключ у одной из медсестёр и залезла в кладовку, где хранился коньяк. А ведь она до этого вообще никогда не пила спиртного!

Так что дело не в сколько и как долго, а дело в том, что мы творим после этого. Вы либо можете пить нормально, либо не можете, и если вы не можете, то эта программа для вас. И чем быстрее вы это поймёте и начнёте делать что-то по этому поводу, тем лучше, потому что алкоголизм в своих проявлениях только ухудшается, он никогда не становится лучше. Через двадцать девять лет я по отношению к выпивке нахожусь в худшем состоянии, чем я был, когда

пришёл сюда, и я это знаю. Я знаю это, и мне не надо пить, чтобы это доказать. Я принимаю активное участие в нашей программе с тех пор, как появился здесь, а когда вы принимаете в ней активное участие, то просто внимательно наблюдайте за происходящим. Ваши друзья будут пить за вас, так что у вас нет необходимости делать это. Они экспериментируют за вас, если вы внимательно смотрите.

Есть ещё пара-тройка мыслишек, которые я хотел бы добавить. Когда я впервые появился здесь, то был абсолютно уверен, что те, кому не довелось испытать всё то, что выпало на мою долю, не могу любить эту программу так, как люблю её я. Мне даже было жаль тех, с кем не произошло то же, что со мной, потому что они просто не могли испытывать такие же чувства, как я. А потом мне довелось работать по программе со священником, у которого не было таких неприятностей, и который продолжал служить у алтаря. Но ведь он был священником, и до меня дошло, что когда я был пьяным ничтожеством, никого особо не волновало, пью я или нет (ну, может быть, полдюжины людей). А священник, как же он страдал от того, что плохо делает свою работу.

А ещё мне довелось работать с моим банкиром, который был одним из самых крупных банкиров в стране. Он преподавал банковское дело и, кроме этого, долгое время работал на правительство Соединённых Штатов как специалист по подъёму экономики. Вот уж кого ниоткуда не выгоняли. Он вообще был членом всего, что есть в городе! Его даже из дома не выгоняли. Он жил во Фримонт Плэйс; в это место въезжают и выезжают одной дорогой. Там нет

пересекающихся улиц или другого выезда. Одна дорога. Это приватное место. Вот где он жил, и его никогда не выгоняли из дома и вообще ниоткуда не выгоняли. Но он не мог нормально пить, поэтому не мог нормально делать свою работу, и он пришёл к Анонимным Алкоголикам.

Когда пришло время и он почувствовал, что пора начинать отдавать, как это полагается делать по программе, он пришёл на собрание комитета (он возглавлял исполнительный комитет одного из самых крупных банков в городе) и сказал: «Послушайте, у меня проблема с алкоголем, и я нашёл путь, который, возможно, позволит мне прожить мою жизнь трезвым. И одна из вещей, которую мы обязаны делать, это работать с другими алкоголиками, а значит я должен начать работать с ними, потому что они работали со мной, и теперь я трезвый. Мне придётся говорить с разными людьми и выступать на собраниях, а значит люди могут узнать о том, кто я, и это может повредить репутации банка, поэтому я сейчас же подаю комитету на рассмотрение своё заявление об отставке». Ему сказали: «Идите к себе в офис». Не успел он ещё туда дойти, как его позвали обратно. И они сказали ему: «Если вы считаете, что вам необходимо заниматься этим, занимайтесь. Мы с вами на тысячу процентов». Ну, скажите, это не потрясающе? И до конца своих дней это был один из самых скромных людей, которых я когда-либо знал (он тот, кто помог мне купить мой бизнес). Потрясающе, здорово! Раньше мы между Рождеством и Новым Годом ходили с ним на ланч в Калифорния Клуб, в котором он состоял. Я не состоял, а он состоял; он вообще везде состоял. Он садился и

рассказывал мне, что ланч со мной каждый год между Рождеством и Новым Годом является для него лучшим моментом года, а я слушал его и рыдал, как ребёнок. Сказочный был человек. И ведь его ниоткуда не выгоняли, но как ему наверно было больно. И так я научился понимать, что ни вы, ни я не можем решать насколько другим больно. Я не знал, что происходит внутри у кого-то ещё. Ему может быть в десятки или сотни раз хуже, чем мне, а я его тут жалею потому, что он не способен любить эту программу так, как люблю её я!

Мне было хорошо известно, что когда люди не применяли эти принципы, как это следует делать, они не могли оставаться трезвыми. В нашей книге говорится, что мы перестали бороться с чем-либо и с кем-либо, или со всем и всеми; мы прекратили борьбу. Был у нас в группе в Беверли Хиллз один дедуля, который воевал со всё и вся. Он был трезвым полтора года, когда я пришёл сюда, и он на год с половиной старше по программе, чем я сейчас. Он так и не перестал бороться. Он уже одной ногой в могиле, и всё ещё продолжает борьбу. Когда-то я пытался заставить его говорить со мной, но он отказывался. Уже почти год прошёл – мы в одной группе – а я не могу заставить его говорить со мной. Я пускался на разные хитрости. Я подходил к нему, когда он был на середине предложения в беседе с кем-то другим, вынуждая его таким образом обратить на меня внимание, но он поступал иначе. Он отворачивался и уходил, не закончив фразы! Я не мог заставить его поговорить со мной. Но когда у меня была двадцать первая годовщина, он

мне её устроил. И этот бандюга чмокнул меня в шею, когда преподнёс мне праздничный торт. Вполне возможно, что теперь он один из тех, кто любит меня больше всех в этом городе. Поэтому мы должны понимать, что существенным является не где мы, а откуда мы пришли. Эдди может быть вырос в нашей программе в десять раз больше, чем я, но ведь он и не начинал оттуда же откуда я. Он начинал много ниже. И когда мы начинаем понимать это, то наш жизненный опыт в Анонимных Алкоголиках становится прекрасным.

В Книге есть такая фраза: «Блажен, кто не осуждает себя за то, что избирает». А что это значит? Я думаю, что это значит, что если ты можешь делать что-то не осуждая себя, то это совсем не плохо. Но если ты осуждаешь себя за это, то тебе следует побыстрее перестать это делать, иначе это убьёт тебя. В этом-то, как мне кажется, и заключается разница между традиционной субботней пьянкой и алкоголизмом. Мы с вами порицали себя с самого начала. Даже если мы выросли с религией, в которой умеренное потребление алкоголя не осуждается, мы судили себя не за потребление, а за то что плохо держимся. Так что с самого начала мы осуждали себя. Я знал, что мне не следует пить ещё до того, как я впервые выпил. Я осуждал себя с первого глотка, и спустя какое-то время осуждение превратилось в ненависть, и я возненавидел себя до мозга костей. Мы с трудом можем смотреть на себя в зеркало от отвращения к самим себе, даже когда бреемся. «Блажен, кто не осуждает себя за то, что избирает». Всё это говорит нам, что не существует определённого метода классификации так называемого греха

среди тех, кто нас окружает. Многие могут делать то, что я не могу, вовсе не осуждая себя. Лично я пять лет назад мог делать многие вещи, которые сегодня не могу. И от того, где мы находимся, зависит что мы можем делать, а от чего нам следует избавиться. И это постоянный процесс, потому что чем выше мы поднимаемся, тем больше того, от чего нам следует избавляться, а чем больше мы избавляемся, тем свободнее мы становимся. Это удивительная вещь.

Нет такого понятия, как значение слова. Я и сам обалдел, когда с некоторых пор стал задуматься над этим: первые две с половиной страницы Пятой Главы заканчиваются на пункте «в» и насчитывают где-то четыреста пятьдесят или шестьдесят слов. Это всё, что там есть (я никогда не считал их, но полагаю, что где-то около того). Я перечитал эту часть не менее двадцати пяти, а скорее все тридцать тысяч раз за двадцать девять лет. Вы конечно можете сказать: «Но ведь это жутко сухое чтение. Это даже не вчерашний снег, это прошлогодний снег». Но это не так. Слова всё время читаются по-новому. Каждый раз, что я их слышу, они звучат по-новому. Каждый раз, когда я их читаю или говорю о них, они становятся новыми. Слова-то те же, но мы меняемся. И в зависимости от того, где мы находимся, они обретают своё значение. И они всегда будут становиться более значительными. В них будет появляться новое значение в зависимости от того, на каком уровне *мы* находимся. А мы будем подниматься по этой лестнице всегда. Мир без конца, Аминь.

И ещё одна вещь о которой я частенько думаю, сидя у

себя на холме. Я полагаю, что буду прав, но если нет, то кто-нибудь из вас, моряков, меня поправит. Мне кажется, что если ты сидишь в лодке на воде, то в погожий день горизонт виден где-то в семи милях. По-моему это та дистанция, на которую ты можешь видеть, находясь на уровне воды. А мой дом где-то тысячу футов над этим уровнем, и в чистый день для меня горизонт почти бесконечен. Ну сто пятьдесят миль уж точно. Иногда острова Каталины, Сан-Клементе и Поинт Фермин так близко, что кажется могу дотянуться до них. Эта небольшая возвышенность меняет линию горизонта с семи миль на сто пятьдесят миль. А мы вечно идём по нашей лесенке. Единственное, что мы не в силах изменить в нашей жизни и в нас - это то, что нам никуда от себя не деться. Мир без конца, Аминь. Довольно мрачная перспектива, не правда ли? Так ведь и о самоубийстве начнёшь задумываться! Вы ничего не можете поделать; вам от себя никуда не деться. Всё остальное в этой жизни вы можете изменить; вы можете не возвращаться домой, если не хотите. Вы можете пойти в любое другое место. Вы можете больше никогда не видеться со своей женой, если не хотите. Вы не обязаны больше видеть своих детей, если вам этого не хочется. Вы можете не оставаться в Калифорнии, можете не оставаться в Штатах, вы можете изменить всё в своей жизни, кроме одного. Вы не можете убежать от себя. Вы навсегда сами с собой, а я сам с собой.

Следовало бы предположить, что когда мы появляемся в этом мире, нас научат, как дружить с собой, но никого этому не учат. Нас учат, что мы должны сотрудничать с другими

людьми, что мы должны стараться произвести хорошее впечатление на соседей и людей, которые нас окружают. Мы обязаны проявлять уважение к старшим, священникам, начальникам и особенно к тёщам. Но никто нам не расскажет, как наладить отношения с самим собой и стать другом самому себе.

Я считаю, что определением трезвости является способность жить комфортно, мирно и радостно с самим собой. Вот что такое трезвость. Всё, что не дотягивает до этой планки, является частичной трезвостью. Когда я приполз сюда, я об этом не думал. Когда мы пришли на программу, все мы полагали, что если не выпили сегодня, то мы трезвые, и мы много беседовали на тему «как загнать пробку в бутылку». Завязать. У меня никогда не было проблем загнать пробку в бутылку. Я пил периодически последние десять лет и после каждой попойки загонял пробку в бутылку. Периодически приходится трезветь – периодически не могу не трезветь – потому что мы свиньи. Мы пьём всё, что нельзя жевать! Всё, что попадает под руку. И наступает момент, когда мы не можем глотать это, не можем вытошнить это, и мы не можем жить, и мы не можем сдохнуть. Так что нам приходится трезветь. Поэтому у меня никогда не было проблем загнать пробку в бутылку. Я бросал навсегда с клятвами и без них! Загонял пробку в бутылку.

Моя проблема заключалась не в том, чтобы загнать пробку в бутылку, а в том, чтобы не вынимать её оттуда. Потому что, когда наступало моё время, я вытаскивал пробку из бутылки и всё начиналось по-новой. Конечно физическая трезвость

необходима. Для меня она является синонимом жизни. Я не могу жить и пить, а сам по себе я не могу удержаться от того, чтобы пить. Поэтому я должен быть физически трезвым, чтоб не умереть. Я не умаляю достоинств физической трезвости, она является фундаментом трезвости. Но трезвость бывает физической, психической, эмоциональной и духовной. Четыре составные части единого целого, позволяющие мне жить комфортно, мирно и радостно с самим собой. Вот что такое трезвость.

Сегодня эта программа важнее для меня, чем она была двадцать девять лет назад, потому что тогда, если бы я мог просто умереть и на этом бы всё кончилось, то для меня это было бы лучшим, что могло произойти. Я с рождения знал, что самоубийство - это не вариант, но пока я не был трезвым пять лет мне даже в голову не приходило, что продолжать пить пока не умрёшь - это то же самоубийство. А ведь я старался как мог упиться до смерти, но у меня не получилось. У вас никогда не получится напиться до смерти, если вы хотите умереть. Те, кто умирают от алкоголизма, не хотят умирать. Если мы хотим допить до смерти, то мы просто сходим с ума и остаёмся сумасшедшими, но у нас не получается шагнуть с обрыва. Я хочу подчеркнуть этот факт.

Одна из самых больших страховых компаний в стране была создана человеком, чей сын обрёл трезвость в Анонимных Алкоголиках. Сын был адвокатом и никогда не планировал заниматься страховым бизнесом, он собирался оставаться адвокатом. Положение казалось безвыходным. Я не знаю насколько я повлиял на него, но я вёл с ним длительные

беседы о том, что ему следует заняться этим бизнесом потому, что его отцу было уже много лет. В конце концов он согласился. Замечу, что старик, создавший страховую империю, попивал, а сын иногда беседовал с ним об этом, и вот в одном из таких разговоров отец заявил: «Я могу упиться до смерти, если захочу». А сын ответил: «Нет, не можешь». «Это ещё почему?» - сказал отец – «Вон такой-то именно так и сделал» (он назвал имя одного большого человека в страховом бизнесе, который умер от пьянства). И парень ответил: «Да, но он не хотел этого». Вот тут-то меня осенило, потому что это именно то, что я пытался сделать и не смог.

Я спешил в Анонимные Алкоголики после двадцати пяти лет пьянства потому, что знал, что не умру. Я просто буду сумасшедшим. Я, помнится, сидел в своём кресле и мечтал, как ребята с улицы спрашивают моих мальчишек: «А где ваш отец?» И те отвечают: «Он умер». А потом они отворачиваются и уходят, потому что они не могу рассказать, что я в дурдоме, и ещё могу сам завязать шнурки и кое-как понимать, почему я там. От одних таких мечтаний можно сойти с ума! Именно это сумасшествие подхлестнуло меня прийти сюда. У нас не получается умереть, когда мы хотим, а до меня не дошло, пока я не был пять лет трезвым, что пить до смерти и было самоубийством.

Как же мне оставаться трезвым? Я должен быть трезвым. Трезвость и жизнь - это синонимы. Так как же мне оставаться трезвым? Я буду поступать таким образом, чтобы чувствовать себя комфортно вот здесь, внутри меня. Только так я могу

быть трезвым. А когда у меня вот тут, внутри, появляется то другое, определённое чувство, я напьюсь. Мне довелось слышать многих людей, которые говорили, что если вы провёли длительное время в Анонимных Алкоголиках, то вы обязательно в какой-то момент подумаете о том, чтобы выпить. Я не верю в это. Я считаю, что вам и делать ничего не придётся, а просто перестать поступать так, чтобы чувствовать себя комфортно. И вы очнётесь уже выпивши, потому что мы с вами прекрасно знаем, как остановить Большую Боль. А если мы подпустим к себе ту боль, которая терзала нас раньше, то мы напьемся так же, как в былые дни. И мы можем вовсе не думать об этом. Просто перестать делать то, что позволяет нам чувствовать себя комфортно вот здесь.

Я, как и доктора, верю, что алкоголизм - это заболевание, и что оно смертельно. Я верю, что это по сути двойное заболевание; аллергия тела в паре с одержимостью разума. Я полностью принимаю всё это, однако я не верю, что только в этом весь алкоголизм. Если бы это было только умственное и физическое, то хороший терапевт и хороший психиатр могли бы разобрать меня на части, а потом собрать заново, и я бы тикал, как новые часики. Но такое редко случается с нами. Иногда кому-то удаётся протрезветь и оставаться трезвым, но такое бывает не часто. Значит есть в этом что-то ещё. Жизненная проблема, для которой нам требуется жизненное решение. Так же как никогда не существовало программы массового выздоровления алкоголиков без упора на духовность, для меня по-детски очевидно, что суть всех этих

проблем лежит в основах духовного беспокойства.

Я часто говорю, когда заканчиваю свой рассказ, что в нашей жизни настало время, когда мы должны понять, что если есть недостаток, то у нас. Если есть недостаток, то у меня. И я говорю «если есть недостаток» потому, что я не верю в его существование. Я верю, что мы с вами жертвы сочетания характеристик, являющихся неотъемлемой частью нас, которые делают невозможным наше участие в той жизни, в которой мы рождены; в той, так называемой, цивилизации, в которую нас поместили. Я смотрю на себя и на вас и, похоже, что есть три настолько общих для всех нас характеристики, что их легко увидеть в каждом из нас, несмотря на происхождение, цвет кожи, убеждения, религию и образование или их отсутствие - не имеет никакого значения.

Каждый алкоголик, которого я когда-либо знал в этом мире, перфекционист. Идеалист с потрясающим стремлением добиваться превосходства во всём, что свойственно перфекционистам. Это то самое стремление, которое породило с детства знакомую нам избитую фразу. «Самый лучший механик, который у нас когда-либо работал, но...» «Самый лучший адвокат в этих краях, но...» «Лучшая стенографистка в этом офисе, но она же не появляется до вторника или среды. Пьёт слишком много». Потрясающее стремление добиваться превосходства. Перфекционизм. На самом деле перфекционизм - это чудесная черта, или, можно сказать, свойство характера, когда мы научились с ним жить, но до этого он убивает нас. Он заставляет нас ставить цели,

которых мы не можем достичь, и мы вечно не удовлетворены тем, как у нас всё получается. А это заставляет нас требовать от окружающих больше, чем они могут сделать. В свою очередь это вынуждает нас начать переделывать их: наших жён, детей, сотрудников и так далее. Вот что нас убивает, пока мы не научимся с этим жить. Перфекционизм, идеализм. Они очевидны в нас.

Вторым фактором является то, что мы рождаемся с внутренним осознанием того, что жизнь - это чудесная, огромная и прекрасная штука. Когда мне было шесть лет, я уже знал, что жизнь должна быть такой, какая она сейчас. Всё моё нутро провозглашало, что так должно быть, но когда я смотрел на мир, то он выглядел дешёвым, грязным и мерзким. И это была одна из самых больших моих проблем. Я не мог приспособиться к этой жизни потому, что она мне не нравилась. В фильме «Дни вина и роз», если вы его помните, есть сцена, от которой у меня сердце кровью обливается, а я ведь уже не пью двадцать девять лет. Каждый раз, когда смотрю эту сцену, она меня достаёт. Там женщина приходит к своему бывшему мужу домой, чтобы уговорить его снова стать пьющим. Он ушёл в Анонимные Алкоголики и упрашивал её последовать ему и познать новую жизнь. Она долго стояла и смотрела в окно, из которого открывался чудесный вид на Нью-Йорк, а потом сказала: «Я не могу, не могу, не могу! Когда я смотрю трезвой из этого окна, всё выглядит дешёвым, грязным и мерзким. Но когда я смотрю из него пьяной, это прекрасно». Двадцать пять лет я мог переносить всё, что видел, только будучи упитым в хлам. И

это было моей серьёзной проблемой; у вас, полагаю, была такая же проблема.

И последнее (на самом деле их много, но мы будем использовать только три), а это прозвучит самой большой нелепостью, которую вам довелось когда-либо слышать из уст алкаша, и я не рекомендую вам обсуждать это с вашим психиатром. Мы чрезвычайно чувствительные люди. Ну, как вам это нравится, учитывая, что мы валяемся в канавах, надрывшись так, что и свинья рядом с нами не ляжет? Мы очень чувствительные люди. Вот почему все психиатры мира определили нас, как «эмоционально недоразвитых». Все до единого. Мы эмоционально недоразвиты. Я не верю в это! Я считаю, что наша способность чувствовать многократно превышает способности любого психиатра. Если бы психиатр пришёл ко мне и увидел, что я лежу на полу около моего большого окна пьяный настолько, что я не в силах подняться, и рыдаю от красоты заката, он бы сказал про меня: «Эмоционально недоразвит». Ему невдомёк, что я просто не мог вынести этой красоты. Я не пью уже двадцать девять лет, и где-то год назад я был на одном холме недалеко от Луисвилла, в штате Кентукки, возле реки Огайо. Это было в октябре, и краски листьев превратили всё вокруг в прекрасное и сказочное место. Все эти цвета неопишуемой красоты! Они растянулись на мили – красота необычайная. Я сидел один в машине и плакал навзрыд. Это было так красиво, что я просто не выдержал. Мы не эмоционально недоразвитые, мы чрезвычайно чувствительные люди.

Я уже говорил большинству из вас, что мне довелось

побывать во многих тюрьмах мира, в основном, как гостю. То есть я мог выйти оттуда сам. И среди прочих я побывал в Фолсоне. Всем известно, что Фолсон - для рецидивистов. Туда не попадёшь за первое убийство. Говорят, что тех, кто гнездятся там, раньше сажали в Капистрано, но так как все они имеют по меньшей мере четыре ходки, их стали селить за каменными стенами. Мне довелось выступить там перед людьми, которых было раза в два или три больше, чем у нас здесь, и я смотрел, как они плакали вместе со мной. Слёзы текли у них по лицам, а они даже не пытались скрывать их, и вовсе не потому, что они эмоционально недоразвиты. Это потому, что они понимали меня. Они чувствовали вот здесь, внутри, то же, что чувствовал я. И они плакали со мной и смеялись со мной не потому, что они эмоционально недоразвиты.

Я абсолютно уверен, что у таких людей, как мы, когда мы приходим сюда, налицо все симптомы алкоголизма, кроме алкоголя. Всё, что нам нужно сделать, это добавить немножко алкоголя и понеслось... Нам мало что светит; с момента рождения мы либо становимся священниками, проповедниками и монахами, либо наркоманами или алкоголиками, потому что мы не в силах приспособиться к этой жизни. И это не потому, что мы не хотим. Мы хотим. Мы очень хотим быть причастными, но мы вечно отстранены. Вот в чём наша проблема: в основах духовного беспокойства. К сожалению, учителя не знают ответа.

Я похоронил несколько людей, и, как я уже говорил, двоих на этой неделе; в понедельник и вторник я был на

похоронах. Пару месяцев назад меня попросили сказать несколько слов на похоронах шестнадцатилетней девочки, которая умерла от передозировки кокаина. Это последний писк моды у нас в стране, кокаин. И она умерла. Я приехал в это место, на кладбище. Там не было часовни, церемония проводилась рядом с могилой, которая была на холме, а вокруг собралась толпа молодёжи. Я не знаю, сколько их там было, но много – подростки – целый холм. И я сказал себе: «Это не может стать чем-то обыденным. Я должен поговорить с этими детьми». Сначала я немного побеседовал с родителями и несколькими взрослыми, которые там были, и я сказал им, что не верю в смерть и объяснил почему, а потом я стал говорить с молодёжью.

Я сказал им о своём глубоком сочувствии, потому что и я тоже родился в обществе, которое не переваривал, и к которому я никак не мог приспособиться. Но, когда мне было девятнадцать, я нашёл способ чувствовать себя комфортно в этом обществе, и в течение следующих пятнадцати лет я использовал этот химикат для решения своей проблемы. Он продолжал прекрасно работать эти пятнадцать лет, но потом он восстал против меня, и сам обернулся проблемой. Следующие десять лет заставили меня искать решения этой проблемы, и я нашёл его. Потом я сказал ребятишкам, что было бы здорово, если бы они просто поняли, что есть решение, которое всегда остаётся с нами. Я сказал им: «Когда вы под кайфом, то у вас есть все решения, но когда кайф проходит, то и решения исчезают. Их больше нет, поймите это. Но есть решение, которое остаётся с вами, и оно

настолько лучше, чем любой химикат, которым вы можете себя напичкать, что вам останется только восторгаться. Восторгаться жизнью. И вам не понадобится ещё одна доза зелья. А если вы просто определитесь, что хотите найти это решение и приложите к этому усилия, то вы найдёте его. Есть много людей, которые готовы вам помочь. И если вы это сделаете, то смерть этой девочки можно будет считать оправданной».

Её мать позвонила мне в начале недели первый раз с тех пор, как я был там, и сказала, что учителя и ученики стали предпринимать серьёзные попытки найти жизненную замену всему этому товару. Она рассказала мне об одном человеке, который предоставил свой дом детям в Лагуна Бич, и что они хотели, чтобы я приехал к ним в прошлую пятницу. Ну скажите, разве это не чудесно, что они ищут что-то, что займёт место этих химикатов?

Напоследок хочу поведать вам одну маленькую историю. Ещё до рождения Анонимных Алкоголиков, жил один славный малый, которого звали Роланд, и был этот Роланд алкашом. Он лечился у доктора Карла Юнга, который, вполне возможно, и по сегодняшний день является величайшим психологом в мире (если бы я был учёным, с этим мнением бы считались, но я таковым не являюсь). Для меня он вершина. Он был такого же уровня, как Фрейд или Адлер, но похоже, что у Юнга было своё решение, у него было жизненное решение, которого не было у других. А Роланд лечился у него, и каждый раз, когда он возвращался к доктору, он был в ещё худшем состоянии. Однажды он

вернулся, и Юнг сказал ему: «Медицина сделала для Вас всё, что только возможно, и она больше не может Вам помочь. Психология сделала для Вас всё, что было в её силах, и она тоже не может Вам помочь. И я считаю своей обязанностью сказать Вам, что единственная надежда для Вас - это испытать духовное пробуждение, которое может Вас спасти. Это Ваш единственный шанс».

Это было незадолго до появления Анонимных Алкоголиков. В конце концов Эбби пришёл к Биллу, а потом Билл услышал приговор, о котором мы уже говорили. Ему оставалось шесть месяцев жизни, а потом его жена будет вынуждена либо закрыть его в сумасшедшем доме, либо похоронить его. И он взмолился: «Господи, если Ты есть, откройся мне». Что-то произошло, и Билл протрезвел. И он делился этим до конца своей жизни. Он больше никогда не пил. Билл и доктор Боб, и ещё несколько человек вывели эту формулу и доказали, что она работает, если ты работаешь по ней, а потом они вложили её для нас в книгу «Анонимные Алкоголики». Позже Билл услышал о Роланде и о том, что ему сказал доктор Юнг насчёт духовного пробуждения, которое было его единственным шансом.

Билл послал письмо Карлу Юнгу в Цюрих, в Швейцарию, в котором интересовался, откуда доктору известно столько об алкоголизме, чтобы так правильно объяснить Роланду, что ему нужно. И доктор Юнг написал Биллу ответ, в котором было сказано, что он всегда знал, что проблемой алкоголика является его поиск единства с чем-либо. Алкоголик ищет этого единства и не может его найти. Он даже процитировал

одну из моих любимых фраз: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!» Он всегда знал, что является проблемой алкоголика – попытки найти единство с окружающей его жизнью и с Богом, который сотворил его. И когда алкоголик нашёл бутылку, она казалась тем, чего ему так не доставало. Она позволяла ему жить чуть более комфортно с самим собой и обществом вокруг него. Он нашёл химическое единство, и оно хорошо работало, пока не стало проблемой, которую можно решить только духовно. Это потрясающе, и большинство из нас согласны с этим.

А вот ещё один случай, от которого у меня мурашки по телу. Это фантастика, это прекрасно, это потрясающе как мне кажется. Роланд, услышав об этом, вступил в Оксфордскую Группу и протрезвел. Затем он встретился с Эбби и привёл его в Оксфордскую Группу, и Эбби протрезвел. А Эбби пришёл к Биллу, и тот протрезвел. Вот где перст Божий. Как это прекрасно! Через всю нашу истории перст Божий очевиден. От доктора Юнга к Роланду, от него к Эбби, от него к Биллу, от Билла к доктору Бобу, от доктора Боба и Билла к нам. Какая чудесная вещь! Как нам повезло. Я считаю нас самой везучей частью человечества среди детей Божьих. Потому что, видите ли, мы должны – *мы должны* – найти решение, чтобы не умереть. Мы должны - чтобы найти Бога, или чтобы вернуть наших жён, или чтобы вернуть любовь наших детей. Во многих случаях (как в моём) мы даже не ищем здоровья, а только путь, по которому мы можем жить трезвыми только сегодня, чтобы мы могли хоть чуть-чуть подчистить свой послужной список. И мы узнаём, что

формула трезвости и формула хорошей жизни, как и формула Божья, одинаковы. И мы находим решение, которое делает химикаты ненужными и которое присутствует не только на наших собраниях. Когда мы уходим, оно идёт с нами, и мы больше не одиноки. Везёт же некоторым!

БЛУДНЫЙ СЫН

Ну вот мы и подошли к концу, я полагаю. Но если подумать, это вполне может оказаться началом, а не концом. Я хочу поблагодарить вас, господа, за то, что вы пришли сюда. Я не думаю, что можно было бы выбрать группу мужчин, которая лучше подходит для нашей цели, нежели та, которая собралась здесь. Потрясающая компания парней. Получились чудесные выходные. Любовь и гостеприимство царили повсюду в этих комнатах и на собраниях. Много любви – это была прекрасная атмосфера. Насколько я помню, мне ещё не доводилось бывать там, где я бы чувствовал себя так правильно, как в этом месте, и я благодарю вас от всего сердца за то, что вы здесь.

Кажется я не упустил ничего из того, что хотел сказать вам за те часы, которые мы провели вместе. Конечно мы можем продолжать говорить обо всём этом аж до Рождества и даже в этом случае не сможем закончить, потому что об этом просто невозможно закончить говорить. Когда стареешь в Анонимных Алкоголиках, одной из лучших вещей являются воспоминания, накопившиеся за эти годы. Воспоминания и громадный опыт, которым мы делимся друг с другом, проходя через всё это. Я помню, как мы поехали в Торонто в 65-ом на Международную Конференцию. Был там один старина, которого звали Франк М. из Эдмонта. Я был знаком с Франком ещё за несколько лет до этого, и у нас были прекрасные отношения. Я надеялся, что увижу его там, и он приехал. Как только я его нашёл, мы сразу пошли

попить кофе, посидеть и поговорить. Я рассказал ему, как я надеялся, что он приедет, и как по пути туда думал: «Допустим лет пять назад я бы сказал себе, что я уже сделал достаточно, норму выполнил. Что мне пора расслабиться – уйти на пенсию. Пусть другие ребята теперь займутся этим. Я своё дело сделал. И как я рад, приехав сюда, что я так не поступил, потому что чувствую, что последние пять лет были самым великолепным периодом моего духовного роста». У Франка в глазах показались слёзы, и он сказал: «Я ехал сюда на машине из Эдмонтона, и всю дорогу благодарил Бога за то, что продолжаю активно участвовать в Анонимных Алкоголиках, потому что я тоже чувствую, что последние несколько лет были лучшим периодом моего духовного становления».

Я уверен, что одной из огромных духовных ценностей этой программы являются воспоминания, которые мы пронесём через года. И мы делимся с любовью друг к другу нашим опытом, нашими силами и надеждами. И это потрясающая вещь. И, как мы уже говорили, это просто. В этом нет ничего сложного. Люди не трезвеют от глубоких мыслей или от высоко интеллектуальных знаний, это не сложно. Это мелочь. А помним мы, как правило, именно мелочи. Двадцать с лишним лет назад в Клермонте ко мне подошёл один парень, и я думаю, что это был самый уродливый мужик, которого мне довелось когда-либо видеть. Он был высокого роста, метра два с хвостом, его курчавые волосы стояли дыбом. У него были большие уши, и огромный рубильник, и ни одного зуба. Вообще ни одного. После выступления он подошёл ко

мне, и от него разило, как из двух сивушных бочек. Не из одной, а из двух. И он сказал: «Чак, я слышал, что ты сказал, и мне больше не придётся пить». И с тех пор на каждое Рождество, где бы он ни был, он звонит мне. Я беру трубку, и он говорит: «Не пей первую. Если не выпьешь первую, то ты не напьёшься». Уже прошло двадцать с лишним лет, но он звонит мне каждый год. «Я слышал, что ты сказал, и мне больше не придётся пить». Вот такие мелочи делают эту вещь огромной.

Я хочу поделиться с вами ещё несколькими мыслями прежде, чем мы перейдём к заключительной части собрания. Многие из вас уже слышали это, но сегодня это для меня актуальней, чем когда-либо. Двадцать с лишним лет назад я выступал в субботу вечером в Хайлэнд Парке, а после собрания нас осталось человек пять, и мы стояли в кругу посередине комнаты, положив руки друг другу на плечи. И мы говорили друг другу: «Как же это нам так повезло? Как может человек быть таким удачливым? Чтобы пьяный мямля идиот имел такую жизнь. Как же нам так повезло?» А один паренёк ничего не говорил и только поглядывал на меня, но потом он сказал: «Чак, я невежда. Я никогда не читал никаких книжек ни разу. И читать их мне никакой пользы, потому что я их не понимаю. И про Бога я ничего не знаю, и про Библию тоже, но эту программу ни один человек не сможет отобрать у меня. Когда я делаю, как могу, эти простые вещи только сегодня, я чувствую себя чистым внутри, и хорошие вещи происходят в моей жизни. Когда я наконец смог говорить, я сказал ему: «Сыночек, не читай никогда никаких

книжек ни разу. Ты только что высказал всю суть всех книг, которые были написаны. Это ведь именно то, чего мы хотим – чувствовать себя чистыми внутри, и чтобы хорошие вещи происходили в нашей жизни».

Года три или четыре тому назад я выступал в одной группе, и там был Эдди. И я подумал, что это был он на том вечернем собрании, когда этот чудик сказал: «Я невежда». Как только собрание закончилось, я поймал Эдди на выходе и спросил: «Эди, ты случайно не помнишь, кто сказал, что он никогда не читал никаких книжек ни разу, и назвал себя невеждой?» Эдди ответил: «Нет», и пошёл к выходу, но вдруг вернулся и сказал: «Это был я». Да, это был Эдди, и у него уже было больше двадцати пяти лет трезвости и радости на программе. Это же здорово!

Ещё до этого я трындел в каком-то месте, и вдруг ко мне подошёл мальчишка и спросил меня: «Чак, а знаешь почему нам так трудно найти Бога?» Мне не хотелось отвечать. Я был жутко уставшим. Мне хотелось уйти оттуда к чёртовой матери. И я подумал: «Сейчас мне придётся битый час выслушивать объяснение, почему нам так трудно найти Бога». Но я не мог просто отойти, и мне пришлось сказать: «Нет, не знаю, ну почему нам так трудно?» И он ответил: «Потому что он не терялся». Он добавил: «Понимаешь, всё, что нам надо сделать, это вернуться домой, и мы находим, что Бог всегда был там. Это мы блуждали».

А ещё был у нас такой ханурик, его звали Большой Смит. Он был из Флинта, штат Мичиган, и он был синяком моей категории. Он был из тех парней, которые съезжают на

машине с причала в воду или с разгону врезаются в кирпичные стены. Он с годами маленько сморщился. Одна нога была на пару дюймов длинней другой, и он ходил так, словно подкрадывался к кому-то. Смитти пришёл на собрание в Хауторне лет двадцать семь назад, я полагаю, и он принёс с собой подмышкой маленькую потёртую табличку, которую он подобрал в госпитале в Техасе. На ней было написано: «Если ты не так близок к Богу, как был когда-то, или как хотел бы быть, даже не сомневайся, ты тот, кто подвинулся». И Смитти сказал: «Видите, всё, что мы должны сделать, это вернуться домой». Мы узнаём, что Бог всегда был там. Это мы отлучались.

Есть ещё одна штучка, которой я дорожу уже много лет. Я не знаю, откуда она появилась. Я не помню, где я её нашёл, но это история про рыбок. История о трёх маленьких рыбках, которые плавали недалеко от берега Лагуны, просто игрались. Они уже позавтракали, и теперь развлекались плавая. Большая рыбина, проплывая мимо, сказала им: «Доброе утро. Прекрасная вода сегодня, не правда ли?» И она поплыла дальше. Как только она удалилась настолько, чтобы не слышать их, рыбки подплыли друг к другу и стали говорить: «Подождите одну минуту, подождите. Она говорила о какой-то воде. А что такое вода? Вы когда-нибудь слышали про воду?» Одна из рыбок сказала: «Нет, а вы?» «Никогда о ней не слышала!» «И я не слышала.» Так они избороздили весь Тихий океан в поисках воды, *в которой они жили, двигались и существовали.* Очаровательно!

А теперь я расскажу вам одну историю, но в своей

интерпретации. Некоторые из вас могут решить, что я не имею права переделывать её на свой лад, но я тот, кто её рассказывает! Это моя история, и это ваша история. Она объясняет меня мне, вас мне и наше отношение к Богу лучше, чем практически всё, что я когда-либо слышал. Это история Блудного Сына, и звучит она приблизительно так. У одного богатого человека было два сына. Младший сын пришёл к отцу и сказал: «Папа, у меня появились кой-какие идеи. Я уезжаю в Голливуд. Там много чего происходит, и там делается большой бизнес. Киноиндустрия работает там с огромным размахом, и там могут выгореть очень прибыльные дела. Так что дай мне моё наследство». И отец дал ему наследство. Он не сказал: «Подожди, сынок, мы богатые люди, у нас и здесь есть всё, что тебе может понадобиться. Оставайся дома. Ты уедешь из дома, оставишь семью и, вполне возможно, наживёшь себе там всяких неприятностей – свяжешься с какой-нибудь блондинкой под бутылочку винца, и тогда тебя ждут большие проблемы! Оставайся-ка ты лучше дома». Отец так не сказал. Он вообще ничего не сказал. Парень попросил: «Дай мне наследство». И отец дал. Парень уехал из дома в далёкие края и просадил на гулянках всё, что имел. Может это не похоже на вас, но на меня это очень похоже! Подозрительно похоже. Итак, он растратил своё наследство. И когда у него всё кончилось, настал великий голод.

Несмотря на всю серьёзность этой истории, я нахожу её забавной. Уж если и есть люди, которые понимают, что такое голод, так это мы! Сколько раз бывало, только приходишь в

себя после очередного запоя, а все, кого ты знаешь, тебя ищут (девятьюстами процентами из них желают сообщить тебе о том, что они больше никогда не хотят тебя видеть), и десять процентов из них пытаются отфутболить тебе чеки, которые ты им навывисывал, потому что денег-то нет! Я думаю, что такой голод нынче трудно найти – это настоящий голод.

Итак, после того, как парнишка всё растратил и начался великий голод, что же он сделал? Вернулся домой? Нет. Он поступил так, как поступали вы и я. Он пошёл к другому человеку. Мы делали то же самое. Мы ходили к другим людям: к врачам, психиатрам, священникам и проповедникам. Он пришёл к человеку, и тот дал ему работу. Но из всех работ, которые этот парень мог бы делать, он не получил ни одной. Человек послал его ухаживать за свиньями. Это имеет огромное значение потому, что в истории сказано, что это был еврейский мальчик, а евреи не любят свиней! Нет ничего более омерзительного для еврея, что ухаживать за свиньями, но тем не менее ему пришлось заниматься именно этим. А огромное значение это имеет потому, что показывает, что дела у парня были плохи. Низко он опустился. Ниже некуда. У нас это называется самое дно. Ухаживать за свиньями. И пока он проводил время со свиньями в свином загоне, то, проголодавшись, он был вынужден есть те же отбросы, которыми питались свиньи. И ни один человек не подал ему. Люди не могли ему помочь. *Ни* один человек не подал.

«Возможно, никакая человеческая сила не смогла бы избавить нас от алкоголизма». То же самое.

И пока он жил там, оставшись без всего, до парня вдруг дошло, что дома у отца полная чаша. Там есть всё, а он тут сидит у разбитого корыта. Но он сказал себе: «Я не могу явиться к отцу и сказать: «Послушай, папа, я твой мальчик. Ты узнаёшь меня? Я твой сын». Он не мог сделать этого, просто не мог.

Самоосуждение всегда сопутствует алкоголизму! Как мы себя проклинаяем! Как мы ненавидим себя за провалы в жизни.

То же самое происходило и с ним. А потом он вспомнил, что у отца дома очень хорошо заботились о слугах, которые там работали. Они жили много лучше, чем он, и тогда он подумал: «Я вернусь домой. Но я не буду напоминать отцу, что я его сын и просить принять меня обратно. Я поступлю там на службу. Я буду слугой». Так он принял решение, сказав: «Я отправлюсь к своему отцу».

Мы тоже приняли решение. Мы приняли решение препоручить нашу волю и нашу жизнь Богу. Это прямая аналогия моей жизни. Это моя история и, я думаю, ваша тоже.

А он отправился домой. Он принял решение и отправился домой, а отец, заведя его издали, вышел встретить его. Фантастика!

Это и есть чудо Анонимных Алкоголиков. Оно именно в этом. В этом суть всей нашей программы. Отец увидел меня издали. Когда я вошёл в двери на своё первое собрание АА, ко мне приблизился человек и спросил: «Вы кого-то ищете?» И я ответил: «Нет, сэр». Тогда он спросил: «А что Вы

ищите?» И подумав, что он ветеран, я сказал: «Если Вас это интересует, сэр, я ищу трезвость». И всё в этом человеке изменилось в одну секунду. Я растаял прежде, чем он снова открыл рот, потому что он явно был рад, что я пришёл - и это тогда, когда все, кто знали меня, не сели бы со мной сами знаете что на одном гектаре. Мои плоть и кровь не желали иметь со мной никаких дел. А здесь передо мной стоял незнакомец, и он сиял от радости потому, что я был там, а когда он заговорил, то он сказал мне: «Так снимай шляпу и пальто. Ты в правильном месте». И он успокоил меня. Бог пришёл ко мне через тех из вас, которые уже нашли свой путь к Нему. Я не знал вас, но вы знали меня потому, что я был алкоголиком, и это не имело значения. Вы не спрашивали, ищут ли меня, или у меня неприятности с законом, должен ли я деньги, решил ли я начать новую жизнь, или я сожалею о своих грехах. Вы не говорили мне ничего подобного. Вы даже не спросили у меня, бросил ли я пить. Вы просто сказали: «Снимай шляпу и пальто. Ты в правильном месте».

И вот отец увидел своё дитя издали и пришёл его встретить. А ребёнок пытался рассказать ему, каким плохим сыном он был, и как он разрушил свою жизнь. Но отец не слушал его. Он не стал спорить с сыном. Он не сказал: «Глянь, у меня тут записано всё, что ты натворил, и ты таки очень плохой. В тебе нет ничего хорошего. Вот, смотри, здесь так и сказано. Я знаю каждый раз, когда ты пошёл направо, хотя должен был пойти налево. Бери-ка ты грабли и займись-ка ты прополкой кустов в саду. И если ты сделаешь это как

следует, то, может быть, я через двадцать пять лет приглашу тебя на обед». Он так не сказал. Он ничего не сказал. Он обнял его и поцеловал! И он одел кольцо сыну на палец, как символ вечной жизни: без конца и начала. А потом он позвал слуг и сказал: «Зарежьте жирного телёнка. У нас будет пир. Мой мальчик был мёртв, но теперь он жив. Он был пропавшим, а теперь он вернулся домой, так давайте же праздновать». Никаких осуждений, никаких наказаний, никаких споров. Просто любовь отца к своему ребёнку.

У нас с вами кончились все наши ресурсы, но нам посчастливилось забрести на собрание Анонимных Алкоголиков и остаться здесь, познав судьбу Блудного Сына. Мы вернулись домой. Идти одному по жизни - это ненормально. Для нас нормально идти по дороге жизни обнявшись, делясь опытом, силами и надеждами с любовью друг к другу. Для нас это, как воздух. Это не нормально быть вдали от Отцовского дома. Мы, как маленькие дети, которые потерялись в лесу, уже стемнело, и мы напуганы до смерти. И мы оказываемся на собрании Анонимных Алкоголиков, где находим себя друг в друге и в Боге. Как это здорово. Это абсолютно сказочная вещь.

Я ведь понимал свою проблему за десять лет до того, как пришёл сюда, а это тридцать девять лет назад. Тридцать девять лет. И за эти тридцать девять лет миллионы мужчин и женщин погибли от такого же заболевания, как у меня, от алкоголизма, потому что они не нашли это место. Многие умирают и сейчас недалеко отсюда, умирают от алкоголизма. И они не знают, просто не знают. Мы можем спросить себя:

«Как же вышло, что нам так повезло?», но на этот вопрос нет ответа. Повезло и всё. По одному дню я набрал более десяти тысяч шестисот дней самой прекрасной жизни, о которой можно только мечтать: от бормочущего заплетающимся языком идиота до полностью удовлетворяющего, осознанного жизненного союза с Живым Богом, который создал нас. Какая перемена! Настоящее чудо! Какая причина для того, чтобы применять эти принципы во всех наших делах!

И доносить эти идеи до алкоголиков, которые ещё страдают. Какие мы всё-таки везучие, имея пожизненную работу, которая определена для нас в Двенадцатом Шаге. Я уже много раз говорил, что не знаю кого и как благодарить за это. Не знаю. Потому что я не пришёл к вам, чтобы найти Бога. Я не пришёл к вам, чтобы вернуть жену, детей, здоровье или разум. Я тридцать лет искал Бога и не мог найти потому, что я запер Его где-то. Я пришёл сюда, чтобы узнать, как я могу жить трезвым только сегодня. И такие же ребята, как вы, приняли меня и поделились своим опытом, силами и надеждами со мной, но что ещё важнее – гораздо важнее – своей любовью. Ребята, которых я не знал, но они знали меня. И настолько, насколько я способен это делать, я, в свою очередь, буду пытаться делиться этим с другими алкоголиками до последнего своего дыхания. Снова, и снова, и снова. Вы, ребята, всё время становитесь мне дороже. Всё время потому, что вы те, кто выходили меня. Вы помогли мне сделать то, что я не мог сделать сам, и одарили меня такой любовью, которая помогла мне осознать тот факт, что Бог -

это любовь. Бог - это любовь, и тот, кто живёт в любви, живёт в Боге, а Бог живёт в нём. Я так признателен вам, что мне застилает глаза. Я люблю вас. Я рад, что мне довелось провести это время с вами, и я никогда не забуду этого, потому что какая-то часть каждого из вас будет со мной до конца моей жизни. И я благодарю вас ещё раз. Всё, что мне надо сделать, это посмотреть в глаза таким людям, как вы, и я вижу своего Бога. Благослови вас Бог! Огромное вам спасибо.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

В 1923 году я занимался недвижимостью в Лос-Анджелесе. У меня на столе стояла фотография старичка с седой бородой до пупа, и на этой фотке была надпись: «Я уже старый, и у меня было много неприятностей, большинство из которых никогда не произошли». Мне нравится эта фраза! Перейдём к вопросам.

Следует ли нам работать с употребляющими алкоголиками прежде чем мы сами сделали все шаги?

Я думаю, что с того момента, как человек решил, что он хочет обрести то же, что и мы, и согласен сделать всё ради достижения цели, он готов к работе с другими алкоголиками. Но его задача не доносить идею алкоголикам, а вести алкоголиков к идее. Как только мы решили, что хотим обрести то, что есть здесь, мы можем сказать любому: «Знаешь, я нашёл место, где, так сказать, производят трезвость; там собирается группа людей, которые научились справляться со своим пьянством. Они произвели на меня хорошее впечатление, и я иду сегодня к ним на собрание. Как насчёт пойти со мной?» Так ты ведёшь алкоголика к идее. В книге написано: «Разумеется, мы не можем передать то, чего не имеем». Вот о чём речь, но так или иначе, главное - донести идею. Это всё. Немножко любви.

Как нам справляться без эмоций с эмоциями других людей,

когда мы работаем с ними по программе?

Трезвость. Можно сказать, что я там. Я уже говорил, что трезвость состоит из четырёх частей: физическая, психическая, эмоциональная и духовная. Эмоциональная часть нашей жизни должна быть стабильна. Например, если мы работаем с другими алкоголиками, то мы не можем позволить себе стать эмоционально вовлечёнными в их проблемы, иначе мы потеряем возможность помочь им. Вам придётся позиционировать себя, как бы поверх проблемы. Я понимаю, что это выглядит, как холодное отношение. Но это не так. Для того, чтобы не быть эмоционально вовлечённым, требуется любить больше, чем когда ты погружаешься в их проблемы. Потому что ответ не в проблеме, а в её решении. Я десять лет работал над своей проблемой, и чем больше я изучал её, чем старательней пытался её решить, тем большей она становилась. Это было всё равно, что поливать, удобрять и выращивать сорняк. Он вырос до небес. Я считаю, что мы должны уметь жить поверх проблемы, чтобы быть полезными тем, у кого она есть. Мы не имеем права становиться эмоциональными по отношению к проблеме. Это не потому, что мы любим меньше, это потому, что мы любим больше. Я считаю, что требуется гораздо больше любви, чтобы отпустить, нежели удерживать. Я уверен, что эмоциональная стабильность приходит с самопознанием.

Физическая трезвость приходит, если не пьёшь. Если мы не пьём сегодня, то спустя какое-то время мы освобождаемся физически от эффектов алкоголя. Но до тех пор, пока мы не

обретём эмоциональную стабильность, умственную стабильность и хотя бы немного духовной стабильности, мы не трезвые. Трезвость - это способность жить комфортно, мирно и радостно самому с собой. Лично я вижу, что дилемма душевного участия в проблемах своих, так называемых, деток, представляет собой полную неразбериху. Многие люди думают, что надо быть эмоционально вовлечённым в них, а я считаю, что когда мы это делаем, то ставим себя в безвыходное положение.

А что насчёт секса в трезвости?

Здесь кто-то хочет поговорить на эту тему? А правду говорят, что за ношение огнестрельного можно и под суд попасть? Рад сообщить вам, что любовь включает в себя обладание, но не потребность владеть. Я считаю, что вполне возможно жить в счастливом браке, не заостряя особого внимания на этой конкретно теме. Я также знаю, что это очень важно для многих людей. Странно однако, что это так важно в определённый момент, а потом это вдруг теряет всякую важность. Мы когда-то называли это самым большим «достаточным»! Я понимаю, что это представляет проблему во многих семьях. Я верю, что секс как таковой должен быть таким же спонтанным, как и всё остальное. Я считаю, что он должен являться результатом любви, дарованием друг друга друг другу в любви. И я считаю, что только в этом случае он представляет собой какую-то ценность. Я считаю, что мы, как пол, жутко отсталые в этом плане. Все мужики. Потому что у

нас есть тенденция хотеть то, что мы хотим когда мы хотим этого, а мы хотим взорваться, и это именно то, что случается. Когда взрыв окончен, мы полагаем, что работа сделана, а я считаю это абсолютно эгоистическим подходом. Я думаю, что любовь и обожание до и после акта гораздо превосходней самого акта. Другими словами, я не вижу ничего зазорного в половых сношениях, являющихся результатом любви. Но, если это самоцель, то я считаю, что она становится самоограблением. Это чудесная вещь, когда это дарование друг друга друг другу в любви. В противном случае я не вижу в этом никакой ценности.

Насколько важным является терпение в работе с другими алкоголиками?

Если сейчас собрать всех алкоголиков мира в эту комнату, то здесь будет девяносто процентов нетерпения человечества. Мы страшно нетерпеливый люд. Мы хотим всё вчера. Терпение – это, вне сомнения, добродетель.

Я сильно сомневаюсь, что мы обладаем одинаковым умением слушать и давать советы. Если вы можете разговорить человека, вывести его на разговор – дело в шляпе. Я, например, когда разговариваю с кем-то новеньким, всегда обращаю внимание на первую же усмешку. Мы занимаемся пустяками; нельзя быть серьёзными. Алкоголики не воспринимают проповеди и лекции. Мы их знаем наизусть; мы сами их себе читали тысячи раз. Мы точно знаем, что нам скажут ещё до того, как нам это сказано.

Поэтому делиться, суметь разговорить их и быть хорошим слушателем, для советчика важнее, чем говорить самому. Мы не являемся экспертами ни в чём. Ведь двери в таких делах открывают всегда именно мелочи, а не высокие материи. Никто ещё не протрезвел от глубоких мыслей. Это всегда мелочи.

Некоторые из вас уже слышали, как я рассказывал эту историю. Много лет тому назад я выступал на собрании группы Боба Уайтса на Санта Барбаре и Ван Несс, и там был один синяк, который сидел в первом ряду в тяжёлом подпитии, и в какой-то момент он стал пытаться прикурить, но у него ничего не получалось. Он промахивался, когда подносил спичку к сигарете. Он старался, как мог, но в конце концов одна старушка, которая сидела с ним рядом, отобрала у него сигарету и спички, прикурила, и вставила сигарету ему в рот. На следующий год я оказался в этой же группе в то же время - у этого парня как раз был первый юбилей, и я подумал: «Похоже, что мне удалось кое-что до него донести!» Ну, вы же понимаете, что я приготовился услышать комплимент в свой адрес, когда он встал получать юбилейный торт. Но он сказал, что продолжал возвращаться сюда не потому, что услышал или толком понял что-то на первом собрании, а потому что та старушка прикурила ему сигарету. Наш успех зависит не от мудрости и знаний. Всё дело в любви, а любовь терпелива. Нет любви без терпения.

Ещё один эпизод, который я часто вспоминаю, произошёл в группе Ла Хабра. Я всегда выступал там в пятницу перед Рождеством, и где-то лет десять или двенадцать тому назад

бы там один парнишка, который сидел у стены – у них там были скамейки вдоль стен. Так этого парня трясло – он не дрожал – его колошматило! Я подсел к нему до начала собрания, обнял его и сказал: «Сынок, это ерунда. Если ты не будешь пить, если ты удержишься, через три дня ты будешь физически чувствовать себя почти нормально. Просто держись и не пей – дело-то пустяковое. Сыграй сам с собой в игру, по правилам которой ты не будешь пить следующие три дня. И посмотри, что с тобой произойдёт». И в течение многих лет, по меньшей мере раз в год на каком-то собрании он подходил ко мне и шептал в ухо: «Сынок, это ерунда». А потом шёл дальше. Так что если вы их любите, вы терпеливы.

Как сдаться и препоручить нашу волю Богу, когда, даже попросив Его руководства, мы чувствуем себя потерянными?

Часто случается, что молишься, как лбом об стену бьёшься. Ну вот не чувствуешь никакого контакта, хоть ты плачь. Всё пустое. Не выгорает тебе там, наверху. В книге по этому поводу сказано, что если все другие средства бессильны, найди себе пьющего алкаша. Потому что, видите ли, когда мы испытываем такое ощущение пустоты, это означает, что мы чего-то хотим, а оно не происходит. Но, когда ты работаешь со свежим алкашом, то ты просто не сможешь хотеть чего-то для себя. Этого не будет. Ты не сможешь думать о себе, работая с таким фруктом. Именно там ты отдаёшь всё своё внимание, весь интерес и всю любовь человеку, который

перед тобой, даже если это всего лишь для того, чтобы перехитрить его. Не оказаться ни блеющим, ни тошнотворным в этом случае! Для этого нам приходится перестать думать о себе.

У меня есть такая теория: я не способен решить проблему. Я просто не могу, и поэтому последние двадцать девять лет я не особо пытаюсь, а вместо этого я жду руководства и указания. Если я неожиданно осознаю, что я в кусках, работая над чем бы то ни было, и понимаю что уже окаменел от этого (потому что подспудно я ломал голову над этим, прокручивая ситуацию снова и снова), тогда я вспоминаю свою теорию, и это всегда срабатывает для меня. Как я уже говорил, я делюсь абсолютно всем со своим Богом – будь то плохим, хорошим, или никаким – и в таком случае я говорю: «Пап, глянь, у меня тут мозга за мозгу зашла от этой проблемы и я не могу найти ответа. Но я знаю, что у Тебя он есть, и когда ты решишь, что я могу получить его, я буду очень рад. Спасибо Тебе огромное». И я отбрасываю эту проблему, и больше не трогаю её. Просто отбрасываю. И всё. А очень скоро я узнаю, что либо это вообще не было проблемой с самого начала (таких у меня где-то пятьдесят процентов), либо, что у меня есть ответ. В нашей жизни именно беспокойство о самих себе и нетерпение загоняют нас в тупик, а чтобы вылезти из самих себя, лучше рекомендацией является работа со свежими алкоголиками.

Учитывая, что моё «я» и эго периодически главенствуют, не слишком ли много времени я уделяю самоанализу?

Ну ты накрутил! Если бы я был на твоём месте, я бы просто сдался. Я заметил, что многие из наших людей в АА и даже в Грейпвайн пишут о том, что следует обрести самоуважение. Я постоянно слышу от выступающих на собраниях: «Научись любить себя прежде, чем ты сможешь любить кого-то ещё». И я очень рад, что на самом деле это не так. Я не тратил время на то, чтобы восстановить самоуважение или научиться любить себя. Мне такой, как я, и даром был не нужен. Я ненавижу себя. Но я занялся тем, что предлагает делать наша книга, а она не предлагает мне научиться «самоуважать» или научиться любить себя, чтобы я мог любить вас. Я считаю, что дела обстоят совсем иначе. У Святого Франциска сказано: «Помоги мне, Господи, не столько искать утешения, сколько самому утешать, не столько искать понимания, сколько самому понимать, не столько искать любви, сколько самому любить. Ибо воистину, кто отдаёт - тот получает, кто забывает себя - вновь себя обретает, кто прощает - тому прощается, а кто умирает - тот возрождается в Вечной жизни».

Это именно то, о чём мы говорим с момента нашей встречи здесь, да, именно об этом. Я не верю, что мой образ помогает хоть как-то улучшить мою жизнь. У меня о моём образе такое же представление, как об образе тюленя. Мой образ меня совершенно не интересует, я здесь не для этого. Я здесь для того, чтобы любя делиться собой, а там уж как карта ляжет. Меня даже не интересует ваше мнение о том, что произошло, разве что вы хотите высказать его мне. Но

это не то, что является моим делом. Я вас люблю, и это всё, что мне надо делать. Это то, что меня интересует, это моё дело. И это не моё дело, кого вы любите или что вы любите, или что вы думаете. Это ваше дело. Я вас люблю, и точка. Мне даже нет причины волноваться по поводу того, что вы думаете обо мне. У меня же нет своего образа.

Я думаю о себе в точности, как о большом окне напротив моего кресла. Для меня окно и *есть* я. И когда ни что его не загораживает, через него проходит свет, но окно это не свет. И я думаю о занавеске, как о моём эго, ведь когда занавеска задёрнута, свет не проходит, но так же, как окно не является светом, занавеска это не тьма. Она всего лишь закрывает свет. Значит моя забота держать занавеску открытой, чтобы свет мог пройти. Я не являюсь источником света, я проводник. Всего лишь проводник. Вы и я необходимы Богу как проводники, по которым Он продвигается в своё создание. Мы проводники. И нам надо убрать с пути и дать этому происходить. Как мы уже говорили вчера вечером, и как я всё время говорю себе, я либо буду сам управлять своей жизнью и иметь дело с последствиями этого, либо я не буду сам управлять своей жизнью и меня ждут соответствующие результаты. Я не могу управлять своей, поэтому и не управляю. Я занят тем, что я живу.

Я считаю, что, погрузившись в жизнь, мы обретаем Бога. Гарантированно, потому что всё, что нам надо сделать, это избавиться от преград на пути. Ты найдёшь Бога, если ты занят жизнью. Так что я бы на твоём месте не стал тратить и пяти секунд на поиски себестоимости в чём-то другом. Чтобы

найти себя, да. Чтобы понять, что то, что ты ищешь находится вот здесь, внутри тебя – то, что ты ищешь - это то, с чем ты ищешь; то, что ты пришёл искать здесь, ты принёс с собой. Всё, что ты когда-либо хотел знать, ты уже знаешь, а всем, чем ты хотел быть, ты уже являешься, но это упрятано. Это спрятано, поэтому мы находим и узнаём. Забудь о себе – пошли себя к чёртовой матери. Может ты просекаешь это лучше меня. Может быть да, а может быть и нет. Будь как будет. Самое лучшее в этом деле - не принимать себя всерьёз, а сделать из этого игру. Игра в жизнь с самим собой. И веселиться, пока играешь. Мне веселей с Богом, чем, пожалуй, любому другому. У меня с Богом сплошные развлечения. Я считаю, что у Него потрясающее чувство юмора, иначе Он бы не стал прятаться в последнем из мест, где мы ищем! Мне кажется это здóрово! Глянем в самое последнее место, а Он там. Я вижу Его! Вот я ищу бутылку, когда нигде уже не продают, потому что мне надо выпить, а Он говорит: «Ну ты посмотри на этого сукина сына, ведь он Меня обыскался, а Я-то с ним!» Какая прелесть! Умора. Ты слишком серьёзен , Фил, сделай из этого развлечение.

Может ли член АА работать профессионально в сфере алкоголизма?

Я не очень хочу рассуждать по этому поводу, но кое-что всё же скажу. Жутко тяжело для таких любителей, как мы, закрутиться с профессионалами и оставаться дилетантами. Мы странный народ. Нам только дай потереться возле врача,

и мы сами становимся врачами. Может быть кто-то и способен остаться любителем, работая за деньги в области алкоголизма, я не знаю. Лично мне довелось встретить только одного человека, у которого это вроде бы получалось, но ушёл от нас слишком быстро, чтобы можно было сказать работает это или нет. Его звали Уоррен С., он умер где-то через год после того, как начал работать за деньги в сфере алкоголизма.

Вполне может показаться, что работа на такую организацию, как Национальный Комитет по Алкоголизму не будет иметь никакого отношения к платному Двенадцатому Шагу, потому что у этой организации нет никакой программы выздоровления. Они выполняют только образовательные и справочные функции. Это их бизнес, а мы этим не занимаемся, и поэтому, казалось бы, нет проблемы работать на этот Комитет. Главное, что у них нет программы выздоровления. Но те из моих друзей, кому довелось работать на них, каким-то образом становились профессионалами. Мне вспомнилась одна девушка, которую я обожал, и от которой десять лет назад я услышал одно из лучших в АА выступлений. Потом она стала Секретарём Комитета по Алкоголизму, и год назад её выступление перед нашей группой было не менее блистательным, но не было речью Анонимных Алкоголиков. Это была профессиональная речь, а одними из главнейших вещей для нас являются забота и стремление делиться. Мы не эксперты ни в чём, мы делимся нашим опытом, силой и надеждой, любя друг друга. Так что я не встречал никого из тех, кому удавалось делать

такую работу без того, чтобы не затеряться в профессионализме. Между прочим, и трёх месяцев не прошло с момента её выступления, как она сама оказалась в госпитале. Я уверен, что не из-за таблеток или алкоголя (я говорю, что уверен – я ни в чём не уверен), но из-за какого-то нервного расстройства.

Я не могу это делать. Когда меня просят выступить в организациях, которые платят за это гонорар, скажем семьдесят пять или сто пятьдесят долларов, я не беру. Потому что, хотя они об этом и не догадываются, я узнал всё, что рассказываю им от вас, алкашей, которые не пьют. И для меня брать за это гонорар всё равно, что пытаться взлететь, потому что вы за это ничего с меня не взяли. Вы даже не спросили, есть ли у меня что-нибудь. Единственное, что вы мне сказали, когда я пришёл на первое собрание, это «Мистер, вы кого-то ищете?» И я ответил: «Нет, сэр». Вы тогда спросили: «А что вы ищете?» И я сказал: «Если Вас это интересует, сэр, я ищу трезвость». И вы засияли, как Новогодняя Ёлка! Вы взяли меня и успокоили. Разумеется, любой алкоголик может зарабатывать на жизнь, как он считает нужным. Я считаю, что мы имеем полное право зарабатывать себе на жизнь чем угодно, но если бы я был проповедником, я бы предпочёл держать свой бизнес в стороне от наших дел, потому что я бы не хотел стоять здесь перед нашим обезьянником и говорить то, что вы желаете услышать. Я бы не хотел отдать вам в руки своё электричество и воду. Потому что если мои речи будут вам не по вкусу, вы отключите мне те самые электричество и

воду, а значит мне надо ублажать вас. Я не могу этого делать. Я буду держать свой бизнес в стороне. Я хочу, чтобы мои деньги шли из другого места, чтобы я мог говорить вам то, что я думаю. Я не могу говорить вам что-то без того, чтобы чувствовать это, и я считаю, что иначе и быть не должно. Поэтому я бы не смог работать в этой области.

А если бы я был капитаном морской пехоты, и они захотели бы, чтобы я возглавил их программу для алкоголиков, а я мог бы сам набирать себе штат, как это было позволено некоторым из служащих, я бы скорее всего сделал то же самое, что сделал тот морской пехотинец, который задал этот вопрос. Он аж посинел и спросил: «И что мне теперь делать?» А я ответил: «Пусть твои люди занимаются отдельно всеми расстройствами, так или иначе связанными с алкоголизмом. Пусть те, кто у тебя работает, займутся наркоманами разных сортов, сексуальными маньяками и прочими весельчаками, а ты занимайся Анонимными Алкоголиками, иначе говоря пьяницами». И он поступил именно так, всё сработало прекрасно, и я думаю, что это не пошло ему во вред.

Должны ли члены АА посещать собрания Ал-Анона?

Упускаем ли мы что-либо, не делая этого?

Думаю, что упускаете, ведь там же в основном женщины! Мне с ними весело; конечно имеет значение, что моя жена принимает в Ал-Аноне активное участие, а уж с ней мы веселимся на всю катушку. В течение многих лет, когда моя

жена начинала спорить со мной, мне удавалось успешно использовать как аргумент такую фразу: «Послушай, сестрёнка, у вас бы не было никакой программы, если бы не мы». Потому что это ведь мы дали им нашу программу. А через какое-то время она вдруг резко поумнела и сказала: «Нам бы не нужна была ваша программа, если бы не вы!» Я лично не вижу ни одной веской причины идти куда-то ещё, кроме Анонимных Алкоголиков, чтобы узнать, как работает эта программа. Для меня в этом нет никакой необходимости. Задолго до того, как появился Ал-Анон люди приходили ко мне и говорили: «Вы должны помочь этому парню или этой девчонке протрезветь», а я говорил им: «Вполне может быть, что для вас именно сейчас самое лучшее время в вашей жизни, чтобы найти себя. Может быть единственный шанс у вас помочь этому алкашу, это не просить меня, а применить эти принципы к самим себе, найти собственное успокоение и поддерживать мир и покой в вашем доме. Это может оказаться единственной положительной вещью, которую вы способны сделать для этого синяка». А это было за много лет до Ал-Анона. И теперь это то, что они пытаются делать. Они пытаются найти жизненный ответ в этой программе, а *мы* обязаны найти его вместе с трезвостью.

Я не имею ничего против того, чтобы ходить на собрания Ал-Анона и часто выступаю на них. Кстати, вы даже не знаете, что смотрите на самого лучшего в Ал-Аноне спикера! Несколько лет тому назад, это было в четверг, мне позвонил один человек из Далласа и спросил: «Чак, когда ты можешь выехать в Даллас?» Я ответил: «Я не приеду». А он сказал:

«Никуда не денешься». Я повторил: «Я не собираюсь ехать в Даллас». Он настаивал: «Я же спросил, когда ты выезжаешь». И я снова сказал: «Я не приеду». Он продолжал: «Мне не нужен такой ответ. Когда ты выезжаешь?» Тут я на него наехал: «Кто тебя подвёл? Что случилось с тем, кто должен был у тебя там выступить? Почему ты меня первым не попросил? Кто от тебя сбежал?» Он рявкнул: «Не твоего чёртова ума дело!» Короче, я слетал в Даллас и выступил в Ал-Анон на торжественном обеде. И я оказался заменой замены! Первая, кто согласилась у них выступить, была покойная Лиз, ну вы знаете, дамочка, которая написала книгу «Покойная Лиз». Как же её звали? Гёрт, Гёрт Б., мы с Гёрти не ладили в любом случае. Но она должна была выступить и в последний момент стусевалась. А следующей была Адель С., и она тоже скисла. В результате я заменяю двух баб, замена замене, и они там до сих пор говорят, что я выступил с самой лучшей речью, которую они когда-либо слышали в Ал-Аноне (это я на всякий случай добавил). А вообще-то нет никакой причины не ходить на собрания Ал-Анона, если вы хотите.

Как вы доказываете любовь?

Я не думаю, что мы что-то доказываем. Я не считаю, что нам надо что-либо доказывать. Нечего выигрывать, и мы никуда не рвёмся. Мне придётся снова вам сказать то, что я уже говорил, но я с радостью повторюсь, потому что сам люблю эту тему. Один врач позвонил мне как-то в полночь и спросил: «Каким является определение любви?» Я ответил:

«Таким же, каким оно было в 10 часов утра. Ты с ума сошёл звонить мне в полночь и задавать такие вопросы?» Но он снова спросил: «Каким является твоё определение любви?» Я сказал: «Тебе оно не понравится». Он продолжал: «Так каким?» И я ответил: «Действие». Говорить о любви всё равно, что говорить о смирении: бесполезно. Только действие. Если ты любишь кого-то, ты делаешь вещи для этого человека. Просто делаешь, не превращая это во что-то экстраординарное. Обычное дело, ничего особенного.

Я не потрачу и пяти секунд, чтобы доказывать кому-то здесь то, что я сказал. Я здесь не для того, чтобы что-то доказывать. И я не потрачу ни единой секунды в попытках отстаивать то, что я сказал здесь. Я имею право на своё мнение, а вы на своё. Вы имеете моё одобрение, если вы не согласны с тем, что я сказал или с тем, как я это сказал. Меня это полностью устраивает. И то же самое относится ко всем людям в любом другом месте. Я вас люблю; это не моего ума дело, что вы думаете обо мне, разве что вы хотите меня проинформировать. Так что перестаньте делать из этого что-то важное, перестаньте доказывать.

Просыпаясь с плохими мыслями, как нам следует налаживать отношения с Богом?

По-моему это то, о чём мы говорили с самого начала. Молиться не прекращая. Я не вижу разницы между молитвой и серьёзной мыслью. Они одно и то же. Как мы уже говорили, когда собрались здесь, страх и волнение - это

молитва о том, чтобы что-то не произошло. Требуется жить в осознанном ощущении живого присутствия Бога. Мне не очень нравится (я очень много об этом говорю) молитва «Отче наш». Наш Отец, Бог. Я часто говорю о нашем Отце, но отношения, о которых мы здесь ведём речь, гораздо глубже отношений отца и сына. Вот у меня два сына где-то в южной Калифорнии, а я понятия не имею, где они находятся. Это невозможно в моих отношениях с Богом, ибо Бог во мне. Бог то, чем я являюсь. Я бы не мог дышать, я бы не мог существовать, вообще ничего бы не было, я бы исчез, если бы не Бог. Потому что Бог это жизнь, и невозможно в реальности быть отделённым от Него.

Отстранение может быть только сознательным. То самое чувство отделённости от – на отлёте. Абсолютно реальное, как опыт, но не реальность. Поэтому я не думаю, что мы должны просыпаться, чувствуя себя иначе, чем когда мы пошли спать, или чувствовать себя по-другому через десять минут после того, как мы проснулись. А вот как обстоят дела. Что насчёт меня сейчас? Если бы мне нужно было начать быстренько молиться, я не думаю, что почувствовал бы себя лучше по окончании молитвы. Я считаю, что надо чувствовать себя хорошо до того, как начнёшь молиться. Я понятия не имею, когда начинается и когда кончается моя молитва. Я что-то вроде Брата Лоренса в этом деле. Потому что я предпочитаю жить в сознательном ощущении Живого Присутствия Бога, во всём, что меня окружает. Во всём вокруг. Так что вбейте в голову: что сейчас и есть время. Видите ли, это жизненно важно для меня потому, что завтра

всегда был тем днём, когда я собирался взяться за ум и начать новую жизнь. Завтра я собирался делать все дела, понимаете? Но завтра никогда не наступало. Каждый раз, что я приходил в себя, было сейчас, и меня мучила жажда! Поэтому я пил. Завтра не приходило. Наверное повторюсь, но не считаю, что надо быть в каком-то определённом состоянии, чтобы удерживать в себе это чувство Живого Присутствия Бога. Я не думаю, что это происходит в церкви, на горе, в храме или в Иерусалиме. Это у меня во рту, чтобы я чувствовал это, знал и делал. Так что это единственный ответ, который у меня есть.

Когда вы полностью стали доверять Богу?

Я не знаю. Не знаю потому, что я просто вдруг понял, что это произошло, понимаете? Я думаю, что это случилось в первый же раз, когда моё эго было выжжено из меня. И полагаю, что случилось это потому, что я был в круге Жизни, Добра и Бога. Перерождение из осознанного отстранения в сознательное единство превращает это в реальность. Верить в Бога - это хорошо, но этого не достаточно для алкоголика. Нам нужно жить в Боге. *Жить* в Нём. Это и есть суть нашей программы – убрать нас с нашего же пути, чтобы мы могли заняться делами Отца нашего. Это единственный бизнес, которым я занимаюсь вот уже двадцать девять лет. У меня нет других дел. Я занят только делами Отца, и это мой бизнес, а Его бизнес - заботиться обо мне. Это так же естественно и нормально, как дышать. Я ожидаю этого все

своим существом, но это не значит, что я развалился тут, ничего не делаю и жду, что кто-нибудь возьмёт телефон или позвонит. Я знаю, что всё хорошее в моей жизни является подарком из Его рук.

Отец Барни сказал мне кое-что десять лет назад, когда я вёз его с работы к себе домой. Как только мы выехали на шоссе, он спросил: «Чак, как ты успеваешь выполнять все свои обязательства?» Я сказал: «Что ты имеешь ввиду?» И он пояснил: «У тебя три жизни, и любой из них достаточно, чтобы быть постоянно занятым, но ты умудряешься жить всеми тремя. Как ты это делаешь?» А я ответил: «Святой Отец, Вы должны это знать лучше меня. Вы же познавали всю свою жизнь! Что ж Вы меня-то об этом спрашиваете?» И я добавил: «Я никогда не разделяю их в своей жизни, вообще никогда».

Так что, когда мы применяем эти принципы во всех наших делах, господа, то никакого разделения в жизни быть не может. Нет ничего, что бы было важнее чего-то ещё, и нет ничего, что бы было выше или ниже в своей духовности, чем что-то другое. Ваш бизнес так же духовен, как ваше АА, ваше АА так же духовно, как ваша церковь, а ваш дом так же духовен, как обе эти вещи. Материя так же духовна, как «ха-ха». Всё хорошее - это подарок из Его рук. И жить в этом, ощущать это, постоянно ощущать, вот о чём я всё это время говорил: поправить паруса; и в зависимости от созданного нами же ветра некоторые суда возьмут направление на восток, а некоторые на запад. Будет зависеть от парусов, а не от бури, в какую сторону они пойдут.

И я поправляю паруса, продолжая повторять себе иногда по пятьдесят раз на день: «Бог - моё убежище и моя сила». А почему я это делаю? Я ничего не боюсь. Я не боюсь вас, я не боюсь Бога, я не боюсь Дьявола, я не боюсь завтрашнего или вчерашнего дня. Так почему же я продолжаю говорить: «Бог - моё убежище и моя сила?» «Обрати взор свой на холм, откуда исходит сила твоя». Я люблю этот холм. Я люблю Бога. И я поправляю свои паруса, напоминая себе, что в Нём я живу, двигаюсь и существую. Сознательное ощущение Живого Присутствия Всемогущего. Вот о чём наш слёт здесь. И ничего другого здесь нет, как я это понимаю. Я либо буду продолжать хозяйничать в своей жизни и принимать все вытекающие последствия, либо я перестану хозяйничать в ней и получу соответствующие результаты. *И это не просто слова.* Это то, как я живу. Я не могу жить по другому. Я пробовал в течение сорока трёх лет, и это было на сорок три года дольше, чем надо.

Я всегда соперничал в жизни. Как мне перестать соревноваться?

Я всю жизнь соревновался. Я был в прекрасной физической форме пока не получил травму, играя в футбол. Я мог делать всё, что угодно. Футбол, баскетбол, бейсбол и лёгкая атлетика – всё это было для меня, как любимое блюдо. Старина Уолтер Кемп говорил много лет назад, что мне не достанется титул всеамериканца только в том случае, если я получу травму, так я её получил. Из футбола пришлось уйти.

Так что соперничать у меня в крови.

У меня был брат, который был на три с половиной года старше меня, и мы с ним соперничали. С того момента, как я научился ходить и пока я не ушёл из дома, когда мне исполнилось двадцать, мы с ним постоянно дрались. Это продолжалось двадцать лет в рассрочку! Он был на три с половиной года старше меня, на столько же сильнее и до тех пор, пока мне не исполнилось восемнадцать или двадцать, он мог меня отдубасить, но он не мог заставить меня поверить в это. Он так никогда и не смог заставить меня это верить. Мы начинали драться за пару миль от дома и каждый раз после того, как он заламывал меня, я кидался на него, как Тузик на грелку. А когда мы устраивали этот бардак в гостиной, мать лупила нас обоих.

Я ушёл из дома в твёрдой уверенности, что могу победить его. Ему так и не удалось убедить меня в обратном. Так что соревноваться было моей жизнью. Нынче я часто играю в кегли, и если я иду играть с целью победить кого-то, я становлюсь тряпкой. Это как-будто я никогда шара для кеглей в руках не держал. Но если я иду туда, чтобы просто постараться сыграть настолько хорошо, насколько мне позволяют мои возможности, и получить такое же удовольствие от хорошей игры своих соперников, как от своей, я могу победить любого. В 1957-м я был чемпионом Беверли Хиллз Клуба по кеглям, а я играл тогда только два раза в неделю. Я ходил играть в субботу и воскресенье, когда все остальные ходили играть каждый день. А ведь кегли - это утончённая, изысканная игра.

Так что я могу соревноваться с кем угодно. И опять же, это вовсе не потому, что я решил больше не соревноваться. Видите ли, мне повезло потому, что я ничего не хотел, когда пришёл сюда, даже трезвости. Я просто хотел подчистить свой послужной список насколько это возможно, но его нельзя подчистить с точки зрения понятий соревнования, это не получится. Ты просто помогаешь людям делать то, что им нужно, потому что ты хочешь им помочь. Мне пришлось это делать, чтобы подчистить свой список, а когда я наконец осознал тот факт, что всё идёт хорошо, я уже привык делать это и продолжал делать, и я по-прежнему делаю это и верю, что это именно то, о чём мы с вами тут беседуем. Наша цивилизация наложила на нас массу абсолютно чуждых понятий: ты должен быть этим, иметь это, и быть известен как, прежде чем ты можешь нормально жить. Единственное, что можно делать с жизнью, господа, это жить её. Быть – это единственное, что считается. Реальность сейчас – *единственное*, что учитывается в этой жизни. «Не предавайся мыслям о завтра, чем ты будешь питаться, что ты будешь пить или во что ты будешь облачён». Небесный Отец знает, в чём ты нуждаешься, прежде чем ты об этом попросишь. Я, кстати, научился испытывать гораздо больше радости, получая удовольствие от действий своего соперника, как от своих. Это не просто больше радости – это в два раза больше, а если вы играете вчетвером, то во все четыре. И это куда более естественно - желать лучшего своим соперникам. Пожелайте им добра. Тогда вы делаете своё дело, а они своё, и нет никакого соревнования, если всё делается таким

образом. Соревнования нет, и чувство, что ты с кем-то соревнуешься, тоже отсутствует.

Пока я не забыл: всё что надо делать, всё о чём эта программа - это изменить побуждения в вашей жизни. И это всё, что требуется. Измените направление движущей вами силы от того, чтобы брать что-то, к тому, чтобы дать что-нибудь, внести что-то. Даже когда вы идёте на собрание Анонимных Алкоголиков, направьте свои побуждения от «получить» что-то к «привнести» что-нибудь. С того момента, как я осознал, что трезв - а это было через шесть месяцев после моего прихода сюда - и до сих пор я ни разу не ходил на собрание, чтобы что-то получить. И у меня не получается пойти на плохое собрание. Я могу прийти на собрание и не соглашаться со всем, что там происходит – со спикером, со всем, что он говорит, с тем, как он это говорит - и всё равно я выхожу оттуда с полной чашей. Если вы идёте туда в надежде, что ваше присутствие подбодрит кого-то или кому-то будет просто приятно вас увидеть, так всегда и происходит. Может быть кто-то задаст вам вопрос, на который вы можете ответить, поделиться. Вы не сможете уйти оттуда без полной чаши. Это просто перемена ваших побуждений от взять к привнести. И в течение вашей жизни вы делаете всё таким образом. Это не отношение «благодетеля». К чертям «благодетелей»! (извините меня). Да и не хотите вы становиться благодетелем. Как мы уже говорили, быть хорошими для чего-то - это самоограбление, даже если это для того, чтобы попасть в Рай. Не занимайтесь самоограблением. Будьте хорошими не для чего-то! В этом

же вся радость - быть хорошими просто так!

Как мне противостоять настойчивым требованиям моей семьи и сослуживцев, которые утверждают, что я должен планировать свой завтрашний день и своё будущее?

По-моему, ребята, я не рассказывал вам о том, как в 1957-ом году мне пришлось отказаться от полумиллиона долларов. Я хочу вам рассказать эту историю, потому что она послужит ответом на ваш вопрос. Когда я был год как трезвый, мне попался один земельный участок на углу Гардины и Нормандии, который принадлежал моим близким друзьям. Братья Джаксоны, строители. Набожные мормоны. Вы слышали такой анекдот? Папа римский собрал кардиналов и сказал: «Ребята, мне тут только что позвонили, и у меня есть для вас хорошая новость и плохая новость. Какую из них вы хотите первой?» Кардиналы посоветовались и сказали: «Давай сначала хорошую». Тогда он сказал: «Мне сообщили по телефону, что второе пришествие Христа состоялось, и что Христос сейчас ходит по земле». Они обрадовались, решив, что это чудесная новость, а потом спросили: «Ну а что за плохая новость?» И он ответил: «Звонок был из Солт-Лэйк Сити!»

Короче, я знал, что этот участок в десять акров на углу является очень выгодной покупкой, и что это будет хорошим местом для магазина. В свои ранние годы в магазинном бизнесе я получал все заказы, продвигая открытие магазинов. Я находил владельцев недвижимости и договаривался с ними

либо о снятии места в аренду, либо о строительстве здания на их земельном участке. И если они соглашались, я находил им съёмщика. Или я покупал недвижимость для них. Всё это делалось только для того, чтобы получить заказ на арматуру. Я ведь в то время не имел никакого отношения к торговле недвижимостью, я был в арматурном бизнесе. Но я умел оценивать и хорошо понимал, какой участок подходит под магазин, а какой не подходит. Итак, мне понравился тот участок, и я стал думать: «Кому можно предложить купить его?» А потом до меня дошло, что может быть мой босс захочет купить этот участок, потому что его отец начал тот бизнес, в котором я работал, и босс был богатым человеком ещё до того, как унаследовал этот бизнес. Его отец начал это дело в 1908-ом году, и он уже тогда был очень состоятельным.

Я пришёл к нему однажды утром и сказал: «Виктор, я нашёл кое-что, и думаю тебя это заинтересует». Он спросил: «Что это?» Я объяснял ему, он слушал, а потом сказал: «Купи это себе, Чарли». Я ответил ему: «Нет, я покажу это тебе, но сам покупать не буду». «Почему?» - сказал он - «тебе нравится, купи». Я сказал: «Нет, Виктор. Садись в машину, поедem посмотрим. Мы обернёмся за час». Мы съездили, посмотрели, и он сказал: «Покупай сам». Я ответил: «Нет, давай узнаем, если кому-то ещё в городе это понравится. Дай-ка мне показать это нескольким владельцам магазинов, и может быть их это заинтересует. А вдруг они решат построить там здание под магазин». Но он ответил: «Чарли, тебе нравится, Иди и купи». И я пошёл и купил.

После того, как все условности сделки были пройдены, однажды вечером, когда все, кроме его секретаря уже ушли из офиса, он вызвал меня к себе. Мы сели втроём. И он сказал: «Чарли, я не хотел этот участок. И сейчас не хочу, он мне не нужен. Но я хотел бы помочь тебе быть в таком же финансовом положении, как я, и, когда это произойдёт, мы можем вместе уйти на пенсию. Я даю тебе двадцать пять процентов от этой сделки. Они твои! Теперь давай найди нам арендатора, мы построим ему здание и уже оттуда двинемся к цели. Двадцать пять процентов твои». И я пошёл и уговорил Вонза на это дело. Им оно не очень понравилось, но они сказали: «Это первый раз, что у нас появилась возможность сделать что-то для Чарли, а он ни разу не подкачал нас с определением удачного места для магазина. Так что давайте возьмём. Это нам не повредит». Так они согласились на это дело из-за меня, и они знали про двадцать пять процентов не только от меня, но и от Виктора.

Мы построили им здание. Братья Гатсон построили его за полставки: пять процентов вместо десяти, потому что я знал их ещё со времён, когда они были контрактными рабочими – двое ребят, их отец и дядя. Я их нанял строить спаренные дома между Хайлэнд и Ла Брея на Третьей в Хэнкок Парке, и я был королём дуплексов. Мы часто работали вместе, хорошо знали друг друга, и они построили это здание за полцены потому, что хотели сделать что-нибудь для меня. Для того, чтобы построить, нам нужна была ссуда. Я пошёл к Вёрну Дженкинсу, который был председателем совета директоров Западной Страховой Компании. Я помог протрезветь его

сыну, и Вёрн думал, что солнце восходит и садится из-за меня. Я пришёл к нему и сказал: «Нам нужна ссуда, чтобы построить здание». Он ответил: «Что тебе надо? Ты можешь иметь всё, что здесь есть, включая саму компанию. Скажи мне, что тебе надо, и ты это имеешь». И ведь все знали о моей договорённости с Виком.

Мы построили здание, Вонз открыл магазин, и это место оказалось золотым дном. Причём с самого начала. Мы получали с аренды от \$1,700 до \$2,100 ежемесячно (мы имели проценты от сдачи помещения). Это в неделю, господа! Идея сработала прекрасно. Они там в этом месте торговали на \$100,000, \$125,000, \$140,000 в неделю. И все были довольны. А потом они стали открывать универсальные магазины, а мы их строили для них, и результат оказался таким же, и всё было прекрасно. Короче, на одиннадцатый год Виктор собрался уходить на пенсию, ну и я собрался вместе с ним. Всё это время мы с ним говорили об этом, мы обсуждали, чем будем заниматься, мы смеялись и плакали вместе, как единое целое. Так было до последнего года. К одиннадцатому году наших совместных дел мне стало казаться, что Виктор стал отстраняться от меня, но я решил, что он ведёт себя так потому, что в связи с уходом на пенсию его мысли заняты чем-то другим. Я тоже собирался уходить на пенсию – мы ведь говорили об этом в течение десяти лет! Я купил дом, в котором сейчас живу, и собирался уходить, получив свою долю нашего договора, которая составляла, как минимум, \$500,000. Это обеспечивало меня. Я собирался уходить на пенсию, и у меня были самые лучшие

похвальные побуждения. Я собирался уйти на пенсию и посвятить всё своё время работе за свой счёт с такими оболтусами, как вы. Всё ведь в порядке с такой мотивировкой, а? И я купил этот дом, чтобы жить в нём, когда я уйду на пенсию.

А когда подошло время, Виктор не смог сделать то, что был должен. Он просто не смог. Это была слишком большая сумма, и он был вынужден отрицать нашу договорённость. В это было невозможно поверить, потому что мы были так близки! Мы ведь смеялись и плакали вместе, обсуждая наш план снова и снова. Мы же собирались уйти на пенсию вместе. Но он не смог этого сделать. Речь шла о слишком больших бабках, и он стал отрицать наше соглашение, будь оно неладно. Разумеется, меня это убило, потому что я просто не мог поверить, что этот человек мог так поступить. Это было невозможно! Всё моё нутро разрывалось: «Ты не можешь позволить ему сделать такое! Ради него же ты не можешь дать ему поступить так по отношению к самому себе». Я знал с головы до пят, что был прав, и внутренний голос говорил мне: «Это для твоей семьи, твоих детей и твоей жены. Это для них! Так не может быть!»

Я поговорил с советчиками, хорошими советчиками. Адвокатами. Они мне сказали: «Чарли, ты можешь вызвать его в суд и выиграть это дело вчистую. У тебя в этом городе чуть ли не каждый свидетель, здесь все знают об этом и от него, и от тебя. Вызови его в суд и ты выиграешь». Долго я думал над тем, чтобы сделать это, но не мог. Почему? Потому что в 1946-ом году он пришёл выкинуть меня в окно, но не

сделал этого. Он не выбросил меня в окно, а я не мог вызвать его в суд. Я не мог осуждать его, не мог обижаться на него, не мог ненавидеть его. Если бы я позволил себе любую из этих вещей, я бы пошёл пить, а если бы я пошёл пить, я бы умер. Так я оказался между молотом и наковальней. И мучился я, как проклятый, потому что не видел просвета во всей этой чертовщине. Это поставило с ног на голову всё, что мы строили десять лет. А ещё интересным было то, что его секретарь слышала всё это, и мы с ней неоднократно говорили об этом. Она слышала то, что хотела слышать, но когда она не хотела чего-то слышать, она не слышала этого, даже если слышала. Короче, у неё была проблема со слухом, и она мне говорила: «Чарли, я, наверное, чего-то не уловила. Или я неправильно услышала». А говорила она так потому, что отец Виктора приготовил для неё \$30,000, а Вик ещё не выплатил их ей. Она ждала свои \$30,000 и не могла пойти против него! Так что ей пришлось сказать мне: «Я ничего не слышала».

Я потратил год в мучениях, размышляя над этой ситуацией. Вы можете себе представить, каково мне было, ведь я подспудно был уверен, что обеспечен. Единственным положительным фактом за время переживания, кроме конечного результата этой ситуации, было то, что за весь тот год я ни разу даже не подумал о том, чтобы выпить. Замечу, что это нечто, учитывая, как безумно я страдал. И вот наконец в конце того года я понял, что существует только одна гарантия, и именно она является ответом на ваш вопрос. Единственное, на что я могу положиться, это мои

отношения с моим Богом. А там, в мире, нет ценностей. Ценности здесь, внутри меня. Там можно найти только свидетельства ценностей, но не сами ценности. Как только мы превратили в ценность миллион долларов, мы сами себя придушили, потому что мы обязательно их потеряем, как случилось с этими \$500,000. Так что свидетельства ценностей можно найти там, но сами ценности здесь, внутри нас.

Помните, было сказано: «Не возлагай свои личные сокровища там, где разъедает ржавчина и воры могут украсть их, а положи их в Раю, куда ржавчина и воры не доберутся. Потому что там, где находятся сокровища эти, и сердце находится». Мне пришлось понять, что единственно надёжными могут являться только мои отношения с моим Богом. После этого однажды вечером я позвал к себе Вика – никого не было, только он и я – и я сказал: «Виктор, я хочу ещё раз пройти по нашему делу, и, пожалуйста, не дай мне ошибиться. Если я скажу что-то не так, как было на самом деле, останови меня, и мы разберёмся в этом или прекратим наш разговор». И я прошёл через всю нашу договорённость шаг за шагом, а когда я закончил, то сказал ему: «Виктор, ты не остановил меня». Он ответил: «Нет, Чарли, не остановил». И я спросил: «Это было именно так?» А он отвел: «Да, именно так». И тогда я сказал: «Виктор, забирай их. Тебе они нужны, а мне нет. Благослови тебя Бог. Продолжай заниматься своим делом». И он свалился с моих плеч, и \$500,000 свалились с моих плеч, и всё остальное тоже свалилось с моих плеч. И я стал свободным человеком.

Вместо того, чтобы уйти на пенсию в 1957-ом, я купил

бизнес. Я проработал в нём больше пятнадцати лет и ежедневно ездил из Лагуны Бич на Сороковую и Аламеду. Люди спрашивали: «Как у тебя это получается? Как ты справляешься?» Но это стало лучшим временем дня, потому что это было единственное время, когда я мог побыть один. Не сам по себе, а наедине с Богом. И тогда я болтал с Папкой, и это чудесно. А через пятнадцать лет у меня было всё, что я хотел, и даже больше.

Так о чём же я говорю? Я говорю о единственной защите, которая существует. Когда мы думаем, что мы в безопасности, потому что у нас есть работа или потому, что у нас есть какие-то бабки в банке, или потому, или поэтому, или по чему-то ещё, то мы глубоко заблуждаемся. Это стало одним из самых важных жизненных уроков, который я получил, потому что с той поры не прошло дня или часа, чтобы я не знал точно, в чём моя защита. Она в моих отношениях с моим Богом. И так по одному дню, по одной секунде, «моментальность» сейчас – это единственное, что есть. Это не значит, что мы ничего не планируем на следующий год (если бы вы видели мой календарь, вы бы поняли, о чём я говорю). И не то чтобы мы не знаем, чем будем заниматься завтра, погружаясь в мир бизнеса, но речь о том, чтобы делать сегодняшнюю работу сегодня, завтрашнюю завтра, и не смешивать их. Снова, и снова, и снова я могу стоять здесь и говорить вам, господа: «Бога достаточно для всех моих нужд», и Его достаточно – я говорю правду. Но если я не делаю ничего по этому поводу, то я просто изголодаюсь до смерти. И это утверждение – правда,

но у меня есть, что делать. Дар Божий был сделан при создании земли, не на моих условиях, а на Его. И Его условия таковы, чтобы я вёл себя, как Его дитя и занимался Его делом. Когда я следую этому, я получаю наследство. И это ведь так просто, проще некуда. Это моя работа - заниматься Его делом, и это Его дело - заботиться обо мне.

ЭПИЛОГ

Наверное самым комфортным местом в активной жизни Чака – и где к нему было проще всего подойти – являлось большое кресло у него в гостиной. Сидя лицом к широкому окну, он отдыхал и получал огромное удовольствие от вида на очаровательный Лагуна Бич и побережье вдалеке.

И это особенно символично, что он сидел в своём кресле утром 14 декабря 1984 года, когда его глаза закрылись, и его доблестная и упорная душа «перешла в мир иной».

Его уход оплакивали десятки тысяч по всему миру. Тем не менее, в реальном смысле он среди нас – завет его жизни будут почитать где бы и когда бы ни собирались мужчины и женщины духовного содружества, известного как Анонимные Алкоголики.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ

МИЛТОНА Е. ПИКМАНА

1909 – 1993

За бескорыстные усилия и работу,
которую он проделал, дав возможность
этой книге стать реальностью.